

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6 ⇌ І Ю Н Ъ ⇌ 1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ Моховая 46.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

I.

	СТРАН.
I. Генеральный штабъ въ теоріи и въ жизни. Э. Х. КАЛНИНЬ.	1
II. Принципы строевого обученія пѣхоты. С. Л.	27
III. Обученіе службѣ дозоровъ въ ротахъ, эскадронахъ и командахъ. (Съ рисунками). С. ТЕРНАВСКІЙ.	35
IV. Чего мы хотимъ отъ подпрапорщиковъ? А. ДМИТРЕВСКІЙ.	57
V. Депо офицерскихъ верховыхъ лошадей. А. И. ЛИТВИНОВЪ.	63
VI. Конница въ Японской войнѣ и въ былое время. (Со схемами). Ф. ГЕРШЕЛЬМАНЬ.	71
VII. Нормальный способъ стрѣльбы артилеріи въ бою. І. МИНГИНЬ.	99
VIII. Инженерныя наставленія. К. ИСАКОВЪ.	111
Физическія упражненія въ войскахъ съ гигиенической точки зрѣнія. П. Л—ВЪ.	119
Шведскія впечатлѣнія. Р. СПОРЕ.	127
Ночные бои. Переводъ съ нѣмецкаго Г. Л.	153
Памяти Всеволода Ивановича Роборовскаго (1856 — 1910 гг.). (Съ портретомъ). П. КОЗЛОВЪ.	169
Новинки и спортъ заграницей. (Съ рисунками). ВРОНСКІЙ.	179
Причины несчастій съ аэропланами. В. Б.	183

II.

БИБЛИОГРАФІЯ. 1) Обзоръ книгъ. А. Н. АПУХТИНЬ.	185
2) Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. С. ДОБРОРОЛЬСКІЙ; В. Н.	188
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. Б.	211

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»
Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Бьялевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Пруссанъ*.

Генеральный штабъ въ теоріи и въ жизни.

Въ №№ 9 и 10 «Извѣстій Императорской Николаевской военной академіи» г. О. Макшеевъ помѣстилъ статью «Служба германскаго генеральнаго штаба», цѣль которой «полнымъ очеркомъ дѣятельности германскаго генеральнаго штаба выяснитъ, въ чемъ дѣйствительно заключается его специальность» (№ 9, стр. 710). Академическій органъ отозвался, наконецъ, на этотъ наболѣвшій вопросъ, который, конечно, близко касается самой академіи и который она тѣмъ не менѣе упорно игнорировала въ то время, когда онъ обсуждался на страницахъ нашей періодической печати. Впрочемъ, и теперь появленіемъ труда г. О. Макшеева мы обязаны отнюдь не сознанію академіею своего долга высказаться по этому вопросу: оно вызвано чисто случайнымъ обстоятельствомъ — статьей анонимнаго автора о германскомъ генеральномъ штабѣ въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ (Ueberall, 1910), пересказъ которой и предлагается г. О. Макшеевымъ на страницахъ «Изв. Имп. Ник. в. ак.». Хотя и не совсѣмъ ясно, желаетъ ли онъ выяснитъ специальность генеральнаго штаба вообще или только германскаго генеральнаго штаба, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать его статью: помѣщенная въ нашемъ академическомъ органѣ, она какъ бы прикрыта авторитетомъ академіи и, слѣдовательно, можетъ быть принята за выраженіе ея взглядовъ по этому вопросу.

Своей статьёй г. О. Макшеевъ предпосылаетъ нѣсколько словъ, въ которыхъ упоминаетъ, между прочимъ, о моемъ сочиненіи, посвященномъ выясненію спеціальности генеральнаго штаба ¹⁾. Онъ находитъ, что примѣненіе умозрительнаго метода къ рѣшенію организаціонныхъ вопросовъ — путь ненадежный: избирающіе его обыкновенно сбиваются на предвзятую мысль и строятъ на пей цѣлую теорію, которую и рекомендуютъ для примѣненія къ жизни; но теорія оказывается фальшивой, подбираемые для подтвержденія ея факты получаютъ ложное освѣщеніе и, въ концѣ концовъ, жизнь отвергаетъ такую теорію. Такъ вышло, будто бы, и въ моемъ сочиненіи. По мнѣнію г. О. Макшеева, приведенные въ немъ примѣры изъ иностранныхъ армій нисколько не подтверждаютъ моихъ выводовъ, «такъ какъ ни въ одной арміи генеральнаго штаба съ такою узкою спеціальностью ²⁾ нѣтъ»; только, «смотря черезъ очки своей предвзятой теоріи», я могу утверждать, «будто бы германскій генеральный штабъ все же въ нѣкоторой мѣрѣ подтверждаетъ ее и, эволюціонируя со времени Клаузевица, въ настоящее время уже болѣе приближается къ этой теоріи» (Изв. ³⁾, № 9, стр. 710).

Мнѣ, конечно, не приходится отвѣчать здѣсь на совершенно голословныя, ничѣмъ не подтверждаемая заявленія г. О. Макшеева о непримѣнимости метода изслѣдованія, котораго я держался въ своемъ сочиненіи, равно какъ и о несостоятельности моей «теоріи» всё вообще. Скажу лишь, что нынѣ я больше, чѣмъ когда-нибудь, имѣю основанія считать примѣненный мною методъ вполне научнымъ, а добытое при его помощи рѣшеніе вопроса о спеціальности генеральнаго штаба единственно правильнымъ и научно обоснованнымъ: вѣдь до настоящаго времени выводы, къ которымъ я пришелъ въ своей книгѣ, остаются непровергнутыми. Тѣмъ не менѣе, я не могу оставить безъ вниманія статью г. О. Макшеева: она даетъ мнѣ удобный случай еще разъ показать, что «дѣйствительные факты» не только не противорѣчатъ выводамъ моей книги, но, наоборотъ, подтверждаютъ ихъ самымъ категорическимъ образомъ и что въ германскомъ генеральномъ штабѣ, признаваемомъ наиболѣе совершеннымъ въ настоящее время, полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, осуществлены и проведены въ жизнь тѣ начала, которыя вытекаютъ изъ установленной въ книгѣ моей спеціальности генеральнаго штаба.

¹⁾ Э. Х. Калнинъ. Генеральный штабъ и его спеціальность. Одесса. 1909 г.

²⁾ Т. е. изученіе противника. ³⁾ «Изв.» — сокращенное названіе «Извѣстія Императорской Николаевской военной академіи».

Умозрительнымъ путемъ, который, по странному представленію г. О. Макшеева, доступенъ почему-то только гениальному уму и которымъ, будто бы, только гениальный умъ можетъ подойти и то лишь подойти! — къ истинѣ, я пришелъ къ выводу, что спеціальность генеральнаго штаба заключается въ изученіи противника (Э. Х. К.⁴⁾, стр. 20—35)—«и только», прибавляетъ г. О. Макшеевъ (Изв. № 9, стр. 709). Это «и только» весьма характерно: оно свидѣтельствуешь, съ одной стороны, что авторъ, подобно большинству моихъ критиковъ, не далъ себѣ труда вдуматься въ важное, доминирующее значеніе, которое имѣетъ въ современномъ военномъ дѣлѣ знаніе противника; а съ другой—не пожелалъ обратить вниманія на тѣ страницы моей книги, гдѣ я пытался освѣтить этотъ вопросъ, ни на тѣ, гдѣ разъяснялъ, какое широкое значеніе я придаю этому термину. Вѣдь я не выдумалъ, ни съ того, ни съ сего, предлагаемаго мною рѣшенія; это не «предвзятая мысль», не «предвзятая теорія», какъ говоритъ г. О. Макшеевъ: это, хотя и добытый «путемъ разсужденій», но вполне обоснованный выводъ изъ предпосылокъ, которыя мнѣ кажутся неоспоримыми. При такихъ условіяхъ нельзя отвергать его только потому, что онъ кажется «узкимъ, однобокимъ», какъ то дѣлаетъ г. О. Макшеевъ: для этого его слѣдовало бы разобрать, подвергнувъ безпристрастной критикѣ предпосылки, принятые мною за аксіомы, и заключенія, выводимыя изъ нихъ, доказать несостоятельность первыхъ или ошибочность вторыхъ и потомъ уже заключать о непригодности моихъ выводовъ. Тогда и споровъ никакихъ не могло бы быть. Къ сожалѣнію, никто изъ авторовъ, удостоившихъ мою книгу своимъ вниманіемъ, не задалъ себѣ этого труда, что и даетъ мнѣ право считать это свое положеніе неопровергнутымъ, а заявленія въ родѣ дѣлаемаго г. О. Макшеевымъ, что «теорія эта фальшива нежизненна»,—голословнымъ, ничѣмъ не доказанными.

Изъ представленія о генеральномъ штабѣ, какъ спеціальномъ органѣ для изученія противника, я вывожу (Э. Х. К., стр. 79—94) основы его организаціи. Это, конечно, «умозрительный путь»; но вотъ что даетъ онъ относительно большаго генеральнаго штаба (Э. Х. К., стр. 92—93). «Большой генеральный штабъ... является учрежденіемъ, въ которомъ въ полной мѣрѣ осуществляется вся важная разносторонняя работа генеральнаго штаба, связанная съ изученіемъ противника и вытекающая изъ него. Онъ изучаетъ

⁴⁾ Э. Х. К.—сокращеніе названія: Э. Х. Калнинъ. Генеральный штабъ и его спеціальность.

жизнь сосѣднихъ народовъ, старается выяснитъ ихъ историческія задачи и политическія условія, въ которыя они поставлены, разрабатываетъ вопросы военной географіи и статистики сосѣднихъ странъ, изучаетъ ихъ арміи, изслѣдуетъ во всѣхъ отношеніяхъ театры будущихъ столкновеній и пытается выяснитъ наиболѣе вѣроятный образъ дѣйствій непріятеля. Изъ этого изученія онъ дѣлаетъ выводы, съ одной стороны, касательно подготовки театра войны въ инженерномъ отношеніи и уллучшенія на немъ средствъ сообщенія, съ другой—касательно плана и способа веденія на немъ операцій. вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе противника даетъ генеральному штабу указанія и на то сопротивленіе, которое армія встрѣтитъ на войнѣ, освѣдомляетъ его о вооруженіи и снабженіи будущаго врага; объ имѣющихся у него техническихъ средствахъ, о практикуемыхъ имъ тактическихъ приѣмахъ и исповѣдуемыхъ имъ стратегическихъ ученіяхъ, о духѣ и дисциплинѣ его войскъ и т. д. Эти свѣдѣнія даютъ мѣрило, съ которымъ слѣдуетъ сообразоваться при подготовкѣ своей арміи⁵⁾, и потому во всѣхъ вопросахъ, касающихся ея организаціи, вооруженія, снабженія, ея тактической подготовки и т. д., генеральный штабъ долженъ имѣть право высказать свое вѣское мнѣніе. Но только мнѣніе, не болѣе: рѣшающій голосъ во всякомъ случаѣ долженъ принадлежать тому, кто стоитъ во главѣ арміи, руководитъ ея подготовкой и отвѣчаетъ за нее—военному министру».

Вотъ выводъ относительно функцій большого генеральнаго штаба, вытекающій изъ признанія его спеціальностью изученія противника. Теперь взглянемъ, что даетъ намъ сама жизнь, каковы функціи большого генеральнаго штаба въ германской арміи. Въ статьѣ г. Ѳ. Макшеева объ этомъ ничего не говорится. Но въ

⁵⁾ Что выработка способовъ веденія войны вытекаетъ изъ изученія противника, можно пояснитъ и примѣрами изъ исторіи. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько словъ изъ статьи г. Б. М. Колюбакина «Воспомнанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г.», въ майской книжкѣ «Русской Старины» 1910 г. Рѣчь идетъ о генералѣ Вельяминовѣ. «...это онъ указалъ намъ систему и способы веденія войны въ этомъ краѣ (на Кавказѣ), это онъ преподавалъ намъ принципы веденія здѣсь войны и указалъ ихъ примѣненіе, и можетъ быть именно потому, что онъ самъ всегда слѣдовалъ этимъ принципамъ, онъ былъ здѣсь единственнымъ генераломъ, никогда не испытавшимъ неудачи и всегда достигавшимъ разв поставленной имъ цѣли. Все это слѣдуетъ объяснить еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что никто лучше и основательнѣе его не постигъ свойствъ театра войны, особенности условій веденія здѣсь войны и свойствъ и качествъ нашего здѣсь противника».—Аналогичная характеристика Скобелева дана въ моей книгѣ: «Генеральный штабъ и его спеціальность» стр. 42—46. Такіе примѣры показываютъ, какъ далеко захватываетъ все военное дѣло эта «узкал» спеціальность—изученіе противника.

ноябрьской книжкѣ французскаго военнаго журнала «Revue militaire des armées étrangères» за 1910 годъ помѣщена статья «La carrière de l'officier d'état-major allemand», составленная по той же статьѣ нѣмецкаго журнала «Ueberall», которою воспользовался и г. Θ. Макшеевъ. Обѣ статьи сходны поэтому между собою по содержанию, мѣстами даже въ деталяхъ; но во французской имѣются нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у русскаго автора, въ томъ числѣ хотя и общія, но интересныя данныя о функціяхъ германскаго большого генеральнаго штаба и его начальника. Вотъ какъ обрисованы эти функціи французскимъ авторомъ (Revue ⁶), стр. 337). «Въ общемъ, можно сказать, что назначеніе германскаго генеральнаго штаба заключается единственно въ подготовкѣ къ войнѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ главной задачей начальника генеральнаго штаба арміи въ мирное время является изученіе употребленія войскъ на войнѣ и подготовка перевозки и сосредоточенія ихъ на различные театры войны.— «Начальникъ генеральнаго штаба арміи со своими офицерами, говоритъ Бронзаръ фонъ Шеллендорфъ, подготовляетъ заблаговременно планы всѣхъ войнъ, которыхъ можно ожидать въ будущемъ, слѣдитъ за успѣхами военнаго дѣла въ арміяхъ сосѣдей и въ тоже время изучаетъ театры военныхъ дѣйствій; вмѣстѣ они изслѣдуютъ способы веденія войны»... Съ другой стороны, начальникъ генеральнаго штаба арміи докладываетъ государю, верховному вождю ея, которому онъ подчиненъ непосредственно, *свои пожеланія, вытекающія изъ производимыхъ имъ самимъ или подъ его руководствомъ изслѣдованій* ⁷) и касающіяся организаціи, обученія, численнаго состава, дислокаціи и мобилизаціи арміи; приэтомъ онъ принимаетъ участіе въ разработкѣ только маневровъ, передвиженія войскъ, службы желѣзныхъ дорогъ и техническихъ вопросовъ своей спеціальной области; что же касается разработки прочихъ мѣропріятій, то она цѣликомъ лежитъ на военномъ министерствѣ, органѣ чисто административнаго характера».

Если сравнить эту характеристику функцій германскаго большого генеральнаго штаба съ тою, которая процитирована выше изъ моей книги и относится къ большому генеральному штабу вообще, то по существу между ними нельзя найти никакой разницы. Правда, въ основу всей дѣятельности большого генераль-

⁶) Revue—сокращенное обозначеніе названія: Revue militaire des armées étrangères. Novembre. 1910. ⁷) Курсивъ мой.

наго штаба у меня положено изученіе противника, тогда какъ въ германскомъ генеральномъ штабѣ какъ будто нѣчто другое, подготовка къ войнѣ. Но если вдуматься въ послѣднее выраженіе, то окажется, что его нужно понимать въ ограниченномъ смыслѣ, отбросивъ всю ту сторону подготовки къ войнѣ, которая касается собственной арміи и которая, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ, относится къ сферѣ вѣдѣнія военнаго министра. И тогда подготовка къ войнѣ, поскольку она лежитъ на генеральномъ штабѣ, сведется къ подготовкѣ къ операціямъ, которая находится во всѣхъ отношеніяхъ въ самой тѣсной связи съ изученіемъ противника. Этимъ устанавливается полное тождество функцій большого генеральнаго штаба, какъ онѣ опредѣлены теоретически въ моемъ изслѣдованіи и какъ выработались жизнью въ германскомъ большомъ генеральномъ штабѣ.

Особенно важно отмѣтить здѣсь совпаденіе черты, разграничивающей сферы вѣдѣнія генеральнаго штаба и военнаго министра: не только въ моей теоріи, но и на практикѣ въ германской арміи, предметами исключительнаго вѣдѣнія генеральнаго штаба являются изученіе противника и вытекающіе изъ него вопросы подготовки къ войнѣ и операціямъ, тогда какъ всѣмъ, что касается собственной арміи, полновластно распоряжается военный министръ. Къ числу предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію послѣдняго, отнесены въ Германіи, по свѣдѣніямъ французскаго автора, организація войскъ, ихъ обученіе, численный составъ, дислокація и мобилизація. Въ параллель этому и въ моей книгѣ, напримѣръ, на стр. 137, указывается, что «установленіе спеціальности генеральнаго штаба освободить его отъ цѣлага ряда функцій, только по недоразумѣнію лежащихъ на немъ... Такими несвойственными генеральному штабу функціями нужно признать: руководство обученіемъ и службою войскъ (строевыя отдѣленія окружныхъ штабовъ), завѣдываніе путями сообщенія, передвиженіемъ и перевозкою войскъ (управленія военныхъ сообщеній, главное и окружныя), разработку мобилизаціонныхъ плановъ (мобилизаціонный отдѣлъ Главнаго управленія генеральнаго штаба, мобилизаціонныя отдѣленія окружныхъ штабовъ), наконецъ, подготовку высшихъ начальниковъ и офицеровъ къ боевой дѣятельности путемъ лекцій, тактическихъ занятій, военныхъ игръ, полевыхъ поѣздокъ и т. п. (всѣ вообще офицеры генеральнаго штаба по господствующему взгляду на нихъ)». По этимъ предметамъ, какъ говоритъ французскій авторъ, генеральному штабу предоставлено только право высказывать свои *deside-*

gata или, какъ подчеркнуто въ приведенной выше выпискѣ изъ моей книги, высказывать свое мнѣніе, оставляя рѣшающій голосъ за военнымъ министромъ.

Кажется, болѣе полного совпаденія выводовъ теоріи съ данными практики трудно себѣ и представить. Только одно обстоятельство можетъ, пожалуй, потребовать себѣ объясненія. Относя обученіе войскъ, ихъ дислокацію и мобилизацію къ сферѣ вѣдѣнія военного министра, практика германскаго генеральнаго штаба предоставляетъ, однако, этому послѣднему участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся маневровъ, передвиженія войскъ и службы желѣзныхъ дорогъ. Очевидно, привлеченіе генеральнаго штаба къ рѣшенію этихъ вопросовъ вызвано не тѣмъ, что они входятъ въ кругъ его спеціальности, а чисто практическими потребностями. Истинными спеціалистами по желѣзнодорожному дѣлу нужно, конечно, признать чиновъ вѣдомства путей сообщенія, обычно руководящихъ работой желѣзныхъ дорогъ, и врядъ-ли можно сомнѣваться, что они сумѣли бы вполне успѣшно справиться и со всякими задачами по массовой перевозкѣ войскъ и военныхъ грузовъ. Если же тѣмъ не менѣе признано нужнымъ перевозку войскъ по желѣзнымъ дорогамъ возложить на военное вѣдомство въ лицѣ большаго генеральнаго штаба, то лишь по необходимости обезпечить надежнѣйшимъ образомъ столь важный элементъ успѣха на войнѣ, какъ быструю и безпрепятственную перевозку войскъ въ тотъ или другой раіонъ театра военныхъ дѣйствій, какъ при первоначальномъ сосредоточеніи арміи, такъ и въ послѣдующіе періоды войны.

Маневры, поскольку они составляютъ одинъ изъ видовъ упражненія войскъ, должны быть цѣликомъ въ рукахъ начальника, ответственнаго за обученіе своей части; поэтому они также, повидимому, не считаются въ Германіи спеціальнымъ дѣломъ генеральнаго штаба, а разрабатываются имъ по указаніямъ строеваго начальства. Привлекая же къ этому дѣлу генеральный штабъ, германцы, можетъ быть, имѣютъ въ виду, что маневры наряду съ военной игрой и полевыми поѣздками являются единственными упражненіями, гдѣ начальникамъ приходится учитывать дѣйствія противника; поэтому участіе въ нихъ генеральнаго штаба, пожалуй, естественно и необходимо и притомъ столько же для строевыхъ начальниковъ, сколько—и, можетъ быть, еще въ большей степени—для самаго генеральнаго штаба, которому этими упражненіями дается возможность испытать свою подготовленность по своей спе-

ціальности въ обстановкѣ, возможно близкой къ обстановкѣ военного времени.

Пойдемъ далѣе. Однимъ изъ основныхъ положеній моей книги, вытекающихъ изъ представленія о генеральномъ штабѣ, какъ спеціальномъ органѣ для изученія противника, является выводъ, что «генеральный штабъ есть учрежденіе научнаго характера» (Э. Х. К., стр. 79—80); а такъ какъ идея генеральнаго штаба полнѣе всего осуществляется въ большомъ генеральномъ штабѣ, то очевидно, что и онъ долженъ имѣть характеръ чисто научнаго учрежденія. Эти положенія я старался пояснить и подкрѣпить какъ нѣкоторыми общими соображеніями (Э. Х. К., стр. 80—84 и др.), такъ и примѣромъ германскаго генеральнаго штаба (Э. Х. К., стр. 102—104). Теперь цитированная выше статья французскаго автора позволяетъ мнѣ подкрѣпить эти доводы еще другими данными, убѣдительнѣйшимъ образомъ подтверждающими научный характеръ германскаго большого генеральнаго штаба и рельефно подчеркивающими въ высшей степени важное значеніе, которое именно научная сущность его имѣетъ для всей арміи.

Дѣло въ томъ, что помимо назначенія германскаго большого генеральнаго штаба, какъ спеціальнаго органа для изученія противника, или, если угодно, для подготовки къ войнѣ, понимая подготовку въ указанномъ выше ограниченномъ смыслѣ, авторъ статьи «La carrière de l'officier d'état-major allemand», о которой упомянуто выше и изъ которой я почерпаю приводимыя здѣсь свѣдѣнія о германскомъ генеральномъ штабѣ, указываетъ еще другое его назначеніе—давать общее направленіе обученію арміи. «Большой генеральный штабъ, говоритъ онъ, наставляетъ молодыхъ офицеровъ, ежегодно прикомандировываемыхъ къ нему по окончаніи курса военной академіи, и пропитываетъ ихъ своей доктриной; въ послѣдствіи онъ снова привлекаетъ ихъ либо на короткое время для какихъ-либо тактическихъ работъ, либо на болѣе продолжительное для несенія службы въ немъ, и тѣмъ даетъ имъ возможность еще разъ окунуться въ самый источникъ этой доктрины; онъ организуетъ въ широкомъ масштабѣ военныя игры, въ которыхъ принимаютъ участіе и офицеры генеральнаго штаба изъ войсковыхъ штабовъ; издаетъ труды, которые также имѣютъ цѣлью распространять его доктрину и держать какъ высшихъ начальниковъ и генеральный штабъ, такъ черезъ нихъ и всю армію, въ курсѣ новыхъ идей. Такимъ образомъ, генеральный штабъ по истинѣ является средоточіемъ всего обученія арміи, центромъ воздѣйствія,

достаточно могущественнымъ, чтобы распространить свою доктрину, заставить принять ее и требовать ея приложения. Словомъ, генеральный штабъ—жизненное начало, которое одушевляетъ весь организмъ арміи общою интеллектуальною жизнью». (Revue, стр. 340).

Для лучшаго выясненія характера работы большого генеральнаго штаба по распространенію въ войскахъ его доктрины я позволю себѣ привести еще двѣ-три выписки изъ той же статьи.

Не вдаваясь въ подробную характеристику преподаванія въ берлинской военной академіи, авторъ статьи напоминаетъ лишь, что «въ планѣ академическаго преподаванія предметы общеобразовательнаго характера занимаютъ сравнительно важное мѣсто, дополняя знанія, въ нѣкоторомъ отношеніи довольно элементарныя, вынесенныя въ свое время слушателями академіи изъ военныхъ училищъ. Что же касается до преподаванія собственно военныхъ предметовъ, то оно имѣетъ цѣлью намѣтить «академикамъ» направленіе ихъ работъ, обезпечить *единство доктрины*, указать основныя начала, которыя, путемъ многочисленныхъ прикладныхъ упражненій (конкретные случаи), тактическихъ работъ на картѣ и въ полѣ, войдутъ «въ плоть и кровь» обучаемыхъ». (Revue, стр. 330—331).

Говоря о занятіяхъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ большому генеральному штабу, авторъ сообщаетъ, что они «не только развиваютъ знанія прикомандированныхъ, но имѣютъ въ виду и другую цѣль: въ особенности занятія, которыми руководитъ лично начальникъ большого генеральнаго штаба, должны распространить среди всѣхъ высшихъ начальниковъ и вообще во всей арміи его пониманіе веденія войны и управленія войсками. Вотъ почему въ этихъ занятіяхъ принимаютъ участіе не только офицеры большого генеральнаго штаба въ Берлинѣ, но и войсковыхъ штабовъ, т. е. офицеры генеральнаго штаба корпусовъ, дивизій, нѣкоторыхъ управленій и крѣпостей. Критическія замѣчанія начальника большого генеральнаго штаба, которыя излагаются обыкновенно въ письменной формѣ и распространяются въ военныхъ кругахъ, среди причастныхъ къ дѣлу лицъ, становятся на долгое время обычною темою для разговоровъ, такъ что затрагиваемые и разсматриваемые имъ вопросы обсуждаются и изучаются затѣмъ со всѣхъ сторонъ». (Revue, стр. 333—334).

Отмѣтивъ, что ни одинъ офицеръ, кончившій академію и имѣющій данныя сдѣлаться офицеромъ генеральнаго штаба, не назна-

чается сразу на службу въ штабы корпусовъ, дивизій и т. п., авторъ прибавляетъ: Въ Германіи «признается необходимымъ, чтобы офицеръ до полученія какого-либо назначенія по генеральному штабу успѣлъ проникнуться до мозга костей *духомъ большого генеральнаго штаба*, и это для того, чтобы возможно совершеннымъ образомъ было обезпечено *единство доктрины*. Трехлѣтнее пребываніе въ военной академіи (академія подчинена непосредственно начальнику большого генеральнаго штаба), затѣмъ годичное, двухлѣтнее и трехлѣтнее прикомандированіе къ большому генеральному штабу составлять въ общемъ четыре года, а чаще пять или шесть лѣтъ, непрерывнаго воздѣйствія въ одномъ и томъ же духѣ, которое, впрочемъ, сверхъ того будетъ чувствоваться и въ теченіе всей карьеры офицера генеральнаго штаба». (Revue, стр. 335—336).

Для того, чтобы та или другая доктрина могла быть подобнымъ образомъ распространяема въ арміи, чтобы она могла быть прочно усвоена массою образованныхъ, развитыхъ людей, чтобы могла преемственно передаваться отъ одного начальника большого генеральнаго штаба къ другому, необходимо, чтобы правильность ея была для всѣхъ внѣ всякаго сомнѣнія: ея не внѣдришь въ умы людей предписаніями, она должна имѣть свою внутреннюю убѣдительность, логическую необходимость; она должна быть научно обоснованной. Совершенно очевидно поэтому, что установленіе доктрины и распространеніе ея въ арміи можетъ быть по силамъ только чисто научному учрежденію, какимъ по существу и является большой генеральный штабъ германской арміи.

Высокій научный уровень, который требуется отъ большого генеральнаго штаба для выполненія его основнаго назначенія—изученія противника, позволяетъ ему успѣшно справляться и со второю своею задачею. Руководя научными работами бывшихъ питомцевъ военной академіи по разнообразнѣйшимъ отраслямъ военныхъ знаній, онъ этимъ путемъ прививаетъ имъ прочно и надежно, на всю жизнь, правильные, научно установленные взгляды на основныя начала военнаго дѣла и научный методъ разрѣшенія всякаго рода военныхъ задачъ. И такъ какъ огромное большинство этихъ офицеровъ,—вѣришь, всѣ они—значительную часть своей службы проводятъ въ строю и заканчиваетъ свою карьеру на высшихъ строевыхъ должностяхъ, то именно черезъ нихъ, какъ строевыхъ начальниковъ, а не какъ офицеровъ генеральнаго штаба, и проникаетъ во всѣ слои арміи та доктрина, выработка и распространеніе которой составляетъ одно изъ назначеній большого

генеральнаго штаба. Такая постановка дѣла даетъ большому генеральному штабу возможность оказывать сильное и существенное вліяніе на всю подготовку арміи и въ то же время совершенно устранить себя отъ вмѣшательства въ работу строевыхъ начальниковъ, которые отвѣтственны за подготовку своихъ частей и потому должны имѣть возможность единолично и полновластно руководить ею. Такъ удачно разрѣшенъ въ германской арміи одинъ изъ труднѣйшихъ организаціонныхъ вопросовъ — дать генеральному штабу серьезное вліяніе на всю подготовку арміи, чтобы поставить ее на прочныхъ, научныхъ началахъ, и въ то же время не нарушить правъ военнаго министра и строевыхъ начальниковъ на полноту власти въ дѣлѣ подготовки вѣрренныхъ имъ частей. Такая постановка дѣла оказалась возможной, лишь благодаря чисто научному характеру большого генеральнаго штаба.

Само собой понятно, что второе назначеніе большого генеральнаго штаба—пропитывать армію здоровыми, научно обоснованными началами военнаго дѣла и прививать ей научные методы рѣшенія выпадающихъ на ея долю задачъ—никакъ нельзя непосредственно вывести изъ основной функціи генеральнаго штаба—изученія противника. Но вѣдь генеральный штабъ и не создавался ради второй своей задачи и въ дѣйствительности нигдѣ, кромѣ германской арміи, онъ и не имѣетъ такого назначенія; да и въ Германіи, кажется, нигдѣ объ этомъ прямо не говорится. Только высокій научный уровень германскаго большого генеральнаго штаба, создавшійся подъ вліяніемъ ясно сознанныхъ требованій, которыя возлагаетъ на него выполненіе его первой, основной, задачи—изученія противника, позволилъ ему взяться за вторую задачу и съ успѣхомъ разрѣшить ее. Тамъ же, гдѣ научный характеръ генеральнаго штаба отрицается, гдѣ назначеніе его видятъ въ чемъ бы то ни было другомъ, кромѣ изученія противника, тамъ никакое вліяніе его на армію немыслимо и никакой доктрины въ нее не можетъ быть проведено.

Генеральный штабъ, по теоріи, въ мирное время, «безъ всякаго ущерба для дѣла можетъ отсутствовать при отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ, дивизіяхъ, корпусахъ, округахъ, гдѣ ему нечего дѣлать по его спеціальности», такъ какъ «въ мирное время противника для отдѣльныхъ войсковыхъ единицъ не существуетъ» (Э. Х. К., стр. 91). Но этотъ выводъ, неоспоримый съ точки зрѣнія теоріи, на практикѣ подвергается значительной поправкѣ, такъ какъ стоящія на границѣ государства войска нуждаются въ изуче-

ни опредѣленнаго противника, почему имъ и приходится придавать генеральный штабъ, на который и возлагается эта специальная функція (Э. Х. К., стр. 92—93, 136). Въ военное же время «если необходимость генеральнаго штаба при главнокомандующемъ и командующихъ арміями стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, то вопросъ о томъ, нуждаются ли на войнѣ начальники дивизій и даже корпусные командиры въ спеціальному органѣ для изученія противника, не поддается теоретическому рѣшенію; поэтому здѣсь рѣшающій голосъ надо предоставить указаніямъ практики» (Э. Х. К., стр. 91). Такимъ образомъ, по теоріи, въ арміи долженъ быть и войсковой генеральный штабъ, хотя и съ болѣе ограниченнымъ кругомъ дѣятельности, чѣмъ въ большемъ генеральномъ штабѣ: ему не можетъ быть предоставлено ни совѣщательнаго голоса при выработкѣ положеній, уставовъ, инструкцій, наставленій, всего, что направляетъ подготовку арміи къ войнѣ, ни воздѣйствія на войска въ смыслѣ проведенія въ нихъ той или другой доктрины, такъ какъ это лежитъ на обязанности строевыхъ начальниковъ.

Указать изъ практики тѣ функціи войскового генеральнаго штаба, которыя составляютъ спеціальность генеральнаго штаба, представляется затруднительнымъ. Въ то время, какъ большой генеральный штабъ самостоятельное, стоящее въ извѣстномъ смыслѣ внѣ арміи, учрежденіе со своими спеціальными функціями и съ независимымъ отъ военнаго министра начальникомъ во главѣ, войсковой генеральный штабъ слить очень тѣсно и прочно со штабами войсковыхъ частей и лишенъ всякой самостоятельности. По г. Э. Макшееву (Изв. № 9, стр. 716), въ корпусномъ штабѣ, кромѣ начальника его, «имѣются еще два офицера генеральнаго штаба. Изъ нихъ старшій (штабъ-офицеръ) вѣдаетъ мобилизаціонными вопросами и маневрами, а младшій (капитанъ) вопросами по призыву новобранцевъ, по учебнымъ сборамъ запасныхъ, картами, крѣпостными вопросами и проч.; онъ въ то же время какъ бы адъютантъ начальника штаба (обыкновенно въ чинѣ полковника, рѣдко генераль-майоръ), сопутствуя ему при объѣздахъ зимнихъ занятій и на полевыхъ поѣздкахъ. Оба офицера генеральнаго штаба, въ общей очереди съ адъютантами, сопровождаютъ корпуснаго командира при его смотровыхъ объѣздахъ, поѣздкахъ на занятія войскъ и на маневрахъ». Французскій авторъ (Revue, стр. 341—343) даетъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о распредѣленіи дѣлопроизводства между офицерами въ корпусномъ штабѣ съ нѣкоторыми характеристными особенностями веденія ихъ.

Въ корпусномъ штабѣ четыре отдѣленія. 1-е генеральнаго штаба, гдѣ служатъ два, а иногда три офицера генеральнаго штаба, вѣдаетъ передвиженіемъ, расквартированіемъ, обученіемъ и маневрами войскъ, рекогносцировками для маневровъ, поѣздками генеральнаго штаба, тактическими занятіями, мобилизаціей и желѣзнодорожными перевозками, политическими дѣлами; оно слѣдитъ за силами, состояніемъ и распредѣленіемъ сосѣднихъ иностранныхъ армій; вѣдаетъ перепиской касательно уставовъ и тактическаго обученія разныхъ родовъ войскъ, организаціонными вопросами и вооруженіемъ крѣпостей, картами и рекогносцировками, зимними работами офицеровъ и вопросами по развитію ихъ знаній.

Во 2-мъ отдѣленіи, адъютантскомъ, гдѣ имѣется 2 (или 3) офицера «адъютантуры» и одинъ штабъ-офицеръ изъ отставныхъ, сосредоточены слѣдующія дѣла: приказъ по корпусу, гарнизонная служба, суды чести, личный составъ офицеровъ и пижнихъ чиновъ, дѣла дисциплинарнаго характера, награжденіе орденами, внутренняя служба войскъ, пополненіе новобранцами и запасными, увольненіе отъ службы, конскій составъ, оружіе и боевые припасы.

Кругъ вѣдѣнія 3-го, суднаго, и 4-го отдѣленія, въ которомъ вѣдѣтся переписка по интендантской, санитарной, ветеринарной частямъ и по вопросамъ вѣдѣнія корпуснаго священника, понятенъ самъ собой.

Это распредѣленіе дѣлопроизводства по отдѣленіямъ не имѣетъ безусловнаго, неизмѣннаго характера: оно зависитъ отъ усмотрѣнія командира корпуса, также какъ и распредѣленіе дѣлъ каждаго отдѣленія между офицерами, служащими въ немъ. Перемена въ распредѣленіи дѣлъ между офицерами 1-го и 2-го отдѣленій признается даже полезной въ смыслѣ расширенія ихъ знаній и осуществляется естественнымъ образомъ въ случаѣ отсутствія кого-либо изъ офицеровъ возложеніемъ его обязанностей на другого офицера того же отдѣленія. Съ другой стороны, въ случаѣ отсутствія начальника штаба и штабъ-офицера генеральнаго штаба должность перваго изъ нихъ замѣщается офицеромъ генеральнаго штаба, если онъ въ одномъ чинѣ съ офицерами адъютантуры, хотя бы и былъ моложе ихъ, и офицеромъ адъютантуры, если онъ чиномъ выше офицеровъ генеральнаго штаба.

По этимъ даннымъ трудно вывести какое-либо заключеніе о спеціальности офицеровъ генеральнаго штаба—они занимаются тѣмъ, что имъ поручено корпуснымъ командиромъ. Имъ въ корпусномъ штабѣ приходится работать надъ многими предметами,

которых не знает большой генеральный штаб и которые тамъ, въ высшей инстанціи, относятся къ области вѣдѣнія военного министра. Уже это одно заставляет думать, что въ этихъ предметахъ офицеры генеральнаго штаба выступаютъ не въ качествѣ специалистовъ, а въ несамостоятельной роли помощниковъ строевыхъ начальниковъ, къ сферѣ вѣдѣнія которыхъ эти предметы относятся, другими словами, выполняютъ чисто штабную работу. Въстѣ съ тѣмъ тотъ фактъ, что корпусный командиръ можетъ по своему усмотрѣнію распредѣлять все дѣлопроизводство штаба между его чинами, также свидѣтельствуетъ, что, по господствующему мнѣнію, ни одна изъ отраслей его не требуетъ специальныхъ познаній, что всѣ онѣ по существу своему носятъ несамостоятельный характеръ штабной работы, работы посредника между начальникомъ и подчиненными ему войсками. Это подтверждается и тѣмъ, что замѣстителемъ начальника штаба (офицеръ генеральнаго штаба) при извѣстныхъ условіяхъ бываетъ офицеръ адъютантуры, а адъютантскую работу при корпусномъ командирѣ въ его занятіяхъ съ войсками несутъ безразлично офицеры какъ генеральнаго штаба, такъ и адъютантуры. Повторяю, что эти данныя не даютъ никакого основанія для выводовъ о специальності генеральнаго штаба именно потому, что онъ здѣсь не выступаетъ самостоятельно, а работаетъ въ подчиненной роли, въ составѣ штаба, такъ что является затруднительнымъ отдѣлить его штабную работу отъ работы по его специальности.

Въ штабѣ дивизіи, гдѣ нѣтъ начальника штаба, а имѣются лишь одинъ офицеръ генеральнаго штаба и одинъ—адъютантуры, первому, согласно г. *Ө. Макшееву* (*Изв.*, стр. 719—720), открыто «широкое поле для дѣятельности по образованію войскъ»: онъ подготавливаетъ маневры и несетъ службу генеральнаго штаба на нихъ. Потомъ, очень труднымъ дѣломъ для офицера генеральнаго штаба дивизіи является... «составленіе маршрута объѣздовъ начальника дивизіи... Тутъ надо согласовать очень много условій... Нужно приэтомъ считаться съ привычками и вкусами начальника дивизіи, человѣка уже не первой молодости, чтобы онъ пріѣзжалъ въ каждую часть добрымъ и въ хорошемъ расположеніи духа, что весьма важно въ обоюдныхъ интересахъ». Вотъ и все «широкое поле для дѣятельности по образованію войскъ» въ штабѣ дивизіи! Французскій авторъ (*Revue*, стр. 343) говоритъ только, что «въ дивизіи распредѣленіе дѣлъ между офицеромъ генеральнаго штаба и офицеромъ адъютантуры соответствуетъ распредѣленію дѣло-

производства въ корпусномъ штабѣ между 1-мъ и 2-мъ отдѣленіями». Съ точки зрѣнія спеціальности генеральнаго штаба, штабъ дивизіи представляетъ столь же мало матерьяла для сужденія, какъ и штабъ корпуса. Но въ немъ можно еще лишній разъ найти подтвержденіе тому, что въ войсковыхъ штабахъ офицеры генеральнаго штаба несутъ не свою спеціальную, а чисто штабную службу: здѣсь еще чаще, чѣмъ въ корпусномъ штабѣ, представляется необходимость замѣщать офицера генеральнаго штаба его товарищемъ изъ адъютантуры, и въ этомъ не находятъ никакихъ неудобствъ, которыя, конечно, сказались бы, если бы функціи офицера генеральнаго штаба въ штабѣ дивизіи требовали спеціальныхъ познаній. Правда, среди офицеровъ адъютантуры много такихъ, которые прошли курсъ академіи, а иные были даже въ теченіе одного года, а то и двухъ лѣтъ, прикомандированы къ большому генеральному штабу; но, съ другой стороны, есть и такіе офицеры, которые просто попали на свои мѣста изъ полковыхъ или баталіонныхъ адъютантовъ, что не мѣшаетъ имъ, однако, при случаѣ замѣщать своихъ товарищей изъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ, и здѣсь оказывается полное совпаденіе указаній теоріи, что генеральному штабу нечего дѣлать въ войсковыхъ штабахъ по его спеціальности, съ данными практики, свидѣтельствующими, что офицеры войскового генеральнаго штаба несутъ лишенную всякой самостоятельности штабную и даже просто адъютантскую службу, которую при случаѣ съ успѣхомъ выполняютъ вмѣсто нихъ и офицеры адъютантуры. Неудивительно, поэтому, что попасть въ войсковой генеральный штабъ «составляетъ обыкновенно мечту молодыхъ капитановъ» и что «служба въ штабѣ дивизіи особенно любима офицерами генеральнаго штаба», но, конечно, не потому, что она «вполнѣ самостоятельна и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственна», какъ полагаетъ г. Э. Макшеевъ, а какъ разъ наоборотъ — потому, что она несамостоятельна и мало отвѣтственна, значить, легка, а въ тоже время пріятна вслѣдствіе близости къ начальству и достигаемаго ею ускоренія производства. Вѣроятно, условіями производства и объясняется странный, казалось бы, съ перваго взгляда фактъ, что въ войсковыхъ штабахъ несутъ службу офицеры генеральнаго штаба, спеціальность которыхъ не находитъ себѣ тамъ примѣненія. Но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Условія комплектованія генеральнаго штаба, какъ спеціальнаго органа для изученія противника, опредѣляются его чисто научнымъ

характеромъ; они очерчены въ моей книгѣ слѣдующимъ образомъ: «Работающія надъ этимъ предметомъ (изученіемъ противника) лица должны быть знакомы со всѣми отраслями военнаго дѣла и хорошо понимать ихъ отношенія другъ къ другу; другими словами, они должны обладать широкимъ военнымъ образованіемъ»; это условіе вытекаетъ изъ характера предмета—изученія противника, подѣ которымъ надо понимать совокупность разнообразныхъ элементовъ военнаго дѣла, стоящихъ на пути къ достиженію цѣли войны. «Но, для научной работы, одной такой подготовки (т. е. широкаго, академическаго образованія) недостаточно: она требуетъ прежде всего извѣстныхъ способностей—сильнаго ума и научнаго склада мышленія... Для научной спеціальности генеральнаго штаба способность логическаго, научнаго мышленія играетъ первостепенную роль, и она то должна рѣшать вопросъ о пригодности или непригодности офицера для этой службы. Такимъ образомъ, изъ массы офицеровъ, прошедшихъ курсъ академіи, должны отбираться для службы въ генеральномъ штабѣ только такіе, о пригодности которыхъ будутъ свидѣтельствовать ихъ работы научнаго характера... Поэтому окончаніе академіи, важное въ смыслѣ подготовки, не необходимо по существу дѣла, и среди офицеровъ, не побывавшихъ въ ней, могутъ быть такіе, способности которыхъ дѣлаютъ ихъ пригодными для службы въ генеральномъ штабѣ... Комплектованіе генеральнаго штаба должно основываться на подборѣ наиболѣе способныхъ къ этой службѣ» (Э. Х. К., стр. 88—89). «Теорія требуетъ, чтобы въ генеральный штабъ переводились люди не только извѣстнымъ образомъ подготовленные, но и обладающіе опредѣленными способностями къ этой службѣ—сильнымъ умомъ и научнымъ складомъ мышленія» (Э. Х. К., стр. 139).

Эти выведенныя «умозрительнымъ путемъ» условія комплектованія генеральнаго штаба, имѣя въ основаніи подборъ по способности къ научной работѣ, уже этимъ однимъ могутъ вызывать сомнѣніе въ своей практической примѣнимости въ нашемъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ мы знаемъ со школьной скамьи, на первомъ планѣ должны всегда стоять волевые свойства характера. И однако... «по поводу своего визита къ Мольтке Михайль Ивановичъ (Драгомировъ) рассказывалъ: . . . Бросалось въ глаза, что Бисмаркъ во всемъ беретъ волей, энергіей, Мольтке же рѣшительно на все налагаетъ печать своего ума,—яснаго, обширнаго и разносторонняго; этимъ изъ ряду выходящимъ умомъ онъ все порабощаетъ». («Русская Старина». Октябрь 1910 г. «М. И. Драгомировъ во

время Австро-Прусской войны». Э. Х. К. стр. 170). Этотъ отзывъ даровитаго наблюдателя о наиболѣе видномъ и типичномъ военномъ дѣятелѣ второй половины прошлаго вѣка, создателѣ современнаго генеральнаго штаба, отмѣчаетъ въ немъ присутствіе въ высокой степени того качества, котораго потребовало выступленіе въ эту эпоху на первый планъ науки и въ нашемъ чисто практическомъ, казалось бы, дѣлѣ. Типичнымъ полководцемъ для нашего времени будетъ не Наполеонъ, указывающій солдатамъ, что сорокъ вѣковъ смотрятъ на нихъ съ высоты пирамидъ, не Скобелевъ Верещагинской картины, радостно несущійся на бѣломъ конѣ передъ своими полками послѣ Шейновской побѣды и восторженно приветствуемый ими, а «великій молчальникъ» Мольтке, въ тишинѣ своего рабочаго кабинета въ Берлинѣ учитывающій всѣ шансы борьбы и систематически, на научныхъ основаніяхъ, подготовляющій будущія побѣды, или безстрастный Ояма, рассчитавшій до боя все, до его продолжительности включительно, а во время боя остающійся далеко позади своей арміи и дѣлящій свое время между перестановкой шашекъ на картѣ и прогулками, въ то время, какъ его штабъ забавляется игрою въ «го» («Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 66: «Жизнь японской главной квартиры во время Мукденскаго сраженія»). Наука овладѣваетъ подготовкой къ войнѣ и руководствомъ войсками на поляхъ сраженій, и носителемъ ея въ арміи является генеральный штабъ, созданіе, проникнутаго научнымъ духомъ XIX вѣка, которое съ полнымъ основаніемъ можно назвать «мозгомъ арміи».

Такова теорія; и практика германскаго генеральнаго штаба вполне подтверждаетъ ее. По г. Э. Макшеву, «дорогу въ генеральный штабъ открываетъ прохожденіе черезъ военную академію». Французскій авторъ (Revue, стр. 336) дѣлаетъ, однако, къ этому оговорку, что «прохожденіе черезъ военную академію не считается безусловно необходимымъ для того, чтобы попасть въ большой генеральный штабъ.... Офицеръ можетъ и помимо этого доказать свои способности какъ-либо иначе, напримѣръ, въ должности полковаго адъютанта или на полевой поѣздкѣ генеральнаго штаба. Но это связана съ большими затрудненіями... Офицеровъ, попадающихъ этимъ путемъ въ генеральный штабъ, очень немного: они исключеніе, подтверждающее правило». И обязательное прохожденіе черезъ академію, и возможность попасть въ генеральный штабъ помимо ея, согласуются, какъ видно изъ предыдущаго, съ выводами теоріи.

Въ академію, согласно французскому автору, поступаетъ ежегодно 160 чел. (по г. Ө. Макшееву—150 ч.), отбираемыхъ по конкурсному экзамену изъ числа 700—800 чел., допущенныхъ къ нему. Каждый изъ этихъ 700—800 чел. долженъ представить въ академію аттестацію отъ корпуснаго командира, удостовѣряющую, что онъ, помимо здоровья, аккуратности въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и серьезнаго желанія учиться, обладаетъ блестящими способностями и такими качествами ума и характера, которыя позволяютъ рассчитывать на достиженіе имъ впослѣдствіи самаго высокаго положенія въ арміи. Такимъ образомъ, еще до поступленія въ академію, производится довольно серьезный подборъ будущихъ слушателей ея. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ академіи на каждаго офицера составляется, помимо выдаваемого ему свидѣтельства объ оказанныхъ имъ успѣхахъ въ академіи, еще секретная аттестація, въ которой указывается, къ какому рода дѣятельности офицеръ болѣе всего способенъ—къ службѣ-ли генеральнаго штаба или топографической, штабной (адъютантура) или преподавательской. Число аттестуемыхъ пригодными для службы въ генеральномъ штабѣ мало измѣняется изъ года въ годъ, составляя 55—60 человекъ, т. е. около одной трети всего выпуска. Эти офицеры, вернувшись по окончаніи академіи наравнѣ съ прочими своими товарищами въ свои части, къ 1-му апрѣля слѣдующаго года прикомандировываются къ большому генеральному штабу; всѣ же остальные офицеры того же выпуска, слѣдовательно, около двухъ третей его, остаются навсегда въ строю.

Прикомандированные къ большому генеральному штабу занимаютъ тамъ сначала текущими дѣлами, а затѣмъ все болѣе и болѣе сложными работами преимущественно по тактикѣ, имѣющими цѣлью углубить и расширить ихъ познанія ⁸⁾). Работы эти подъ конецъ ведутся уже подъ непосредственнымъ руководствомъ самого начальника большого генеральнаго штаба, причемъ, какъ уже было упомянуто, критическія замѣчанія его излагаются письменно и служатъ предметомъ безконечныхъ споровъ и обсужденій въ кругу причастныхъ къ дѣлу лицъ. Помимо работъ по тактикѣ, прикомандированные изучаютъ тыловую службу, всесторонне знакомятся

⁸⁾ По выраженію французскаго автора «имѣющими цѣлью развить у офицеровъ сужденіе, рѣшимость, привычку не бояться ответственности и умѣнье редактировать приказанія». Что работы эти полезны для выработки правильныхъ взглядовъ и сужденій по вопросамъ тактики, а также умѣнья отдавать приказанія, это возможно; но чтобы, благодаря имъ, могли развиваться въ офицерѣ рѣшительность и готовность принять на себя ответственность, въ этомъ позволительно усомниться.

со всѣми видами довольствія войскъ, участвуютъ въ полевыхъ поѣздкахъ и составляютъ разнаго рода доклады и записки по отдѣльнымъ, самостоятельно разработаннымъ ими, военнымъ вопросамъ. Всѣ эти работы носятъ строго научный характеръ, будучи проникнуты доктриною большого генеральнаго штаба, его научно выработанными взглядами на веденіе войны и управленіе войсками.

По прошествіи годичнаго срока прикомандированія къ большому генеральному штабу, офицеры, такъ сказать, сортируются, причѣмъ основаніемъ для сортировки служатъ выполняемыя ими работы. Очень небольшое число ихъ переводится въ генеральный штабъ съ производствомъ въ капитаны: это тѣ изъ числа признанныхъ достойными перевода, которые пробыли въ чинахъ подпоручика и поручика максимальное число лѣтъ, при которомъ производство въ капитаны можетъ еще дать имъ старшинство надъ ихъ сверстниками въ строю на одинъ годъ. Другая, тоже небольшая, часть прикомандированныхъ частью возвращается навсегда въ строй съ нѣкоторыми преимуществами въ отношеніи производства, частью получаетъ назначеніе въ штабы (адъютантуру) или преподавателями въ учебныя заведенія съ производствомъ въ капитаны. Но большая часть, обыкновенно болѣе сорока офицеровъ, слишкомъ молодыхъ, чтобы быть произведенными въ капитаны, остаются въ прикомандированіи къ большому генеральному штабу на второй годъ, по прошествіи котораго снова производится такая же сортировка, послѣ чего человѣкъ около 12 прикомандировывается къ большому генеральному штабу еще на третій годъ. Въ результатѣ этого троекратнаго просѣиванія отъ всего ежегоднаго выпуска изъ академіи въ 160 человѣкъ только 20—25 офицеровъ оказываются переведенными въ генеральный штабъ. 20—25 человѣкъ изъ числа 700—800 экзаменовавшихся въ академію, самое допущеніе которыхъ «къ конкурснымъ испытаніямъ предполагаетъ со стороны ихъ начальниковъ очень высокую оцѣнку ихъ характера и служебныхъ достоинствъ и свидѣтельствуетъ, что эти офицеры обладаютъ всѣми желательными качествами физическими и духовными» (Review, стр. 330)! И этотъ многократный строгій отборъ производится исключительно на основаніи оцѣнки ихъ знаній при поступленіи въ академію съ точки зрѣнія «широкаго, прочнаго и всесторонняго развитія на почвѣ смѣлаго и самостоятельнаго мышленія по всѣмъ отраслямъ общаго и военнаго образованія» (Э. Х. К., стр. 81) и ихъ научныхъ работъ во время прикомандированія къ большому

генеральному штабу! Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи практика германскаго генеральнаго штаба блистательно подтверждаетъ выводы теоріи, что генеральный штабъ долженъ комплектоваться выборомъ изъ числа получившихъ высшее военное образованіе офицеровъ такихъ, которые отличаются научнымъ складомъ мышленія.

Если, какъ говорить теорія, спеціальность генеральнаго штаба—изученіе противника, въ мирное же время противника нѣтъ, то для генеральнаго штаба въ мирное время, очевидно, нѣтъ дѣла по его спеціальности, и, слѣдовательно, ему нѣтъ другого мѣста службы, кромѣ строя. Этотъ выводъ, однако, далеко не безусловенъ и нуждается въ значительныхъ поправкахъ. Для отдѣльных войсковыхъ единицъ противника въ мирное время, конечно, не существуетъ, но «для вооруженной силы всей страны, какъ цѣлаго, противникъ всегда налицо, такъ какъ современное государство должно считать себя всегда наканунѣ войны со своими сосѣдями. Поэтому, изученіе условій борьбы съ ними должно имѣть мѣсто и въ мирное время. Отсюда слѣдуетъ, что въ мирное время генеральный штабъ необходимъ только при верховномъ вождѣ, вѣдающемъ вооруженными силами всей страны» (Э. Х. К., стр. 91), т. е. необходимъ большой генеральный штабъ. Но затѣмъ оказывается, что въ современныхъ арміяхъ нуженъ въ большинствѣ случаевъ и войсковой генеральный штабъ, по крайней мѣрѣ, въ частяхъ, стоящихъ на границѣ (Э. Х. К., стр. 91—92). Наконецъ, сами условія подготовки генеральнаго штаба къ его спеціальной работѣ на войнѣ могутъ потребовать его службы и внѣ строя. Тѣмъ не менѣе, въ основѣ службы офицеровъ генеральнаго штаба въ мирное время должна лежать, какъ сказано выше, строевая служба. Строевой же службы требуютъ, съ другой стороны, и свойства предмета изученія противника. Изучать его приходится обыкновенно крайне несовершенными способами, доставляющими чаще всего недостаточныя, отрывочныя, несвоевременныя свѣдѣнія. Чтобы офицеръ генеральнаго штаба могъ и по нимъ правильно судить о противникѣ, надо, чтобы онъ былъ близко знакомъ съ мельчайшими деталями военнаго дѣла и съ ихъ значеніемъ въ общемъ строеніи и функціонированіи вооруженной силы. Такого знакомства можно достигнуть лишь службою въ строю, откуда и вытекаетъ необходимость для офицера генеральнаго штаба строевой службы. «Но надо помнить, что эта служба для нихъ, по сравненію съ научной подготовкой, играетъ второстепенную, служебную роль, только совер-

шенствую познанія, нужныя имъ для работы по ихъ специальности». (Э. Х. К., стр. 90).

Служба офицеровъ германскаго генеральнаго штаба построена именно на этихъ началахъ: въ мирное время это въ основѣ своей строевая служба, но оцѣнка офицера и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, движеніе его по службѣ дѣлаются на основаніи его пригодности къ работѣ генеральнаго штаба. Получивъ основательную научную подготовку за время пребыванія въ академіи и въ прикомандированіи къ большому генеральному штабу, офицеръ послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія въ штабѣ корпуса переводится въ строй, принимая роту, эскадронъ или батарею, смотря по роду войскъ, въ которомъ служилъ раньше, и переводится *окончательно, безъ права* обратнаго перевода въ генеральный штабъ. Но начальникъ большого генеральнаго штаба можетъ, по своему усмотрѣнію, во всякомъ случаѣ, однако, съ одобренія императора, брать изъ строя для службы въ генеральномъ штабѣ тѣхъ капитановъ, которыхъ считаетъ для этого наиболѣе пригодными, но лишь временно, съ тѣмъ, чтобы потомъ обязательно возвратитъ ихъ въ строй для командованія баталіономъ. Баталіонъ принимается также *окончательно*; офицеръ *не имѣетъ права* на переводъ въ генеральный штабъ, и продолжительность командованія баталіономъ, также какъ и ротой, совершенно неопредѣленная. Изъ числа бывшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, командующихъ баталіонами, нѣкоторые, по усмотрѣнію начальника генеральнаго штаба и съ одобренія императора, могутъ быть снова призваны въ генеральный штабъ, но опять-таки съ тѣмъ, чтобы въ свое время принять полкъ и уже потомъ оставаться въ строю навсегда. Такимъ образомъ, переводъ изъ строя въ генеральный штабъ, даже временный, не составляетъ права германскаго офицера генеральнаго штаба и обязательнаго шага въ его карьерѣ, а зависитъ вполне отъ начальника большого генеральнаго штаба и дѣлается по его представленію, утверждаемому императоромъ. Служба же въ строю, командованіе ротой, баталіономъ, полкомъ и т. д., обязательна для всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба и не влечетъ засобою непремѣннаго перевода въ генеральный штабъ. Изъ этого видно, что въ мирное время служба въ строю—основная служба германскаго офицера генеральнаго штаба, обязательная для всѣхъ ихъ безъ исключенія; служба же въ войсковыхъ штабахъ и въ большомъ генеральномъ штабѣ по его специальности достается не всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба, а лишь тѣмъ изъ нихъ, которыхъ удостоитъ того начальникъ большого генеральнаго штаба.

Привлеченіе офицеровъ генеральнаго штаба изъ строя для службы по ихъ спеціальности въ большой генеральной штабъ и для штабной службы въ войсковые штабы имѣеть цѣлью: удовлетворить нужды этихъ учреждений въ специалистахъ по службѣ генеральнаго штаба и создать для этихъ отборныхъ офицеровъ такія условія службы, которыя обезпечили бы имъ скорѣйшее сравнительно съ ихъ товарищами въ строю достиженіе высшихъ командныхъ должностей. Относительно первой здѣсь распространяться не приходится; выше была очерчена, въ общихъ чертахъ, работа, какъ большого, такъ и войскового генеральнаго штаба и выяснено, въ какой мѣрѣ эта работа можетъ быть отнесена къ спеціальности генеральнаго штаба. Значеніе же перевода офицеровъ генеральнаго штаба изъ строя въ штабы съ точки зрѣнія ускоренія производства ихъ можно будетъ усмотрѣть изъ нижеслѣдующей схемы служебной карьеры ихъ.

Такъ какъ въ строю офицеръ получаетъ чинъ капитана обыкновенно послѣ $17\frac{1}{2}$ лѣтъ пребыванія въ чинахъ подпоручика и поручика, то въ академію офицеры допускаются съ такимъ расчетомъ, чтобы при выпускѣ ихъ изъ нея за ними числилось отъ 7 до 15 лѣтъ службы въ чинахъ подпоручика и поручика. Прикомандировавшись черезъ полгода къ большому генеральному штабу, самые старые изъ нихъ, т. е. имѣющіе $15\frac{1}{2}$ лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ, черезъ годъ переводятся въ генеральный штабъ съ производствомъ въ капитаны, выигрывая, такимъ образомъ, передъ своими сверстниками въ строю одинъ годъ старшинства (болѣе молодые офицеры могутъ выиграть даже 2 года). Въ чинѣ капитана офицеръ генеральнаго штаба, пробывъ нѣкоторое время въ большомъ генеральномъ штабѣ, попадаетъ прежде всего въ штабъ корпуса и остается здѣсь 2—3 года, послѣ чего получаетъ роту, эскадронъ или батарею, смотря по тому, въ какомъ родѣ войскъ онъ служилъ до академіи. Продолжительность этого командованія не установлена: она зависитъ отъ усмотрѣнія начальника большого генеральнаго штаба, равно какъ и то, будетъ ли офицеръ вообще вновь призванъ на службу въ генеральный штабъ. Обыкновенно обратный переводъ капитана въ генеральный штабъ, если онъ будетъ рѣшенъ начальникомъ генеральнаго штаба, имѣеть мѣсто послѣ, примѣрно, трехлѣтняго командованія ротой, эскадрономъ или батареей. Капитанъ поступаетъ тогда либо въ большой генеральный штабъ, либо, что бываетъ чаще всего, въ штабъ дивизіи и, такъ какъ производство въ майоры идетъ по линіи генеральнаго

штаба, гдѣ по штатамъ число маіоровъ значительно превышаетъ число капитановъ, то онъ скоро попадаетъ въ штабъ офицеры. Производство въ маіоры даетъ ему еще три, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до 5 лѣтъ старшинства надъ сверстниками, оставшимися въ строю, такъ что онъ обгоняетъ ихъ въ общей сложности года на 4—6; и такъ какъ, начиная съ чина маіора, производство идетъ уже по всей арміи, то добытое съ такимъ трудомъ старшинство уже не можетъ быть имъ утрачено.

Въ чинѣ маіора офицеръ генеральнаго штаба служить либо въ большомъ генеральномъ штабѣ, либо въ штабѣ корпуса, а иногда и въ штабѣ дивизіи; но черезъ нѣсколько лѣтъ уходитъ опять въ строй для командованія баталіономъ. Съ принятіемъ баталіона большинство заканчиваетъ свою карьеру въ генеральномъ штабѣ, и лишь немногіе, признанные особенно способными для службы въ генеральномъ штабѣ, возвращаются въ него на должности либо начальника штаба корпуса, либо начальника отдѣленія въ большомъ генеральномъ штабѣ (последніе всѣ подполковники, а изъ 23-хъ начальниковъ штабовъ корпусовъ въ настоящее время восемь подполковниковъ, 14 полковниковъ и 1 генераль-маіоръ). Для производства въ генераль-маіоры полковникъ генеральнаго штаба долженъ принять полкъ, и затѣмъ уже его карьера продолжается въ строю, такъ какъ въ генеральномъ штабѣ имѣется всего лишь пять генеральскихъ должностей — оберъ-квартирмейстеры большого генеральнаго штаба, да развѣ еще въ совершенно исключительныхъ случаяхъ генераль-маіоръ занимаетъ должность начальника штаба корпуса (въ настоящее время только начальникъ штаба гвардейскаго корпуса состоитъ въ этомъ чинѣ)⁹⁾.

Конечно, изъ теоріи нельзя вывести того примѣненія перевода офицеровъ генеральнаго штаба изъ строя въ штабы, которое установлено въ германской арміи въ видахъ ускоренія движенія ихъ по службѣ; но выведенная изъ теоріи естественность и необходимость службы ихъ въ строю въ мирное время вполне подтверждается примѣромъ германскаго генеральнаго штаба: это основная служба его офицеровъ, отъ которой они лишь временно отвлекаются для службы штабной и по своей спеціальности. Последній родъ службы также предусматривается теоріей, которая установ-

⁹⁾ Всѣ эти данныя о прохожденіи службы германскимъ офицеромъ генеральнаго штаба взяты мною изъ цитированной уже статьи «La carrière de l'officier d'état-major allemand» въ ноябрьской квивжѣ французскаго журнала «Revue militaire des armées étrangères» за 1910 годъ.

ливааетъ его необходимость и въ мирное время, когда, казалось бы, нѣтъ противника. Такимъ образомъ, и въ вопросѣ объ отношеніяхъ генеральнаго штаба къ строю практика германскаго генеральнаго штаба очень близко совпадаетъ съ требованіями теоріи.

Въ заключеніе я позволю себѣ указать еще на одно замѣчательное совпаденіе выводовъ теоріи съ данными, которыя представляетъ практика германскаго генеральнаго штаба: я говорю о независимомъ положеніи начальника генеральнаго штаба отъ военнаго министра и непосредственномъ подчиненіи его императору. Этому вопросу посвящена мною особая статья въ «Развѣдчикѣ» отъ 23-го февраля 1910 года за № 1008 («Наша печать и независимость генеральнаго штаба») и страницы 85—88 моей книги: «Генеральный штабъ и его специальность»; я не буду повторять сказаннаго въ нихъ. Упомяну лишь, что сами германцы блестящее развитіе своего генеральнаго штаба связываютъ именно съ его независимымъ ни отъ кого положеніемъ; и дѣйствительно, какъ показываетъ теорія, безъ этого условія правильное функционированіе генеральнаго штаба врядъ ли достижимо.

Я полагаю, что въ настоящей статьѣ мнѣ удалось достаточно убѣдительно показать полное совпаденіе данныхъ, представляемыхъ германскимъ генеральнымъ штабомъ, съ выводами теоріи, изложенными въ моей книгѣ «Генеральный штабъ и его специальность»; существующіе же пункты разногласія между ними не имѣютъ существеннаго характера, а вызываются практическими требованіями и условіями, которымъ подчинено всякое практическое дѣло и предусмотрѣть которыя теорія бессильна. Во всѣхъ же основныхъ положеніяхъ практика германскаго генеральнаго штаба, повторяю, вполне подтверждаетъ выводы изъ положенія, что специальность генеральнаго штаба—изученіе противника. И потому я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ г. О. Макшеева, что «жизнь эту теорію отвергаетъ, и не по рутинѣ, а потому, что теорія эта фальшива, нежизненна». Мнѣ кажется, наоборотъ: теорія эта вѣрна и жизненна, и, что особенно интересно, г. О. Макшеевъ, самъ того не замѣчая, соглашается съ нею.

Въ № 10 «Извѣстій Императорской Николаевской военной академіи», на стр. 859, въ коротенькомъ заключеніи онъ, какъ выводъ своей статьи, даетъ свое опредѣленіе специальности германскаго генеральнаго штаба, придавая ему затѣмъ распространительное толкованіе, какъ специальности генеральнаго штаба вообще. Г. О. Макшееву посчастливилось въ томъ отношеніи, что неизвѣстный

авторъ выбралъ предметомъ своей статьи въ журналѣ «Ueberall» именно германскій генеральный штабъ, организованный на началахъ, вполне соответствующихъ, какъ показываетъ теорія, сущности современнаго военнаго дѣла; если бы ему вздумалось вмѣсто того описать, напримѣръ, нашъ генеральный штабъ, выводы можно бы было получить, надо думать, совершенно иные. Теперь же г. Θ. Макшеевъ выводитъ, что «спеціальность германскаго генеральнаго штаба заключается въ вожденіи войскъ, разумѣтся, на войнѣ», что «онъ важнѣйшій органъ вожденія войскъ». Я никакъ не поставилъ бы рядомъ оба эти опредѣленія, такъ какъ первое можетъ относиться только къ вождю, начальнику, для котораго вожденіе войскъ и составляетъ его дѣло, такъ сказать, его спеціальность; г. Θ. Макшеевъ далъ это опредѣленіе, вѣроятно, просто по недосмотру. Отбросивъ его, мы за выводъ изъ статьи г. Θ. Макшеева, сдѣланный имъ самимъ, можемъ считать, что генеральный штабъ «важнѣйшій органъ вожденія войскъ»; прибавимъ къ этому и оговорку: «разумѣтся, на войнѣ», взявъ ее изъ перваго опредѣленія. Къ этому опредѣленію г. Θ. Макшеевъ считаетъ нужнымъ дать нѣсколько поясненій въ родѣ того, что «генеральный штабъ есть главнѣйшій освѣдомительный и распорядительный органъ начальника по боевому употребленію войскъ» и т. п. Я не стану останавливаться на разборѣ ихъ: это завело бы меня слишкомъ далеко, такъ какъ всѣ эти поясненія неточны и требуютъ поправокъ¹⁰⁾; да и самъ авторъ сознается, что «сказанное здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, конечно, слишкомъ обще». Ограничимся поэтому указаннымъ выше выводомъ г. Θ. Макшеева, что генеральный штабъ «важнѣйшій органъ вожденія войскъ... разумѣтся, на войнѣ», и обратимся опять къ теоріи.

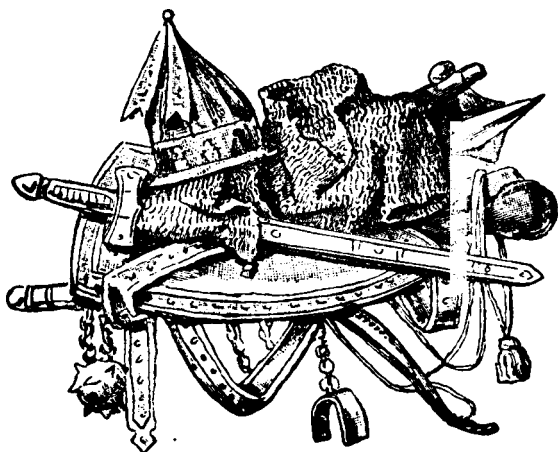
Вопросу объ отношеніяхъ между спеціальностью генеральнаго штаба и вожденіемъ войскъ, командованіемъ, посвящена въ моей книгѣ вся 3-я глава ея, стр. 35—48. Она заканчивается выводомъ, что «спеціальность генеральнаго штаба, ограниченная изученіемъ противника, по существу своему дѣлаетъ его *важнѣйшимъ органомъ командованія на войнѣ* и ближайшимъ помощникомъ начальника въ рѣшеніи выпадающихъ на него въ военное время задачъ. Это, дѣйствительно, *важный вспомогательный органъ начальника по управленію и командованію войсками*, органъ всеобъемлющаго, если хотите, значенія, какимъ мы привыкли себѣ

¹⁰⁾ Напримѣръ, только что цитированное опредѣленіе генеральнаго штаба съ большимъ правомъ, пожалуй, можетъ быть отнесено къ штабу вообще.

его воображать, но только при томъ пониманіи управленія войсками, какое соотвѣтствуетъ *условіямъ военного времени*» (стр. 47) Не правда ли, какъ поразительно близко этотъ выводъ теоріи съ выводомъ г. О. Макшеева изъ «дѣйствительныхъ фактовъ»? Совпаденіе ихъ вполне вознаграждаетъ меня за упреки г. О. Макшеева по моему адресу въ началѣ его статьи, будто у меня предвзятая теорія, фальшивая и нежизненная, а факты, которыми я пытался подтвердить ее, подогнаны и получаютъ ложное освѣщеніе. Теперь г. О. Макшеевъ самъ привелъ факты, далъ имъ правильное освѣщеніе и сдѣлалъ изъ нихъ выводъ, который... совпалъ съ моимъ. Да такъ оно и должно быть: сдѣланный выше анализъ организаціи и службы германскаго генеральнаго штаба показалъ, что факты подтверждаютъ выводы теоріи, и потому г. О. Макшееву при всемъ его желаніи такъ и не удалось на основаніи этихъ фактовъ придти къ выводу, отличному отъ моего.

Нѣтъ, теорія вѣрна и жизненна, когда она утверждаетъ и доказываетъ, что спеціальность генеральнаго штаба—изученіе противника. Если же она тѣмъ не менѣе отвергается, то, вопреки г. О. Макшееву, не потому, что она фальшива или нежизненна, а именно по рутинѣ, по мертвящей рутинѣ, по робкости и косности мысли.

Э. К. Калнинъ.

ПРИНЦИПЫ СТРОЕВОГО ОБУЧЕНИЯ ПѢХОТЫ.

«Бой требуетъ отъ войскъ: съ одной стороны—*строгой дисциплины* и полного подчиненія волѣ начальника, съ другой—*самодѣятельности* не только начальствующихъ лицъ, но иногда и каждаго рядового, для дружнаго достиженія общей цѣли дѣйствія при всякой обстановкѣ». Такъ гласить введеніе къ нашему строевому пѣхотному уставу.

«Пѣхотная часть», говоритъ строевой уставъ французской пѣхоты, «чтобы быть подготовленной къ войнѣ, должна быть *дисциплинированной* и *умѣть маневрировать*». Приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ говорятъ о дѣятельности пѣхоты и устава другихъ иностранныхъ армій.

Дѣйствительно, наблюдая пѣхоту въ различные моменты, какъ-то: въ мирное время на ученьѣ, на парадѣ, въ походномъ движеніи, на отдыхѣ и въ бою, мы можемъ подмѣтить и различить двойственность въ ея положеніи. Такъ, въ нѣкоторые моменты (строевое сомкнутое ученіе, гарнизонная служба, парадъ) мы видимъ пѣхотныхъ солдатъ, идущихъ правильными рядами, марширующихъ, отбивая тактъ и держащихъ напряженную выправку; въ другомъ случаѣ (походное движеніе, бой, отдыхъ) тѣ же люди двигаются совершенно свободно, отъ нихъ не требуютъ никакой наружной дисциплины и они всецѣло заняты своей непосредственной работой.

Во времена Фридриха Великаго, когда отъ вербованныхъ войскъ требовалась строжайшая дисциплина, которая поддерживалась жестокой муштрой, сложность и трудность строевыхъ требованій была

понятна, потому что въ тѣхъ же строяхъ, и совершенно тѣми же приемами, какими они учились на учебныхъ плацахъ, они сражались на поляхъ битвъ, но въ наше время мы видимъ войска въ бою сражающимися въ разсыпномъ строѣ, гдѣ отъ солдатъ совершенно не требуется соблюденія строгихъ дисциплинирующихъ правилъ сомкнутого строя. Послѣ этого кому-нибудь можетъ показаться лишнимъ и ненужнымъ обученіе сомкнутому строю и всѣмъ тонкостямъ муштровки.

Что подобныя сомнѣнія могутъ появляться, доказываютъ факты.

Во Франціи лѣтъ пятнадцать тому назадъ существовалъ уставъ 1894 года, устарѣлыя формы котораго (сложность перестроеній сомкнутого строя, требовавшаго усиленной муштровки) были очевидны; подъ вліяніемъ послѣдовавшей Англо-Бурской войны, а главнымъ образомъ, идеи генерала Негріе, въ 1902 году вышелъ новый строевой уставъ, который отмѣнилъ всякія стѣснительныя правила сомкнутого строя, находя, что они никогда не примѣняются на войнѣ, а потому совершенно излишни.

Результатъ не замедлилъ сказаться очень скоро: пѣхотныя части начали приходить въ полный беспорядокъ; строевая дисциплина упала; французы быстро спохватились, и въ 1904 году вышелъ новый, дѣйствующій и въ настоящее время во Франціи, уставъ, въ которомъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются напоминанія о необходимости упорнымъ обученіемъ сомкнутому строю на плацахъ сначала дисциплинировать часть и уже затѣмъ готовить ее къ маневрированію и бою. Необходимость педантичнаго соблюденія всѣхъ строевыхъ правилъ также подчеркивается все время.

Подобныя же перипетіи пережила и наша армія: старый уставъ 1881 года довольно основательно и педантично поддерживалъ строевую дисциплину; это было признано излишнимъ и вреднымъ, и въ 1897, а затѣмъ въ 1900 году, появляются новые уставы, которыми вся боевая муштра отмѣняется; ломка фронта чрезвычайно упрощена; отмѣнены команды отдѣленныхъ командировъ, сокращено количество ружейныхъ приемовъ, отмѣненъ учебный шагъ и т. д. Проходитъ восемь лѣтъ ¹⁾, и мы опять возвращаемся къ старому; опять появляется учебный шагъ; правда, онъ не носитъ та-

¹⁾ Причины появленія устава 1908 года ясны изъ объяснительной записки, къ нему приложенной, въ которой всѣ нововведенія объясняются исключительно желаніемъ поднять упавшую строевую дисциплину. Другихъ факторовъ, вліяющихъ на измѣненіе уставовъ, какъ-то: измѣненіе способа веденія боя, новыхъ образцовъ огнестрѣльнаго оружія и т. п. не было. Русско-Японская война въ этомъ отношеніи также не дала ничего новаго.

кого названія въ уставѣ, но въ дѣйствительности, принимая во вниманіе, что существуетъ еще шагъ по командѣ «вольно», первый по справедливости слѣдовало бы назвать учебнымъ. Опять появляются команды отдѣленныхъ командировъ; вообще подчеркиваются и предъявляются болѣе строгія требованія строевой дисциплины: напримѣръ, отданіе чести производится на учебномъ шагѣ; регламентировано даже положеніе «ложись».

Меньше всего колебаній въ смыслѣ измѣненій устава и облегченія строевой муштры пережили нѣмцы ²⁾. Въ Германіи въ 1906 году вышелъ строевой уставъ, отмѣняющій собою уставъ 1888 года и требующій той же дисциплины строя, что и старый; правда, въ 1910 году стала раздаваться масса голосовъ, требовавшихъ отмѣны страшно утомительнаго учебнаго шага; статьи объ этомъ появлялись въ военной и общей печати. Учебный шагъ былъ отмѣненъ, но нѣмцы смогли просуществовать безъ него только мѣсяць; онъ былъ снова введенъ и любимая нѣмецкая drill восторжествовала.

Итакъ, мы стоимъ передъ вопросомъ: необходимо ли строевое дисциплинированіе, въ какой именно степени, а главное съ помощью какихъ именно пріемовъ? Попробуемъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Мы видѣли, что старый уставъ требовалъ большой дисциплины строя и достигалъ этого съ помощью учебнаго шага, большого количества ружейныхъ пріемовъ; ломка фронта производилась медленно и методично, чтобы каждый солдатъ въ строю дѣлалъ всякое движеніе только по командѣ; команда отдѣленныхъ начальниковъ была необходима.

Уставъ 1900 года отъ этого отказывался, находя, что тратится слишкомъ много времени на все это, а главнымъ образомъ потому, что подобныя перестроенія хороши на учебномъ плацу, но не на боевомъ полѣ, гдѣ необходимо, чтобы рота выстраивала фронтъ возможно проще и скорѣе въ любую сторону; все равно, утомленные тяжелымъ переходомъ, люди, подтягиваясь къ полю сраженія, не исполняли всѣхъ мелочныхъ требованій сомкнутаго строя. Результатъ такой перемѣны мы уже видѣли—упадокъ строевой дис-

²⁾ За сорокалѣтній періодъ съ войны 1870 года строевые уставы выходили: во Франціи въ 1875, 1884, 1889, 1894, 1901, 1902, 1904 гг.; въ Германіи: въ 1876, 1888 и 1906 году. У насъ въ 1874, 1881, 1897, 1900 и 1908 гг.

циплины. Пришлось опять до нѣкоторой степени вернуться къ старому.

Невольно является вопросъ, гдѣ же истина и какъ выйти изъ этого положенія, когда съ одной стороны нужно дисциплинировать войска, требуя отъ нихъ точныхъ и стройныхъ перестроеній, а съ другой—необходимо упростить эти формы и способы, чтобы облегчить работу войскъ въ полѣ. Мнѣ кажется, что во всемъ этомъ есть неясность, выяснить которую чрезвычайно необходимо.

Какъ извѣстно, нашъ строевой уставъ во введеніи говорить, что бой требуетъ отъ войскъ съ одной стороны *жельзной дисциплины*, а съ другой—*самодѣтельности* рядовыхъ, и что такой двойственности требованій соответствуетъ раздѣленіе устава на собственно уставъ и на наставленіе; мнѣ кажется такой выводъ ошибоченъ.

Дѣйствительно, наставленіе совершенно не занимается ни дисциплинированіемъ, ни самодѣтельностью войскъ, а уставъ даетъ примѣры того и другого. Правильнѣе было бы считать, что такой двойственности требованій удовлетворяютъ два вида строя: *сомкнутый* и *разсыпной*; первый предназначается для дисциплинированія людей, а второй даетъ имъ возможность проявить разумную инициативу.

Итакъ, казалось бы вопросъ рѣшенъ: мы имѣемъ два строя, одинъ для дисциплинированія, а другой для обыкновенной, ничѣмъ не стѣсняемой, работы; но, какъ мы дальше увидимъ, такое дѣленіе не можетъ насъ совершенно удовлетворить и возникаетъ масса треній, которыя затрудняютъ работу войскъ.

Дѣйствительно, чтобы быть послѣдовательнымъ, необходимо требовать въ сомкнутомъ строѣ строжайшей дисциплины, напряженной выправки и маршировки; но тогда такіе формы и способы перестроеній будутъ годны только для плаца, а не для работы въ полѣ! Съ другой стороны, въ рассыпномъ строѣ на полѣ боя, т. е. тамъ, гдѣ именно можетъ понадобиться строгая дисциплина, гдѣ желательно взять солдата въ руки, мы не имѣемъ никакихъ для этого приемовъ. Изъ всего этого мы видимъ, что двойственности требованій, предъявляемыхъ къ войскамъ, правильнѣе было бы удовлетворить не двумя формами строя (сомкнутымъ и рассыпнымъ), а двумя положеніями, въ которыхъ могутъ находиться войска, гдѣ бы они ни были. Положенія эти суть: 1) положеніе *смирно*; 2) положеніе *вольно*.

Постараюсь подробнѣе объяснить свою мысль.

Что дѣйствительно двойственности требованій, предъявляемыхъ къ войскамъ, нельзя удовлетворить двумя формами строя, видно ясно.

Представимъ себѣ роту пѣхоты въ различные моменты ея дѣятельности.

Рота занимаетъ на плацу сомкнутымъ ученьемъ, — всѣ дисциплинирующія требованія удовлетворены исполнѣ, но та же рота на маневрахъ, идущая по вспаханному полю, представляетъ собой совсемъ другую картину. Правда, уставъ даетъ возможность облегчить строгія требованія сомкнутого строя, введя команду «вольно», по которой часть идетъ не учебнымъ шагомъ; и даже команду «оправиться», когда можно идти не въ ногу; но это, не говоря уже о томъ, что нарушаетъ идею сомкнутого строя, не удовлетворяетъ всетаки жизненнымъ условіямъ пѣхоты, такъ какъ рота, идущая на походъ въ положеніи «оправиться», правда, можетъ идти не въ ногу, не соблюдать выправки и нести ружья какъ угодно, но разъ она подошла къ полю боя, свернула съ дороги, и начальникъ желаетъ перестроить ее, онъ обязанъ подать команду «мирно» и потребовать отъ людей соблюденія всѣхъ требованій сомкнутого строя, такъ какъ иного положенія при перестроеніяхъ уставъ не знаетъ.

На самомъ дѣлѣ ротный командиръ смотритъ сквозь пальцы на то, что утомленные люди не выполняютъ педантично всѣхъ требованій; но съ этимъ нельзя мириться, и виноватъ въ этомъ уставъ, который не даетъ подходящихъ способовъ управленія для всякихъ случаевъ жизни.

Невозможность удовлетворить всѣмъ жизненнымъ требованіямъ пѣхоты двумя строями — сомкнутымъ и разсыпнымъ — сказала въ томъ, что въ уставѣ есть много промежуточныхъ формъ, на примѣръ: введенъ какъ бы особый видъ строя — разомкнутый, идти въ ногу и равняться въ которомъ не требуется; при смыканіи и размыканіи введенъ ускоренный шагъ, что ведетъ къ страшному безпорядку при этомъ перестроеніи и на практикѣ заставляетъ прямо вопреки уставу дѣлать его на обыкновенномъ строевомъ шагѣ; перестроенія колоннъ бѣгомъ и одиночная стрѣльба изъ разомкнутого строя также совершенно противорѣчатъ идеѣ сомкнутого строя. Понятно, что введеніе такихъ способовъ сдѣлано съ цѣлью облегчить строевыя требованія муштры и сдѣлать формы строевъ и способы перестроеній болѣе подходящими для боевого поля

Не слѣдуетъ также забывать, что въ бою, за исключеніемъ самой незначительной части, высланной въ цѣпь, всѣ остальные войска, эшелонированныя въ глубину, двигаются и управляются на принципахъ сомкнутаго строя, т. е. должны бы такъ управляться, хотя на дѣлѣ этого никогда не бываетъ.

Но такое обиліе строевъ, съ различными требованіями въ каждомъ изъ нихъ, только сбиваетъ съ толку какъ рядовыхъ, такъ и начальниковъ, да на дѣлѣ никогда и не выполняется, доказывая только, что уставъ пытался подогнуть различные виды строя для разныхъ моментовъ работы войскъ, но выполнилъ это, нельзя сказать, чтобы удачно.

Всѣ указанные недостатки были бы устранены, если бы уставъ былъ составленъ на основаніи слѣдующихъ принциповъ.

Пѣхотная часть, въ какомъ бы моментѣ своей дѣятельности она ни находилась, можетъ быть только въ двухъ основныхъ положеніяхъ: положеніе 1-е—*смирно*; положеніе 2-е—*вольно*.

Первое положеніе соотвѣтствуетъ первому предъявляемому войскамъ требованію, т. е. требованію дисциплинированности. Второе положеніе «вольно» даетъ войскамъ возможность работать, не будучи стѣсненными никакими требованіями муштры.

Форма строя приэтомъ не играетъ никакой роли. Находятся ли войска въ сомкнутомъ, разомкнутомъ или разсыпномъ строѣ, двигается ли часть цѣпью, змѣйкой, кучками—безразлично; они могутъ быть поставлены начальникомъ или въ положеніе «смирно», или въ положеніе «вольно». Формы строя безконечно разнообразны, и уставъ не можетъ ихъ всѣхъ предусмотрѣть.

Моментъ перехода изъ одного положенія въ другое предоставляется усмотрѣнію начальника этой части; если онъ находитъ нужнымъ и полезнымъ потребовать отъ своей части дисциплинированности, онъ по командѣ переводитъ ее въ положеніе «смирно»; каждый солдатъ понимаетъ, что въ этомъ случаѣ начальникъ желаетъ отъ него соблюденія всѣхъ требованій строевой муштры³⁾. Если начальникъ не находитъ нужнымъ требовать отъ своей части соблюденія всей строевой дисциплины, онъ переводитъ ее въ положеніе «вольно», въ которомъ люди двигаются не въ ногу, точнаго равенія (въ сомкнутомъ строю) не требуется, выправки также, но тишина и вниманіе къ командамъ начальника требуются попрежне-

³⁾ О самодѣятельности здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

му. Всѣ перестроенія колоннъ желательно измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы въ положеніи «смирно» солдату не приходилось дѣлать ни одного движенія и дѣйствія безъ команды начальника; такимъ образомъ идея дисциплинированія сомкнутаго строя будетъ проведена въ полной мѣрѣ. Для перестроенія колоннъ въ положеніи «смирно» нѣтъ надобности вводить нѣсколько способовъ, достаточно ихъ имѣть немного, но такихъ, которыя бы давали возможность исполнять ихъ хотя медленно, но со всей строгостью и педантичностью сомкнутаго строя, принимая во вниманіе, что такіе способы предназначаются главнымъ образомъ для учебнаго плаца или парада.

Въ положеніи «вольно» войска представляютъ полную противоположность вышеизложенному. Строевой муштры не требуется. Команда начальника не раздѣляется на предварительную и исполнительную; онѣ произносятся слитно; сообразно этому и въ исполненіи не слѣдуетъ требовать однообразія и одновременности. Движеніе производится не въ ногу безъ соблюденія выправки и равненія. Перестроенія колоннъ производятся такимъ образомъ, что ротный командиръ указываетъ только новую форму строя и сторону, въ которую она должна быть направлена; самое же перестроеніе исполняется всегда бѣгомъ или шагомъ безъ соблюденія ноги съ возможной быстротой и безъ соблюденія какихъ бы то ни было правилъ. Напримѣръ, стоитъ развернутый строй роты; ротный командиръ желаетъ выстроить взводную колонну къ сторонѣ праваго фланга; онѣ командуетъ: «Взводная колонна, направо, бѣгомъ маршъ». Первый взводъ быстро забѣгаетъ лѣвымъ плечомъ, прочіе также бѣгомъ выстраиваются въ затылокъ.

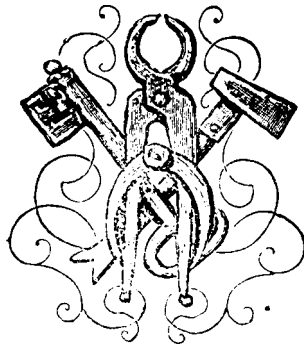
Вотъ образецъ полевого, чисто рабочаго перестроенія роты; тоже перестроеніе въ положеніи «смирно» будетъ исполняться со всей строгостью дисциплинарныхъ требованій.

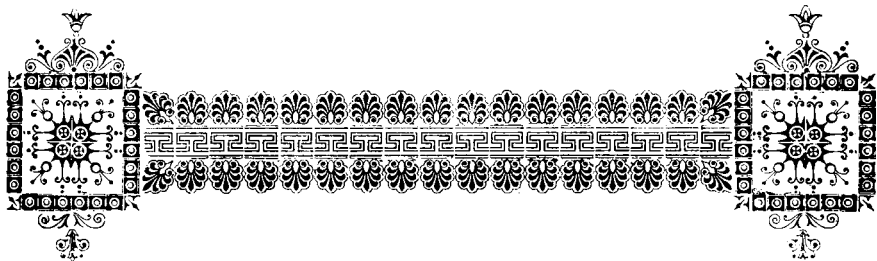
Попытки же одними и тѣми же способами перестроеній какъ для учебнаго плаца, такъ и для боевого поля, удовлетворить двумъ противоположнымъ требованіямъ, предъявляемымъ войскамъ: строевой дисциплины съ одной стороны и самостоятельности, подвижности и легкости съ другой, всегда будутъ неудачны.

Введеніе такихъ двухъ положеній совершенно устранить всѣ шероховатости въ управленіи войсками, поразить умъ солдата очевидностью необходимости строевой муштры и дать начальникамъ

возможность въ любой моментъ, и именно въ моментъ, который начальникъ считаетъ особенно подходящимъ, взять часть въ свои руки. Что подобные моменты могутъ встрѣтиться въ бою, когда войска въ цѣпи, доказываетъ примѣръ Скобелева, заставлявшаго дрогнувшія части продѣлывать ружейные приемы подь огнемъ.

С. Л.

О Б У Ч Е Н І Е

СЛУЖЬБЪ ДОЗОРОВЪ ВЪ РОТАХЪ, ЭСКАДРОНАХЪ И КОМАНДАХЪ¹⁾).

Частные виды дозоровъ.

1) Видоизмѣненіе дозоровъ въ зависимости отъ удаленія **непріятеля**. Чѣмъ дальше противникъ, тѣмъ болѣе вѣроятія, что для своего движенія онъ выберетъ только дороги или иные какіе-либо удобопроходимые пути. Если-же такъ, то нѣтъ надобности прикрывать себя дозорами на широкомъ фронтѣ, а достаточно послать ихъ впереди себя по дорогамъ или инымъ удобнымъ путямъ исключительно съ цѣлью своевременнаго открытія противника. Здѣсь развѣдка его не играетъ такой роли, какъ при болѣе близкомъ соприкосновеніи, такъ какъ едва-ли удастся значительнымъ силамъ противника подойти къ намъ совершенно незамѣтно. Для предупрежденія-же о болѣе или менѣе значительныхъ партіяхъ противника достаточны будутъ и тѣ 1—2, много 3, дозора, которые будутъ прикрывать собою головы нашихъ походныхъ колоннъ. Находясь въ большой безопасности, такіе дозоры

¹⁾ См. «Воен. Сб.» № 5.

могутъ быть выдвинуты значительно дальше (до 2-хъ верстѣ) впередъ, при силѣ ихъ отъ 1 звена и до отдѣленія. Желательно придавать къ такимъ дозорамъ велосипедистовъ или лыжниковъ для болѣе скорой доставки донесеній. Строй, въ которомъ могутъ держаться подобные дозоры, можетъ быть болѣе сомкнутый, чѣмъ при болѣе близкомъ соприкосновеніи съ непріателемъ: весь дозоръ можетъ идти командой, выславъ шаговъ на 300—400 впередъ 1—2 дозорныхъ и осматривая впередилежащую мѣстность съ болѣе удобныхъ наблюдательныхъ пунктовъ высылкой на нихъ особыхъ наблюдателей. Такой видъ охраненія дозорами можетъ быть принятъ при удаленіи передовыхъ частей противника перехода на 4-е и болѣе.

2) **Дозоры для охраненія фланга боевого расположенія.** Въ дозорѣ, наблюдающемъ за флангомъ боевого расположенія, служба должна быть организована слѣдующимъ образомъ.

Составъ такого дозора отъ 1 звена до отдѣленія.

Выдвинувшись до $1/2$ — $3/4$ версты въ сторону и шаговъ на 400—500 впередъ, дозоръ старается выполнить 2 существеннѣйшія задачи, выпадающія на его долю:

1) *внимательное и непрерывное* (до окончанія боевой задачи) *наблюденіе за тѣмъ флангомъ поля боя, гдѣ находится дозоръ, и*

2) *установленіе самой тѣсной и дѣйствительной связи съ тѣмъ флангомъ боевого расположенія, который дозоръ назначенъ прикрывать собой.*

Выполненіе 1-го условія достигается тѣмъ, что дозоръ не имѣетъ права пропустить ни одного наблюдательнаго мѣстнаго пункта, какъ-то: кургановъ, домовъ, деревьевъ, доступныхъ для него горныхъ вершинъ и т. п., находящихся не только въ районѣ его расположенія, но и удаленныхъ до 1 версты отъ него, безъ осмотра мѣстности впередъ и въ сторону отъ своего фланга. Этотъ осмотръ необходимо производить черезъ отдѣльныхъ людей, высылаемыхъ начальникомъ дозора и остающихся тамъ для наблюденія все время, пока это будетъ необходимо по обстановкѣ, и, во всякомъ случаѣ, не сходящихъ съ него ранѣе, чѣмъ линію его пройдутъ тыловые части. Тогда этотъ наблюдатель можетъ сойти и сначала присоединяется къ ближайшимъ частямъ своего отряда, а затѣмъ, при первой возможности, и къ своему дозору. Напр., если такой наблюдатель высланъ отъ дозора, прикрывающаго флангъ боевого расположенія роты, то, по прохожденіи линіи наблюдатель-

наго пункта ротнымъ резервомъ, дозорный можетъ сойти со своего поста и присоединиться или къ резерву, или лучше къ своему дозору, если это будетъ возможно по ходу боя.

Что касается строя дозора, наблюдающаго за флангомъ боевого расположенія, то онъ можетъ быть двоякій: а) *до встрѣчи съ пѣхотой противника*—нормальный строй дозоровъ, т. е. рѣдкая цѣпь дозорныхъ впереди и сзади ядро дозора, и б) *послѣ встрѣчи съ пѣхотой противника и съ началомъ ружейнаго огня*—въ своемъ боевомъ видѣ, т. е. всѣ люди дозора въ рѣдкой цѣпи, шаговъ на 15—20 другъ отъ друга. Такимъ образомъ, положеніе дозоровъ для наблюденія за флангомъ относительно своихъ боевыхъ частей будетъ представлять собою какъ бы уступъ впередъ. Какъ въ первомъ случаѣ, такъ и особенно во второмъ, необходимо имѣть отдѣльныхъ дозорныхъ для наблюденія исключительно въ сторону наружнаго фланга и даже тыла. Связь дозора съ охраняемымъ имъ флангомъ долженъ поддерживать самъ дозоръ, для чего лучше всего имѣть цѣпочку изъ одиночныхъ людей черезъ каждые 100—200 шаговъ. Переговоры и донесенія должны передаваться, главнымъ образомъ, посредствомъ сокращенной сигнализаци и только въ самомъ крайнемъ случаѣ черезъ связь. Конечной станціей для переговоровъ фланговыхъ дозоровъ съ выславшей ихъ частью слѣдуетъ признать командира взвода на этомъ флангѣ. Связь съ людьми, посланными къ какому-нибудь удаленному наблюдательному пункту, какъ указано выше, начальникъ дозора устанавливаетъ тоже черезъ цѣпочку изъ людей, но болѣе рѣдкую—шаговъ на 250—300, чтобы можно было переговариваться только сигнализацией, если и не флагами, то хоть руками, такъ какъ такой массы флаговъ можетъ въ ротъ и не найтись.

Что касается дѣйствій такого дозора при наступленіи на противника, то, кромѣ самаго внимательнаго наблюденія за мѣстностью, ему придется принимать и дѣятельное огневое участіе въ бою, всѣми мѣрами содѣйствуя продвиганію своей цѣпи впередъ. Да это и немислимо иначе, такъ какъ весьма часто безъ боя и не удастся правильно не только организовать наблюденіе, но и продвинуться впередъ. А кромѣ того надо воспользоваться своимъ выгоднымъ уступнымъ, а значитъ и болѣе свободнымъ для маневрированія, расположеніемъ.

Во время производства атаки означенные дозоры никомъ образомъ не должны принимать въ ней участія и твердо помнить, что

въ это-то время наибольшей суматохи и беспорядка, полного самыхъ неожиданныхъ случайностей, особенно важно зорко слѣдить за всѣми подступами къ пункту атаки и за всѣми попытками со стороны непріятельскихъ поддержекъ, резервовъ, кавалеріи и пр. Въ случаѣ появленія ихъ или какой-либо другой опасности для своихъ атакующихъ частей, всѣми мѣрами стараться предупредить объ этомъ своего ротнаго командира или соотвѣтствующаго начальника, а самимъ, не теряя напрасно ни минуты, стараться по возможности огнемъ, если не отразить, то хоть на время задержать или разстроить выдвигающагося противника.

Наоборотъ, при оборонѣ ничто не препятствуетъ наблюдающимъ за флангами дозорамъ принимать самое дѣятельное огневое участіе въ бою, такъ какъ этимъ и наблюденіе за флангомъ будетъ достигнуто и до нѣкоторой степени можно ввести противника въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго протяженія нашей позиціи. Не слѣдуетъ только огонь открывать на слишкомъ дальнихъ дистанціяхъ; самое лучшее не дальше, приблизительно, 1000 шаговъ.

Общимъ правиломъ для этихъ дозоровъ того и другого вида можно установить слѣдующее: *«дозоры для наблюденія за флангомъ не имѣютъ права ни подѣ какимъ видомъ и ни при какой боевой обстановкѣ присоединяться къ охраняемому ими флангу, за исключеніемъ только того случая, если они получили соотвѣтствующее приказаніе отъ своего начальника».*

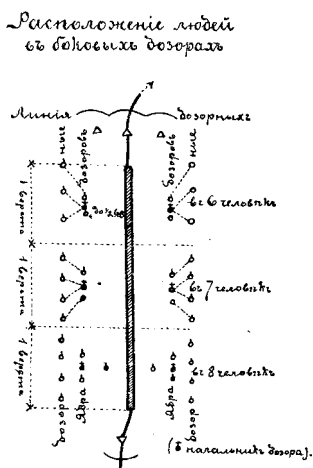
3) **Видоизмѣненія дозоровъ въ зависимости отъ численности отрядовъ, высылающихъ ихъ.** Въ общемъ отдѣлѣ показана организація дозорной службы на походѣ и при завязкѣ боя въ болѣе или менѣе большихъ отрядахъ (во всякомъ случаѣ прикрывающихъ себя походными заставами).

Необходимо отмѣтить тѣ особенности дозорной службы, которыя будутъ въ отдѣльныхъ ротахъ и командахъ, выдвигаемыхъ впередъ для выполненія самостоятельныхъ задачъ, а также въ большихъ отрядахъ при глубокихъ походныхъ колоннахъ, когда возможны всякія случайности съ фланга и отъ чего не въ силахъ предохранить никакое дозорное охраненіе впереди.

Небольшіе размѣры, какъ по фронту, такъ и въ глубину, и большая боевая готовность, вотъ отправныя данныя для несенія дозорной службы въ отдѣльныхъ ротахъ и командахъ (напр., развѣдчиковъ). Нельзя очень опасаться возможности внезапныхъ дѣй-

ствій противника ротѣ во флангъ, разъ минутъ за 10—15 до этого здѣсь прошла передовая дозорная линія. Оттого-же нѣтъ надобности и въ широкой дозорной линіи впереди. Небольшіе-же размѣры самой колонны позволяютъ не очень опасаться приближенія къ противнику до дистанціи ружейнаго выстрѣла. Все это позволить ограничиться высылкой къ головѣ отъ 1 до 3 дозоровъ и слабого тыльнаго дозора (человѣка 3) при удаленіи ихъ отъ колонны согласно указаніямъ общаго отдѣла дозорной службы.

Рис. 7.

Глубокія походныя колонны большихъ отрядовъ, обратно, не могутъ считать себя въ полной безопасности отъ противника даже и послѣ прохода широкаго походнаго охраненія. Въ такихъ колоннахъ желательно на каждую версту походной колонны съ обѣихъ сторонъ имѣть по дозору. (См. рис. 7). Сила такого дозора должна быть 6—8 человѣкъ; удаленіе его ядра отъ походной колонны до $\frac{1}{2}$ версты. Въ ядрѣ не слѣдуетъ оставлять болѣе 3 человѣкъ по расчету: начальникъ дозора, его помощникъ и 1 человѣкъ для посылокъ, такъ какъ особой работы дозора здѣсь не предвидится.

ра здѣсь не предвидится.

Остальные люди должны быть высланы дозорными въ сторону наружнаго фланга, при удаленіи линіи ихъ до 300 шаговъ отъ ядра и съ такимъ расчетомъ, чтобы они болѣе или менѣе равномерно распредѣлились на всемъ своемъ верстовомъ участкѣ.

При остановкахъ походной колонны дозоры должны охранять ее по типу остановившихся дозоровъ, но, конечно, поворачиваясь для этого къ сторонѣ наружныхъ фланговъ.

Тыльные дозоры во всѣхъ случаяхъ занимаютъ расположеніе обратное головнымъ, т. е. сначала ядра дозоровъ, а затѣмъ цѣпь дозорныхъ; всѣ повернувшись при остановкѣ въ сторону тыла.

4) Отдѣльные дозоры, посланные для осмотра мѣстности отъ сторожевыхъ заставъ или отъ какой-нибудь отдѣльной команды. Могутъ представиться случаи, когда придется выслать

къ сторонѣ противника отъ одного до нѣсколькихъ вполнѣ самостоятельныхъ дозоровъ для изслѣдованія опредѣленной полосы мѣстности съ рекогносцировочными цѣлями или-же для выполненія извѣстнаго вида сторожевого охраненія.

Сила такихъ дозоровъ не должна быть велика, такъ какъ основная цѣль ихъ—высмотрѣть то, что есть на опредѣленномъ участкѣ мѣстности, и своевременно донести объ этомъ выславшему дозоръ начальнику. Ни о какихъ упорныхъ боевыхъ дѣйствіяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи по самому существу вопроса: 3, много 5, человекъ—вотъ возможная сила ихъ. Зато, взамѣнъ количества, желательно повысить качество, назначая въ такіе дозоры начальниковъ, вполнѣ пригодныхъ для этого рода службы, и по возможности такой-же весь составъ дозора.

Удаленіе такихъ дозоровъ не должно быть болѣе 2 верстъ или-же срокъ работы такого дозора не долженъ превосходить 2 часовъ. Та и другая цифры обуславливаются трудностью самой задачи и слишкомъ большимъ утомленіемъ людей при ея исполненіи.

Способъ дѣйствія такихъ дозоровъ, въ случаѣ встрѣчи съ противникомъ, всегда долженъ преслѣдовать одну и ту-же цѣль: *не упуская изъ виду того, что можетъ угрожать выславшему дозоръ отряду, въ возможно скорое время извѣстить его объ этомъ.*

Это требованіе указываетъ и на способъ выполненія такимъ дозоромъ своей задачи. Какъ только начальникъ дозора замѣтитъ противника, онъ немедленно начинаетъ осторожно, при самомъ тщательномъ примѣненіи къ мѣстности, продвигаться впередъ самъ или со всѣмъ дозоромъ для того, чтобы вполнѣ разобраться въ той обстановкѣ, какая будетъ передъ нимъ.

Выстрѣловъ слѣдуетъ по возможности избѣгать, такъ какъ огнемъ никакихъ результатовъ съ такими слабыми силами достичь нельзя; гораздо лучше всѣ свои дѣйствія основывать на скрытности. Къ обстрѣливанію-же придется прибѣгнуть только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Напр., если дозоръ нарвется на засаду, если угрожаетъ слишкомъ близкая и неожиданная опасность выславшему дозоръ отряду или командѣ и нѣтъ времени послать необходимое донесеніе и т. п.

Немедленно, по выясненіи обстановки, начальникъ дозора посылаетъ донесеніе въ отрядъ, а самъ съ прочими людьми организуетъ тщательное наблюденіе за противникомъ на томъ участкѣ

мѣстности, на который данный дозоръ высланъ. Въ такую форму преимущественно должна выливаться служба дозоровъ, высылаемыхъ отъ сторожевого охраненія для осмотра впередилежащей мѣстности.

Конечно, ничего этого не надо будетъ дѣлать въ томъ случаѣ, если дозору поручено только убѣдиться—*«занятъ или нѣтъ извѣстный участокъ мѣстности»*, и, продвигаться далѣе въ этомъ направленіи отрядъ не предполагаетъ. Тогда, убѣдившись только въ томъ, что противникъ есть на данномъ участкѣ мѣстности, весь дозоръ, оставивъ 1—2 человекъ для наблюденія, возвращается назадъ и начальникъ его докладываетъ о непріятелѣ или о всемъ томъ, что дозоръ увидѣлъ.

Люди-же, оставленные для наблюденія за противникомъ, должны оставаться на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока соответственная команда совершенно не выйдетъ изъ сферы дѣйствія противника. Тогда они стараются возможно скорѣе присоединиться къ своему отряду. Этимъ способомъ преимущественно будутъ дѣйствовать дозоры, высылаемые, напр., отъ командъ развѣдчиковъ, кавалерійскихъ развѣздовъ и т. п.

Осмотръ дозорами мѣстныхъ предметовъ. Общее правило для всѣхъ дозоровъ при осмотрѣ ими мѣстныхъ предметовъ должно быть то, что, «прежде чѣмъ осматривать какой-бы то ни было мѣстный предметъ, надо задержать и распросить кого-либо изъ мѣстныхъ жителей» (конечно, если только представится къ этому случай), съ тѣмъ, чтобы не подвергнуться неожиданному разстрѣлу противника. При нѣкоторой угрозѣ можно почти всегда получить отъ задержаннаго болѣе или менѣе точныя указанія,—*есть-ли тамъ противникъ или нѣтъ*.

Что-же касается до выясненія другихъ вопросовъ, необходимыхъ дозору, то это всецѣло будетъ зависѣть отъ того или другого образа дѣйствій, смѣтливости и умѣнья самого дозора.

1) *Осмотръ отдѣльныхъ домовъ.* Надо опросить и осмотрѣть, есть ли подвалы, чердаки, погреба и пр. Осмотрѣть ихъ, а потомъ уже приступить къ осмотру жилого помѣщенія, предварительно конечно, оставивъ часового у входныхъ дверей для наблюденія за нимъ во время предыдущаго осмотра. По окончаніи перваго осмотра, входятъ въ жилой домъ и осматриваютъ послѣдовательно комнаты одну за другой. Если населеніе настроено враждебно, то лучше удалить обитателей на время осмотра, а дозору оставить при себѣ только хозяина дома и какъ проводника, и какъ заложника.

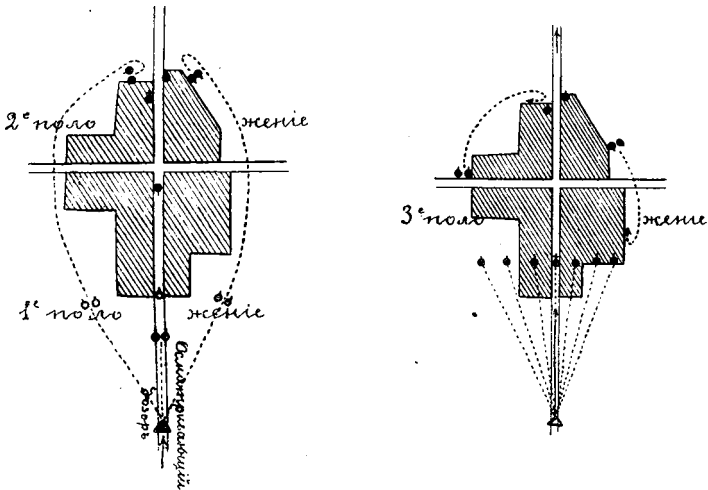
2) *Осмотръ усадьбъ, фольварковъ, хуторовъ и т. п.* Для осмотра этого вида мѣстныхъ предметовъ надо, еще при подходѣ, выдѣлить 1, много 2 человекъ, для окарауливанія снаружи усадьбы и т. п. на все время осмотра; ядро дозора входитъ внутрь и приступаетъ къ детальному осмотру всѣхъ помѣщеній. Весь этотъ осмотръ дѣлается въ присутствіи хозяина или кого-либо изъ лицъ, могущихъ быть заложникомъ на все время осмотра.

3) *Осмотръ деревни, села, мѣстечка, города и т. п.* Осмотръ населенныхъ пунктовъ можно подраздѣлить на 2 вида: а) осмотръ населенныхъ пунктовъ небольшихъ, вполне соответствующихъ силѣ дозора, и б) осмотръ большихъ населенныхъ пунктовъ.

Населенные пункты перваго вида осматриваются дозорами слѣдующимъ образомъ (см. рис. 8 и 9).

Дѣйствія дозора, осматривающаго какой-нибудь населенный пунктъ.

Рис. 8 и 9.

Выдѣляется изъ состава дозора не менѣе 3-хъ новыхъ дозоровъ силою, приблизительно, крайніе по 2 человекъ, а средній не менѣе 3 человекъ, которые посылаются къ населенному пункту съ цѣлью: крайними—обойти населенный пунктъ по окраинѣ, а среднимъ—по серединѣ населеннаго пункта (даже цѣлиной), если улицъ въ этомъ направленіи нѣтъ.

Крайніе дозоры быстро двигаются по окраинѣ до противоположнаго конца деревни, внимательно наблюдая за окружающей

мѣстностью, и затѣмъ ожидаютъ подхода здѣсь средняго дозора, которому и сообщаютъ о всемъ, что они видѣли. Когда начальникъ средняго дозора, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, пошлетъ съ однимъ изъ своихъ людей донесеніе высланному дозору начальнику, тогда онъ со своимъ подручнымъ остается въ этой части деревни для наблюденія за нею, а оба крайнихъ дозора несутъ дозорную службу, двигаясь все время по наружнымъ окраинамъ населеннаго пункта между среднимъ дозоромъ и производящими осмотръ населеннаго пункта главными силами дозора. Обязанности ихъ при этомъ, какъ и вообще во всѣхъ подобныхъ случаяхъ окарауливанія наружной окраины мѣстнаго предмета, *впускать въсьхъ постороннихъ людей, входящихъ въ населенный пунктъ, но никого не выпускать изъ него.*

Начальникъ всего осматривающаго мѣстный предметъ дозора, получивъ извѣщеніе, что передніе дозорные никого не открыли въ данномъ населенномъ пунктѣ, приступаетъ къ его осмотру. Для этого всѣ оставшіеся въ дозорѣ люди расходятся на ширину, какую имѣетъ данный мѣстный предметъ, и, двигаясь впередъ рѣдкою цѣпью, осматриваютъ всѣ встрѣчающіеся закоулки, забѣгая для этого во дворы, заглядывая въ окна, сараи, подвалы, чердаки и т. п. Когда осмотръ законченъ, посылается соотвѣтствующее донесеніе.

Что касается до осмотра значительныхъ населенныхъ пунктовъ и во всякомъ случаѣ являющихся не подъ силу данному дозору, то здѣсь остается примѣнить единственное средство—это взять въ разныхъ частяхъ населеннаго пункта залоговъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ, напр., мѣстнаго старшину, котораго и предупредить, что онъ будетъ немедленно же разстрѣлянъ, если не сообщитъ о возможномъ пребываніи въ данномъ пунктѣ непріятеля, который впослѣдствіи обнаружитъ себя. Кромѣ того, надо осмотрѣть все, что только удастся, разспрашивая о противникѣ населеніе, преимущественно же малолѣтнихъ, которые всегда болѣе склонны проболтаться, чѣмъ взрослые.

Въ случаѣ же надобности осмотрѣть весь такой населенный пунктъ, надо выслать въ различныхъ направленіяхъ нѣсколько дозоровъ, въ томъ числѣ и дозоры на наружныя окраины селенія, которые должны при своемъ обходѣ оставлять часовыхъ у всѣхъ выходовъ, впуская всѣхъ, но не выпуская никого.

4) *Осмотръ овраговъ.* При осмотрѣ овраговъ необходимо изслѣдовать не только главныя направленія, но и всевозможные изгибы и отвѣтвленія ихъ. Для этого надо обязательно послать соотвѣтствующей силы дозоры по дну оврага и по обѣимъ его сторонамъ.

Во всѣ отвѣтвленія овраговъ посылается хотя бы по одному дозору (не менѣе 2-хъ человекъ), которые должны осмотрѣть ихъ по возможности до конца и только въ случаѣ очень значительной ихъ длины, приблизительно, на 1 версту въ сторону. Послѣ осмотра имъ слѣдуетъ идти напрямикъ на присоединеніе къ своему ядру.

Ядро всего дозора можетъ двигаться или по краямъ оврага или же, при требованіи особой скрытности при осмотрѣ, даже по дну его.

5) *Осмотръ мѣстности закрытой и изрытой.* При осмотрѣ мѣстности изрытой, а также покрытой сравнительно рѣдкимъ кустарникомъ или лѣсомъ, дозоръ, не доходя шаговъ 400—600, высылаетъ 2—3 дозорныхъ, которые идутъ туда ускореннымъ шагомъ и, удостовѣрившись, что окраина свободна отъ противника, подають условный знакъ.

Убѣдясь, что условный знакъ принятъ, они продолжаютъ свой осмотръ и движеніе дальше. Люди же всего дозора расходятся въ цѣпь и идутъ на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы видѣть сосѣдей.

Начальникъ дозора со своимъ помощникомъ идетъ сзади и внимательно слѣдитъ за дѣйствіями своихъ людей, помощникъ же осматриваетъ на своемъ пути верхушки деревьевъ.

Слишкомъ большія лѣсныя и кустарниковыя группы дозорамъ невозможно изслѣдовать цѣликомъ, а придется довольствоваться только ихъ частичнымъ осмотромъ.

5) **Дозоры для связи:** а) между отдѣльно двигающимися частями и б) въ сторожевомъ охраненіи. Основа службы такихъ дозоровъ состоитъ въ томъ, чтобы при какой угодно обстановкѣ, полной иногда самыхъ непредвидѣнныхъ случайностей, во чтобы то ни стало была сохранена связь между дозоромъ и отрядами; это его сдача, его постъ, какъ у часового, и усилія всѣхъ чиновъ такого дозора, а особенно его начальника, должны быть всецѣло направлены къ тому, чтобы это было достигнуто.

а) Въ случаѣ необходимости связать отдѣльно двигающіеся или наступающіе отряды, между ними высылаются дозоръ для связи.

Послѣдній состоитъ изъ ядра и цѣпи дозорныхъ (см. рис. 10 и 11). Дозорные служатъ для образованія непрерывной цѣпи отъ ядра въ обѣ стороны до отдѣльно-двигающихся отрядовъ. Удаленіе дозорныхъ другъ отъ друга таково, чтобы не только каждый изъ

нихъ не теряя изъ виду своихъ сосѣдей, но чтобы была возможна передача черезъ эту подвижную цѣпь сигнализацией и даже голосомъ необходимыхъ распоряженій.

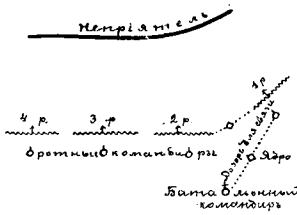
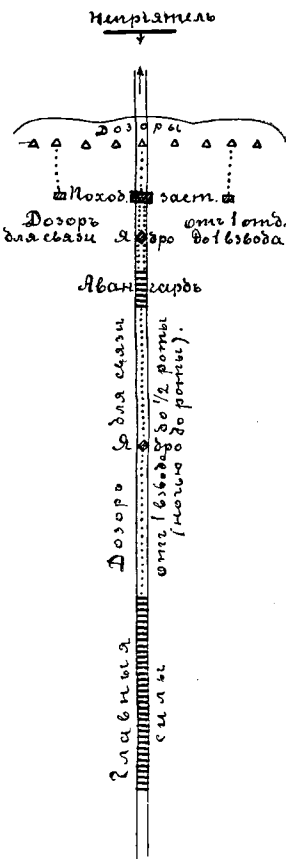
Предѣломъ удаленія дозорныхъ другъ отъ друга можетъ быть принято 100—150 шаговъ. Желательно (при избыткѣ людей) дозорныхъ въ такой цѣпи располагать парами, т. к. тогда облегчится

Дозоры для связи.

Рис. 10 и 11.

а) на походѣ

б) въ бою.

передача письменныхъ распоряженій вдоль такого дозора. Однако это не обязательно; исполнѣ возможна служба связи и при одиночной цѣпи дозорныхъ.

Ядро дозора помещается посерединѣ цѣпи дозорныхъ,

но можетъ быть и на краяхъ ея, и служить для того, чтобы цѣпь не разрывалась. Это лежитъ всецѣло на обязанности начальника дозора для связи, а средствомъ ему служатъ всѣ люди ядра дозора.

Дѣйствія такого дозора сводятся къ слѣдующему.

Люди дозора держатъ связь въ направленіи отъ ядра къ тѣмъ отрядамъ, между которыми работаетъ весь этотъ дозоръ. Въ зависимости отъ той или иной обстановки и дѣйствій отрядовъ, разстояніе между ними будетъ то увеличиваться, то уменьшаться. Дозорная линія тоже будетъ то разрѣжаться, то сгущаться. Въ первомъ

случаѣ, во избѣжаніе разрыва связи, начальникомъ дозора высылаются въ обѣ стороны дополнительные дозорные изъ состава ядра дозора и это будетъ дѣлаться вплоть до расхода всѣхъ людей изъ ядра, причемъ послѣдними входятъ въ дозорную линію начальникъ такого дозора и его помощникъ.

Если и послѣ этого разстояніе между отрядами увеличивается, то соотвѣтственно будетъ увеличиваться интервалъ между дозорными при одномъ непремѣнномъ условіи—чтобы связь между обоими отрядами была поддерживаема во чтобы то ни стало. Последнее явленіе (т. е. такое значительное увеличеніе интервала между дозорными) нежелательно само по себѣ и должно быть парализовано высылкой дозора для связи достаточной силы (отъ звена до 1 роты). При уменьшеніи разстоянія между отрядами изъ дозорной линіи убираются въ ядро ближайшіе къ нему люди. Такой дозоръ для связи можетъ служить и для письменныхъ сношеній отрядовъ между собой. Напр., между походными заставами и головнымъ отрядомъ, головнымъ отрядомъ и авангардомъ; между головнымъ и боковыми отрядами; даже между авангардомъ и главными силами. При наступленіи—между сосѣдными наступающими частями отряда и т. п.

Подобное использованіе дозора для связи слѣдуетъ дѣлать только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и при неимѣніи другого средства для сношеній, напр., когда нѣтъ ни ординарцевъ, ни велосипедистовъ.

Положимъ, изъ одного отряда въ другой надо передать какое-либо донесеніе; отъ отряда высылается соотвѣтствующій нижній чинъ съ этимъ донесеніемъ, который *добѣгаетъ* до ближайшаго дозорнаго, передаетъ ему пакетъ и самъ остается на его мѣстѣ и принимаетъ на себя его обязанности. Получившій пакетъ дозорный, *бѣгомъ же*, передаетъ его слѣдующему дозорному и т. д.; донесеніе слѣдуетъ по цѣпи дозорныхъ до другого отряда со скоростью бѣгущаго человѣка (около 6—7 верстъ въ 1 часъ), а оттуда конвертъ, если это понадобится, можетъ точно такимъ же образомъ возвратиться обратно.

Изъ всего этого видно, что отъ такого дозора для связи *крайнихъ людей отъ цѣпи дозорныхъ* лучше имѣть при тѣхъ отрядахъ, которые связываются между собой.

Дозоръ для связи въ сторожевомъ охраненіи нѣтъ надобности назначать большой силы: 2—3 человѣка, въ нихъ одинъ за старшаго, вотъ обыкновенный составъ его. Обязанностью такого дозора является *поддержаніе самой тѣсной связи между тѣми частями сторожевого охраненія, между которыми такой дозоръ высылается*.

Внутри сторожевого охраненія слѣдуетъ высылать 2 серіи дозоровъ: для связи между заставами сторожевого охраненія и для повѣрки бдительности постовъ.

Такъ какъ расходъ людей на заставахъ громадный, то естественно является мысль—соединить оба эти вида дозоровъ, и соотвѣтствующей организаціей высылки ихъ достигнуть осуществленія этой двойной службы. Для этого слѣдуетъ, высылая вышеозначенный дозоръ, направлять его такимъ образомъ: сначала на средній постъ и потомъ вдоль постовъ своей заставы въ ту или другую сторону, затѣмъ на крайній постъ сосѣдней заставы, на эту послѣднюю и оттуда, обратно, на высланную дозоръ заставу. На постахъ такой дозоръ производитъ наблюденіе надъ бдительностью службы ихъ, а на заставахъ является начальникамъ ея съ докладами о цѣли своего прибытія и о результатахъ обхода.

На фланговыхъ заставахъ направленіе такихъ дозоровъ должно быть слѣдующее: отъ заставы на крайній свой фланговый постъ, затѣмъ вдоль всѣхъ своихъ постовъ, на ближайшій фланговый постъ сосѣдней заставы, на сосѣдную заставу и обратно на свою.

6) **Видоизмѣненіе дозоровъ для кавалеріи.** Въ общихъ своихъ основахъ дозорная служба для кавалеріи остается та же. Что же касается до частныхъ, то таковыя, сообразуясь со свойствами конницы, должны быть соотвѣтственнымъ образомъ видоизмѣнены.

Въ строяхъ дозоровъ дистанціи между дозорными могутъ быть доведены до 300—400 шаговъ, въ виду того, что всадникамъ легче видѣть другъ друга, а производить осмотръ мѣстности на своемъ участкѣ гораздо удобнѣе и скорѣе, чѣмъ пѣхотинцу.

Строй ядра дозора тотъ же самый.

Удаленіе ядра дозора отъ высылающей его части можетъ быть нѣсколько увеличено—раза въ полтора или даже въ два болѣе, чѣмъ при пѣхотныхъ дозорахъ.

Условные знаки слѣдуетъ, сообразуясь съ свойствами конницы, нѣсколько измѣнить:

а) Вижу одиночнаго (одиночныхъ) коннаго непріятеля—*снять фуражку и махать ею сбоку себя.* б) Вижу болѣе или менѣе значительную группу или колонну конницы противника—*на ходу описывать волты.* в) Вижу одиночнаго (одиночныхъ) пѣшаго непріятеля—*снять съ плечъ винтовку и продолжать ѣхать дальше, держа ее въ рукахъ.* г) Вижу болѣе или менѣе значительную группу или колонну пѣшаго противника—*держа ружье въ рукахъ, останавливается.* д) Можно безопасно двигаться впередъ—*поднятая на вытянутой вверхъ рукѣ фуражка.*

При несеніи соотвѣтственной службы въ дозорѣ (кромѣ самаго движенія дозора) аллюры слѣдуетъ примѣнять не ниже рыси, а несенія посылать только галопомъ.

При *встрѣчѣ съ противникомъ* кавалерійскіе дозоры должны помнить свое главное свойство—это подвижность. Если противникъ будетъ тоже конный, то все сведется къ такому же единоборству, какъ и между пѣхотными дозорами обѣихъ сторонъ. Здѣсь болѣе смѣтливый, обученный, лихой копникъ всегда заставитъ податься назадъ своего противника, если только послѣдній не будетъ во много разъ сильнѣе, напимѣрь, сильный развѣздъ или даже конный отрядъ непріятели. Въ этомъ случаѣ дозорной линіи придется приостановиться, можетъ быть, и медленно отходить назадъ на тѣснимомъ участкѣ дозорной линіи, но не прекращать своего наблюденія за противникомъ все время.

Если противникъ будетъ пѣшій, напимѣрь, команда непріятельскихъ развѣдчиковъ или линія дозоровъ его походнаго охраненія, то отдѣльнымъ кавалеристамъ-дозорнымъ едва-ли удастся задержать его.

Здѣсь дѣйствія конныхъ дозоровъ сводятся къ тому, чтобы: а) возможно скорѣе сообщить въ тылъ объ открытіи противника; б) не прекращать своего наблюденія за нимъ ни на минуту до того времени, когда служба конныхъ дозоровъ прекратится; в) пользуясь мѣстностью, стараться задержать продвижаніе впередъ противника, для чего не бояться прибѣгать и къ пѣшему бою, пѣпляясь за мѣстные предметы, особенно за населенные пункты, перелѣски и т. п. Это преимущественно могутъ продѣлывать ядра дозоровъ, выскакивая на болѣе удобныя мѣста своего дозорнаго участка и здѣсь, по возможности, спѣшивая побольше людей, чтобы огнемъ большаго количества винтовокъ (2—6) заставить противника, если и не совершенно остановиться, то хоть задержаться; г) когда походныя заставы войдутъ въ дозорную линію и начнутъ тѣснить противника, то содѣйствовать имъ въ этомъ или своимъ огнемъ или тщательнымъ наблюденіемъ за нимъ.

Съ началомъ развертыванія *головного* отряда или *авангарда*, конные дозоры должны во всякомъ случаѣ очистить фронтъ передъ разворачивающимися частями и присоединиться къ высланному ихъ начальнику. Люди, *посланные изъ дозора съ донесеніемъ*, не выжидаютъ остановки отряда, а присоединяются къ ядру своего дозора немедленно по выполненіи своего порученія.

7) **Видоизмѣненіе дозоровъ въ ночное время.** Основное правило для дозоровъ ночью то, что они должны быть обязательно *тише* и, кромѣ того, составъ людей долженъ быть особенно

надежный. Сила дозоровъ ночью, въ общемъ, должна быть увеличена. Такъ, дозоръ въ отдѣленіе будетъ нерѣдка: съ одной стороны дозорная линія будетъ гуще, а съ другой большее число людей понадобится для связи дозора съ прикрываемыми имъ частями.

Строй дозора будетъ состоять изъ двухъ линій: первую линію составитъ цѣпь дозорныхъ въ среднемъ на разстояніи 20—50 шаговъ другъ отъ друга, а во второй линіи почти въ такомъ же разстояніи отъ дозорныхъ и гдѣ-нибудь за серединой или однимъ изъ фланговъ своего участка — начальники дозоровъ и рядомъ ихъ помощники.

Ружья ночью слѣдуетъ имѣть не заряженными, а нести ихъ обязательно въ рукахъ.

Общія обязанности чиновъ дозора, дѣятельность его и организація донесеній остаются тѣ же и ночью, но только слѣдуетъ помнить, что чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ все болѣе и болѣе приходится прибѣгать къ помощи уха: если въ свѣтлыя ночи еще возможно нести свои обязанности, полагаясь на глаза, то въ очень темныя ночи, когда почти ничего не видно, только слухомъ и можно восполнить недостатокъ зрѣнія. Но для того, чтобы ухомъ можно было различать необходимые звуки, придется отъ поры до поры пріостанавливаться, а иногда и пригибаться къ землѣ: а) для выслѣживанія противника и б) для поддержанія необходимой связи со своими сосѣдями и со своимъ начальникомъ дозора. Такую ориентировку своего положенія слѣдуетъ дѣлать никакъ не рѣже, чѣмъ черезъ 50—150 шаговъ, что будетъ зависѣть отъ большей или меньшей темноты ночи.

Въ случаѣ потери связи со своими дозорными частями, людямъ въ дозорѣ не слѣдуетъ бросаться изъ стороны въ сторону, а надо лечь на землю, въ крайнемъ случаѣ приложить ухо къ ней и на слухъ опредѣлить, гдѣ двигаются свои болѣе сомкнутыя части, какъ, на примѣръ, ядра дозоровъ или даже ротныя и др. походныя колонны.

Со своей стороны начальникъ дозора долженъ принимать всѣ зависящія отъ него мѣры для повѣрки людей своей дозорной линіи, для чего ему надо обязательно пользоваться возможными останковками всего походнаго движенія, какъ, на примѣръ, въ концѣ каждаго часа движенія на 10 минутъ, когда надо постараться обойти всю дозорную линію и провѣрить расположеніе на ней людей.

На остановкахъ походнаго движенія дозорамъ слѣдуетъ не оставаться стоять, а ложиться для того, чтобы лучше самимъ видѣть или слышать, что будетъ дѣлаться впереди, а въ то же время самимъ быть менѣе видимыми.

Всѣ условные знаки, подаваемые начальникомъ дозора, немедленно же передавать другъ другу, а также немедленно ихъ и исполнять. Связь дозора съ высланнымъ его начальникомъ должна поддерживаться черезъ цѣпочку, высылаемую изъ состава дозора.

Основы *службы дозоровъ при встрѣчѣ съ противникомъ* остаются тѣ же, что и днемъ. Въ частности же, при встрѣчѣ съ коннымъ или пѣшимъ противникомъ, дозорнымъ слѣдуетъ, подавъ условный знакъ тревоги, лечь на землю, выждать приближеніе противника и броситься на него въ штыки въ одиночку или совмѣстно съ подошедшимъ или подползшимъ сюда ядромъ дозора.

Начальникъ дозора, по выясненіи обстановки (насколько это окажется возможнымъ), посылаетъ на заставу донесеніе, а самъ подаетъ знакъ для движенія впередъ для того, чтобы, по возможности, отгнать, захватить или переколоть противника, если онъ слабѣе дозора, или точнѣе выяснить его расположеніе и силы, когда онъ сильнѣе дозора.

Все это надо дѣлать съ такимъ расчетомъ, чтобы при приближеніи къ дозорной линіи походной заставы или иной сомкнутой части можно было начальнику ея дать возможно болѣе точныя свѣдѣнія и затѣмъ, совмѣстно съ ней, тѣмъ или инымъ путемъ отбросить противника и открыть путь для дальнѣйшаго движенія всего отряда.

Если дозоры наткнутся неожиданно на засаду или какую либо значительную часть противника, то не слѣдуетъ продвигаться впередъ съ той линіи, на которой этотъ противникъ былъ замѣченъ. Линія дозорныхъ быстро ложится, подавая, конечно, сигналъ тревоги, и начинаетъ болѣе подробную развѣдку противника. Въ это время ядра дозоровъ сближаются съ ней и приступаютъ къ той же совмѣстной съ дозорными задачѣ.

Въ походную заставу или главныя силы начальникомъ дозора немедленно же посылается соответствующее донесеніе, лучше черезъ его помощника, который въ то же время будетъ, въ случаѣ надобности, и проводникомъ.

Если по ходу дѣйствій наступающія главныя силы отряда приблизятся къ какому-нибудь участку дозорной линіи, послѣдняя при-

соединяется здѣсь къ передовымъ цѣпямъ; всѣ эти люди дозоровъ служатъ для правильнаго направленія соотвѣтственныхъ наступающихъ участковъ своихъ цѣпей или колоннъ.

Внутренняя связь дозора съ высланнымъ его начальникомъ и сосѣдями остается та же, что и днемъ. Внѣшняя же достигается главнымъ образомъ: а) черезъ назначенныхъ людей и б) оптическими условными знаками.

Люди, назначенные для поддержанія указанной связи, большей частью составляютъ цѣпочку отъ ядра cadaго дозора до соотвѣтственнаго начальника, располагаясь парами, пара отъ пары въ предѣлахъ видимости, что составитъ около 20—50 шаговъ въ зависимости отъ темноты ночи. Для оптическихъ условныхъ знаковъ исполнѣ пригодны только карманные электрическіе фонарики, такъ какъ всякіе другіе, требующіе зажиганія ихъ для подачи сигналовъ или все время зажженные, могутъ легко обнаружить противнику присутствіе нашихъ войскъ. Если у cadaго начальника дозора будетъ по такому исправному фонарю, то значительно упростится связь ихъ назадъ съ тѣми частями, которыя они должны охранять.

Придется только установить 2 новыхъ знака: 1) одинъ *продолжительный свѣтъ* фонаря—до 20 счетовъ въ размѣръ шага, и 2) *прерывчатый свѣтъ*—открыть свѣтъ на 2 счета (тоже въ размѣръ шага), потомъ закрыть на 2 счета и такъ до 10—15 разъ.

Въ обоихъ случаяхъ надо обращать свѣтъ исключительно назадъ и, главнымъ образомъ, въ ту сторону, гдѣ предполагается мѣсто того начальника, съ которымъ дозоръ долженъ поддерживать связь.

Для того, чтобы сбоку не было отблесковъ, слѣдуетъ скрыть фонарикъ въ складкахъ одежды (напр., между полами шинели) и тогда подавать сигналы. При такой организаціи связи, она будетъ все время поддерживаться исключительно спереди назадъ.

Такъ, въ походѣ слѣдуетъ черезъ каждыя 5—10 минутъ открывать *продолжительный свѣтъ* фонаря. При приближеніи къ противнику это надо дѣлать чаще (напр., черезъ 5 минутъ). Въ случаѣ встрѣчи какой-нибудь преграды при движеніи дозоровъ и отряда, сейчасъ же за линіей этой преграды необходимо подобнымъ же способомъ, возможно скорѣе, возстановить связь.

При встрѣчѣ съ противникомъ начальникомъ соотвѣтствующаго дозора показывается прерывчатый свѣтъ.

Съ другой стороны, сзади слѣдующему начальнику никоимъ образомъ нельзя сноситься съ впереди идущими дозорными свѣтовыми сигналами, такъ какъ они будутъ видны противнику и могутъ заранѣе возбудить его вниманіе. Однако, начальнику легко поддерживать связь со своими дозорами посылкой людей со своими распоряженіями или черезъ соотвѣтствующую связь цѣпочкой или даже посылая ихъ прямо на показанный или показываемый дозорами свѣтъ.

Теперь остается только показать тотъ способъ нагляднаго обученія, при которомъ всѣ свѣдѣнія, помѣщенные въ настоящемъ изслѣдованіи, наиболѣе прочно, скоро и легко могутъ быть усвоены если и не всѣмъ составомъ какой-нибудь части, то значительной ея частью.

Прежде чѣмъ выходить въ поле, необходимо познакомить нижнихъ чиновъ ротъ, эскадроновъ и командъ въ казармѣ со службой дозоровъ, причемъ, если не удастся пройти настоящую инструкцію цѣликомъ, то, въ крайнемъ случаѣ, можно ограничиться первой половиной ея—до частныхъ видовъ дозоровъ.

Особенно трудно усваиваются, но ими больше всего и слѣдуетъ заняться, отдѣлы «Организація дозоровъ» и «Организація донесеній».

Отдѣлы же «Дѣятельность дозоровъ» и «Встрѣча съ противникомъ» могутъ быть пройдены болѣе схематически съ тѣмъ, что при первыхъ же выходахъ въ поле всѣ помѣщенные въ нихъ свѣдѣнія будутъ усвоены чисто практическимъ путемъ.

Особенно обстоятельно вся служба дозоровъ должна быть пройдена и теоретически и практически всѣми унтеръ-офицерами полка на унтеръ-офицерскихъ занятіяхъ баталіонныхъ командировъ, а будущими унтеръ-офицерами—въ полковыхъ учебныхъ командахъ.

Самыя ученія въ полѣ должны вестись въ слѣдующей послѣдовательности.

1-е ученіе—*только научить дозоры внимательно и умѣло проходить известное разстояніе (версты 2—3 отъ дому и столько же назадъ).*

Для этого слѣдуетъ составить задачу въ самомъ простомъ видѣ, напр., «противникъ тамъ-то, рота пойдетъ въ средней походной заставѣ по такой-то дорогѣ или по такому-то направленію. Учиться

будетъ средній дозоръ». Затѣмъ вызвать человѣкъ 5—10 наиболѣе расторопныхъ и смѣтливыхъ людей и, отведя ихъ въ сторону, въ полъ-голоса приказать имъ пройти въ указанномъ выше направленіи 1—1½ версты и гдѣ-нибудь спрятаться, причемъ способъ предоставить имъ самимъ. У нихъ должны быть непременно холостые патроны.

Поставить имъ условіе, что если ихъ не замѣтятъ, то они должны пропустить дозорныхъ и ядро дозора, а когда послѣднее пройдетъ шаговъ на 50—100 за нихъ, они должны ему въ спину выстрѣлить.

Когда эти люди уйдутъ, оставшимся нижнимъ чинамъ указать, для чего они посланы, затѣмъ отобрать партію 8—10 человѣкъ и назначить начальника этого дозора. Прочіе чины роты должны держаться за обучающимъ, которому въ свою очередь лучше всего идти сзади ядра дозора шагахъ въ 50-ти и все время вести бесѣду съ людьми роты, обсуждая дѣйствія дозора.

Вообще, все занятіе должно преслѣдовать ту цѣль, чтобы на 8—10 дозорныхъ велось бы обученіе 40—50 остальныхъ людей роты. Распредѣленіе людей въ дозорѣ дѣлаетъ здѣсь же самъ назначенный начальникъ его. Потомъ дозоръ двигается впередъ.

Если дозоръ попадется и пропуститъ одного—другого изъ раньше посланныхъ, это будетъ наиболѣе яркимъ примѣромъ неумѣнія или, можетъ быть, и небрежной службы того дозорнаго, который здѣсь проходилъ, для чего слѣдуетъ самому подать условный знакъ изъ строевого устава—кружить надъ головой рукой или фуражкой и затѣмъ указать знакъ «бѣгомъ». Затѣмъ сдѣлать подробный разборъ дѣйствій всѣхъ чиновъ дозора, подчеркивая всѣ выдающіеся въ хорошую и дурную стороны случаи и, попутно, указывая какъ слѣдовало бы это сдѣлать.

2-е, 3-е и всѣ дальнѣйшія ученія надо организовать точно также, но постепенно вводя все новые элементы въ него; такъ, выбрать мѣстность *перестѣченную, закрытую, пройти* черезъ того или другого рода *дефиле, осмотрѣть участокъ лѣса, деревни и другіе мѣстныя предметы.*

Во время ученія, пользуясь тѣмъ, что будетъ встрѣчаться на мѣстности впереди, напр., стадо, одна или нѣсколько крестьянскихъ повозокъ, идущіе поселяне и т. п., практиковать дозоры въ донесеніяхъ, для чего приказать кому-нибудь изъ состава людей роты, идущихъ съ обучающимъ (лучше съ унтеръ-

офицеромъ), быстро пробѣжать къ такому-то дозорному и сказать ему, что онъ видитъ вмѣсто этого стада соотвѣтственную колонну конницы противника, вмѣсто повозокъ—обозъ противника, вмѣсто пѣшихъ поселянъ—одиночнаго или цѣлую группу пѣшаго противника.

Еще заранѣе донесенія слѣдуетъ приказать присылать къ себѣ.

Тогда самый докладъ будетъ дѣлаться гласно. Не указывая ошибокъ въ донесеніи, опросить нѣсколькихъ человекъ изъ оставшейся группы, какъ бы они сдѣлали на мѣстѣ присланнаго съ донесеніемъ.

Въ концѣ обязательно надо указать, въ какомъ именно окончательномъ видѣ донесеніе должно было бы быть передано, и заставить это сдѣлать того нижняго чина, который былъ присланъ изъ дозора.

Только послѣ того, какъ будетъ вполне твердо усвоено движеніе дозоровъ на самой разнообразной мѣстности и при различномъ ихъ расположеніи въ ряду другихъ дозоровъ (т. е. не только среднимъ, но и правымъ и лѣвымъ), только тогда можно вести такія дозорныя прогулки противъ обозначеннаго противника, высылая для этого навстрѣчу одинъ разъ—такой же или чуть слабѣе дозоръ, затѣмъ—человѣкъ 15-ть, изображающихъ партію неприятельскихъ развѣдчиковъ, группу конныхъ ординарцевъ, яко бы развѣздъ противника и т. п.

Вѣнцомъ такого одиночнаго обученія людей будетъ: а) организациа походнаго движенія цѣлой роты (преимущественно боевого состава), разбитой на походныя заставы среднюю, правую и лѣвую, высланныя отъ головнаго отряда, голову походной колонны котораго слѣдуетъ обозначить хотя бы однимъ человекъ съ флагомъ. При этомъ слѣдуетъ выслать впередъ спрятаться человекъ 10-ть для повѣрки умѣнія и вниманія дозоровъ въ пути, какъ это организуется для перваго ученія дозорной службы, и б) организациа такого же походнаго движенія, но уже съ двухъ сторонъ навстрѣчу другъ другу и доводя столкновеніе до развертыванія и вступленія въ бой походныхъ заставъ.

Для лучшей повѣрки дѣйствій дозоровъ, въ ученьяхъ послѣднихъ двухъ типовъ слѣдуетъ придавать къ каждому дозору по офицеру-посреднику.

Въ концѣ каждаго ученія обязательно дѣлать гласный разборъ его, производя очную ставку тѣхъ людей, которые принимали участіе въ томъ или иномъ положительномъ или отрицательномъ дѣйствіи дозора.

Чтобы закончить вопросъ о дозорной службѣ, остается сказать нѣсколько словъ о времени, которое можно и слѣдуетъ удѣлять для этого отдѣла.

Казалось бы, что къ лѣту дозорная служба должна быть вполнѣ основательно пройдена лишь старослужащими, а съ молодыми солдатами не стоитъ торопиться, такъ какъ имъ и безъ того слишкомъ много дѣла для выполненія своей программы первоначальнаго обученія. Съ этой категоріей нижнихъ чиновъ можно было бы пройти дозорную службу въ теченіе лѣта и, къ уходу очередного срока службы въ запасъ, что теперь, вѣроятно, будетъ происходить въ началѣ ноября, всѣ нижніе чины въ ротѣ могли бы быть основательно обучены дозорной службѣ.

Что касается старослужащихъ, то даже при наибольшемъ возможномъ количествѣ нарядовъ на службу въ полку, когда не менѣе одного, а то и двухъ баталіоновъ старослужащихъ ежедневно въ нарядѣ, представляется возможнымъ, хоть разъ въ мѣсяцъ, назначить часа два на теоретическія занятія въ казармѣ дозорной службою, преимущественно, конечно, тогда, когда по расписанію указаны занятія полевымъ уставомъ. Въ это время слѣдуетъ только возобновлять свѣдѣнія у большинства, какъ у мало еще забывшихъ дозорную службу съ лѣта, и настойчиво обучать тѣхъ старослужащихъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ не проходили этого обученія въ теченіе предыдущаго періода. Повседневный опытъ говорить, что такихъ людей набирается не мало.

Что касается пракческаго обученія дозорной службѣ на мѣстности, то для этого можно использовать и дни нарядовъ, когда: а) вся безъ остатка рота не идетъ въ караулъ и б) если и идетъ вся, то не всѣ люди попадаютъ въ суточный нарядъ; много нижнихъ чиновъ, а тѣмъ болѣе зимой, будутъ назначены на ночные посты и до сумерекъ у нихъ остается время свободнымъ.

Здѣсь-то кажется и можно было бы воспользоваться такими до нѣкоторой степени свободными людьми и, подбирая ихъ небольшими группами человекъ въ 6—10, отправлять съ офицеромъ, а то и съ подпрапорщикомъ въ поле, пройти одною изъ вышеописанныхъ дозорныхъ прогулокъ верстъ около 3—5. Тогда, при извѣстномъ вниманіи къ этому вопросу, легко можно въ теченіе всего зимняго періода такимъ способомъ одиночной подготовки людей пройти со всѣми безъ исключенія старослужащими весь этотъ важный отдѣлъ боевой службы войскъ.

Появится, попутно, большее знакомство съ полемъ, исподволь, нѣтъ-нѣтъ, да къ практическому обученію дозорной службѣ пристегнутся и элементы практическаго же обученія обязанностямъ одиночнаго стрѣлка, а, въ концѣ концовъ, это не можетъ не отозваться благотворно и на всей боевой подготовкѣ солдата.

С. Тернаѣскій.

ЧЕГО МЫ ХОТИМЪ ОТЪ ПОДПРАПОРЩИКОВЪ.

На страницахъ «Русскаго Инвалида» г-мъ А. Бартевымъ помѣщены двѣ статьи и г-мъ «Старымъ Стрѣлкомъ» — одна статья, посвященная вопросу недостаточности настоящей подготовки подпрапорщиковъ. Эти три статьи производятъ впечатлѣніе, что авторы сказали совсѣмъ не то, что хотѣли сказать и что нужно было сказать. Несправедливая же оцѣнка службы сверхсрочныхъ — вызываетъ удивленіе.

Избѣгая полемики, я постараюсь не оппонировать авторамъ, а просто высказать свое убѣжденіе, основанное на болѣе, чѣмъ двадцатилѣтнихъ наблюденіяхъ за ближайшими, лучшими, необходимѣйшими помощниками офицеровъ — сверхсрочными. За это время я привыкъ уважать сверхсрочныхъ болѣе, чѣмъ любой «институтъ» или корпорацію. Мнѣ казалось, что и всѣ, находящіеся въ строю, офицеры относятся съ такимъ же къ нимъ уваженіемъ. А потому стало какъ-то больно за выраженія, будто «подпрапорщика, какъ человѣка простого происхожденія, можно прельстить только рублемъ» и преимуществами, будто они только «хлопотуны и ходатаи» по устройству своего собственнаго благополучія, будто отъ нихъ нельзя требовать радѣнія объ интересахъ военнаго дѣла; послѣднее будто только — дѣло офицеровъ.

Прежде всего всякій, кто только глубже всматривался въ психологію военной жизни, не могъ не замѣтить, что, главнымъ образомъ, фельдфебель, а за нимъ уже сверхсрочные — точная копія или точное отраженіе своихъ командировъ: какой бы ни былъ первый

командиръ, его фельдфебель становится преданнѣйшимъ его исполнителемъ, проводникомъ его взглядовъ, рабомъ, другомъ до такой степени, что въ случаѣ переменъ командира, даже въ лучшую сторону, старый фельдфебель не можетъ примириться съ новыми идеями, новыми порядками, и самыя незаконнѣйшія требованія новаго командира, но противорѣчащія старымъ порядкамъ, огорчаютъ стараго служаку, какъ оскорбляющія его прежній идеаль (исполнить онъ все исполнить, но ему трудно привыкнуть къ новымъ взглядамъ).

Отсюда три вывода: 1) что командиръ посѣтъ въ своихъ сверхсрочныхъ, то и пожнетъ... 2) сверхсрочные— преданнѣйшіе, а потому безкорыстные, друзья-помощники своихъ командировъ-офицеровъ и 3) какъ относятся къ интересамъ военнаго дѣла командиры-офицеры, такъ же будутъ относиться къ этимъ интересамъ и сверхсрочные.

Напротивъ, взглядъ въ прошлое говоритъ, что радѣніе объ интересахъ военнаго дѣла, забота объ успѣхѣ его, лежали почти исключительно на этихъ, якобы прельщенныхъ только рублемъ и преимуществами, сверхсрочныхъ. Кому это неизвѣстно? Только теперь начинаютъ говорить о томъ, что долгъ для офицеровъ преимущественнѣ всего; но и теперь у насъ даже въ печати раздаются со всѣхъ сторонъ жалобы, что такихъ-то обидѣли формой, такихъ то принизили, тѣмъ даютъ мало жалованья. тѣмъ не хватаетъ на обученіе дѣтей, тѣмъ не хватаетъ на театры и вообще на культурную жизнь, тѣхъ обходятъ чиномъ, тѣмъ мало будетъ пенсіи при отставкѣ... Похожи ли всѣ эти «пожеланія» на исключительную любовь къ военному дѣлу? Не прельщаются ли рублемъ, красивой формой, карьерой, будущею знатностью, славой и т. п. личными расчетами «не хлопотуны и не ходатаи», люди «не простого происхожденія»? Наконецъ, чѣмъ объясняли бѣгство офицеровъ изъ арміи?... Такое бѣгство несомнѣннѣ съ безкорыстною любовью къ военной службѣ и «службой не изъ-за выгодъ».

Я надѣюсь на свѣтлое будущее для нашей арміи, надѣюсь и у насъ среди офицеровъ долгъ станетъ впереди карьеры, но пока, въ видахъ справедливости, не могу не сказать, что сверхсрочные несравненно меньше оказываются ходатаями и хлопотунами по устройству собственнаго благополучія, нежели мы сами, за немногими исключеніями, заботящіеся прежде всего о своей карьерѣ, а не о военномъ дѣлѣ. Послѣднее дѣлается какъ бы попутно. Въ самомъ дѣлѣ, кто не разсмѣялся бы надъ тѣмъ наивнымъ простакомъ, который бы заявилъ, что наши офицеры идутъ въ академію

не для своей карьеры, а... изъ «радѣнія объ интересахъ военнаго дѣла»!

Надо подумать и о томъ, что дается впереди офицерамъ и что сверхсрочнымъ... Я зналъ и знаю многихъ сверхсрочныхъ, которые такъ увлекались строевымъ дѣломъ (вполнѣ безкорыстно), что не сманивались на болѣе выгодныя службы. Но почти не знаю примѣра, чтобы офицеръ остался на военной службѣ, разъ предлагалось лучше оплачиваемое мѣсто, тѣмъ болѣе съ болѣе солиднымъ положеніемъ.

Такимъ образомъ, сверхсрочный просить, хлопочетъ, ходатайствуетъ... тоже въ подражаніе намъ, но сверхсрочный идетъ на то, что ему даютъ. Мы же все время плачемъ, что наша служба мало оцѣнивается. Я знаю много примѣровъ, да и кто ихъ не знаетъ, именно любви къ военному дѣлу со стороны сверхсрочныхъ, такой любви, что внѣ военной службы они не знаютъ жизни. Много примѣровъ безкорыстныхъ служакъ.

Къ сожалѣнію, нынѣ установленъ порядокъ, заставляющій подпрапорщиковъ, сверхсрочныхъ, думать о томъ, гдѣ и какъ имъ жить, когда ихъ черезъ 15 лѣтъ попросятъ больше не беспокоить докладными записками объ оставленіи на сверхсрочной службѣ еще на годъ, хотя и предоставятъ служить въ разныхъ другихъ вѣдомствахъ, въ которыхъ, вѣроятно, не требуется безкорыстія, пылкой, молодой любви къ дѣлу, а потому тамъ можетъ служить и не любящій этого дѣла, оставившій сердце на военной службѣ. Вотъ объ этомъ ненормальномъ порядкѣ выбрасыванія черезъ 15 лѣтъ службы людей, уже привязавшихся къ военной службѣ, опытныхъ, знающихъ, обыкновенно достойнѣйшихъ, и слѣдовало бы возбудить вопросъ, а вовсе не о томъ, что подпрапорщики негодны потому, что на экзаменѣ, не имѣя «свѣтлой памяти», не удержали въ ней кой-какихъ свѣдѣній по географіи или исторіи...

Нѣтъ, не въ программномъ курсѣ общеобразовательныхъ предметовъ лежитъ центръ вопроса подготовки помощниковъ для офицеровъ—подпрапорщиковъ. Чтобы опредѣлить этотъ центръ, надо отвѣтить на вопросы: какая цѣль учрежденія «института подпрапорщиковъ», какой дѣятельности мы ожидаемъ отъ подпрапорщиковъ, вообще—чего мы хотимъ отъ подпрапорщиковъ?

Отвѣты на эти вопросы выяснили бы сразу всю, положительно, смѣшную сторону несоотвѣтствія курса, проходимаго въ школахъ подпрапорщиковъ, и тѣхъ требованій, которыя мы къ нимъ предъявляемъ. Эти же отвѣты дадутъ возможность оцѣнить полную несостоятельность и даже ненормальность существующаго положенія

подпрапорщиковъ и вообще сверхсрочныхъ, и позволять напротивъ, придти къ убѣжденію, что если это положеніе продолжится, то цѣнность сверхсрочныхъ будетъ все болѣе и болѣе понижаться и вотъ почему: человекъ не можетъ полюбить дѣло на годъ или даже на пятнадцать лѣтъ; полюбить онъ можетъ дѣло только на всю жизнь; а на годъ, или на какъ бы контрактный срокъ—15 лѣтъ, онъ можетъ только наниматься. Если же ему говорятъ, что черезъ пятнадцать лѣтъ ты будешь къ привычному, тѣмъ болѣе любимому дѣлу, совершенно неспособенъ и тебя волей-неволей отъ этого дѣла навсегда отрѣшати, хотя и предоставятъ еще болѣе прибыльные дѣла, то всякій невольно призадумается надъ тѣмъ, не лучше ли подготовиться заранѣе къ новому дѣлу, а не то и уйти заранѣе, смолоду, когда успѣть можно больше и силъ больше, семьей не связанъ. Подумаетъ невольно о томъ, что не стоитъ отдаваться всей душой, чтобы не истощить всѣхъ силъ теперь.

Читатель, увлеклись ли бы вы такой службой, гдѣ васъ принимаютъ ежегодно, на годъ, въ полной зависимости отъ прихоти мѣняющагося начальства, и съ обязательствомъ для васъ черезъ пятнадцать лѣтъ, т. е. къ сорока годамъ сдѣлаться неспособнымъ нести привычную службу и искать другой, хотя и любезно вамъ предоставляемой?

Установленіе для подпрапорщиковъ продолжительности службы въ 15 лѣтъ имѣетъ, по моему, несравненно болѣе плохихъ сторонъ, чѣмъ хорошихъ. Я, лично, вижу въ этомъ только одну сомнительно хорошую сторону, это: возможность для подпрапорщиковъ въ первые годы лично продѣлывать машинную гимнастику... Насколько важно это преимущество молодыхъ подпрапорщиковъ передъ нашими традиціонными, такъ высоко еще недавно чествуемыми стариками-фельдфебелями,—предоставляю судить читателю, знавшему этихъ стариковъ въ мирное и военное время. Со своей же стороны, позволю себѣ твердо заявить, что никогда молодой подпрапорщикъ не превзойдетъ старика въ знаніи службы, въ споровкахъ и лучшихъ способахъ исполнить предначертанія своего командира, въ авторитетности по всѣмъ вопросамъ исполненія для чиновъ своей части..., не говоря про драгоценность опыта и установившагося воинскаго духа.

Я, лично, недоумѣваю, почему въ древнее время рыцари могли быть стариками, не говоря про обыкновенныхъ воиновъ? Почему въ прежнее время мы особенно цѣнили старыхъ, сѣдыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, а теперь не допускаютъ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ посвятить всю свою жизнь военному

дѣлу? Развѣ въ то время, когда служили на дѣйствительной службѣ 25 лѣтъ, войска служили хуже или любили менѣе, чѣмъ теперь, военную службу? Слышались ли когда жалобы на стариковъ-фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ сверхсрочныхъ?...

Читатели! интересуясь своими вѣрнѣйшими и преданнѣйшими помощниками въ исполненіи военной службы, вы не могли не замѣтить украдкой смахиваемыхъ слезъ стараго служаки-сверхсрочнаго, вынужденнаго проститься навсегда съ тою жизнью, съ тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ успѣлъ привязаться всей душой.

Я видѣлъ такія слезы не разъ даже у нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ, ушедшихъ въ запасъ, въ виду полученія прибыльной службы, и случайно наткнувшихся на свою часть или даже другую часть, но того рода войскъ, въ какомъ онъ служилъ. Такъ не «рубль только прельщаетъ» сверхсрочнаго, какъ полагаетъ г-нъ А. Бартевѣвъ, взявшій въ основу своихъ сужденій недостаточное знаніе экзаменуемыми подпрапорщиками грамматики, географіи и исторіи. Не имѣеть значенія мѣсто подготовки подпрапорщиковъ, т. е. будутъ ли готовиться при своихъ частяхъ или въ центральныхъ учрежденіяхъ. Мало имѣеть значенія и максимумъ или минимумъ программного курса теоріи въ школѣ подпрапорщиковъ.

Для того, чтобы подготовить себѣ хорошихъ подпрапорщиковъ, надо только сумѣть вложить въ сверхсрочныхъ зародышъ самовоспитанія и затѣмъ зародышъ самообразованія. Но для этого прежде всего надо измѣнить наше обычное къ нимъ отношеніе...

Пока офицеры очень далеки отъ подпрапорщиковъ.

Надо приблизить подпрапорщиковъ къ себѣ, чтобы дать имъ возможность хотя безсознательно, въ силу врожденнаго инстинктивнаго желанія подражать начальнику, быть похожими на офицеровъ,—перенять офицерскую культурность, благовоспитанность, нравственность, даже тѣ знанія, которыя могутъ быть получены отъ разговоровъ съ болѣе развитыми людьми (нынѣшніе сверхсрочные—не глупѣе, вѣдь, маленькихъ дѣтей; но дѣтей мы стараемся ознакомить со всѣмъ, чѣмъ только можно; такъ же надо дѣлать и со сверхсрочными). А для этого прежде всего надо на военной службѣ забыть про «простое происхожденіе» (развѣ мало славныхъ офицеровъ было простого происхожденія), забыть безповоротно про оставшееся отъ крѣпостнаго права понятіе, что офицеръ—баринъ, а нижній чинъ, хотя бы подпрапорщикъ,—крѣпостной. Въ этомъ направленіи мы никакъ не можемъ сдвинуться и сдѣлать первые шаги. До сихъ поръ насъ очень шокируетъ, если командиръ подаетъ руку своему фельдфебелю (какъ это дѣлается

заграницей), но насъ писколько не шокируетъ, если тотъ же командиръ подаетъ руку любому изъ простонародья, мелкому лавочнику, приказчику магазина, туземцу-инородцу...

Надъ такимъ отношеніемъ какъ бы барина-офицера къ нижнему чину-крѣпостному необходимо призадуматься для будущей арміи. Это отжило; на войнѣ—этого нѣтъ; не надо же офицеру сторониться нижняго чина и въ мирное время. Правда, самъ законъ по формѣ оберегаетъ эту преграду между офицеромъ и нижнимъ чиномъ, запрещая совмѣстную ѣзду въ вагонахъ, непосредственныя распоряженія надъ нетрезвыми и пр., но только по формѣ; духъ устава, на примѣръ, внутренней службы—другой; иначе и быть не можетъ, такъ какъ офицеры не могли бы узнать внутренній міръ нижняго чина, его воззрѣнія, симпатіи, отношеніе къ долгу... Офицеру нужно знать не комическую только, для анекдотовъ, сторону солдатской жизни, не только ея показную, формальную жизнь, а именно—его внутреннюю жизнь, хотя бы ради того, чтобы сумѣть дать правильный отпоръ антимилицаризаціонной агитаціи тѣхъ внѣшнихъ элементовъ, которые имѣли возможность стать близко къ народу и сѣяли пропаганду, основываясь на этомъ знакомствѣ съ простолюдиномъ.

До сихъ поръ для офицеровъ, отъ которыхъ скрыта была внутренняя сторона солдатской жизни (офицеръ можетъ сидѣть хоть цѣлые дни въ казармѣ, но сможетъ высмотрѣть только внѣшнія проявленія жизни солдата, а не внутреннія), переводчиками этой внутренней стороны солдатской жизни являлись сверхсрочнослужащіе. Вотъ это и есть естественное назначеніе сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ: быть переводчикомъ въ сношеніяхъ между офицерами и нижними чинами, и передатчиками, и непосредственнымъ орудіемъ исполненія предначертаній и распоряженій начальника-офицера. Вѣдь въ этомъ отношеніи, да и во всѣхъ отношеніяхъ, до сихъ поръ служба сверхсрочныхъ была безукоризненна (Конечно, въ семьѣ не безъ уroda, но нельзя исключеніемъ характеризовать всю массу). Теперь вдругъ оказался насущный вопросъ въ подготовкѣ подпрапорщиковъ!

И правда, вопросъ есть, но только не въ неудовлетворительности этой подготовки по программному курсу школы подпрапорщиковъ, а въ ненормальности ихъ положенія и въ томъ, что мы хотимъ только обучить, а надо и воспитать.

А. Дмитревскій.

Депо офицерскихъ верховыхъ лошадей.

Въ Кіевѣ, этомъ центрѣ высоко-культурнаго производства верховыхъ лошадей, зародилась счастливая мысль соединить въ одномъ обществѣ и коннозаводчиковъ, производящихъ верховую лошадь, и офицеровъ, нуждающихся въ этой лошади, для взаимной помощи въ дѣлѣ продажи и покупки ея. Московская конская выставка во-очію доказала, что у насъ въ Россіи имѣется множество конскихъ заводовъ, производящихъ верховыхъ лошадей и высокихъ кровей и высокихъ служебныхъ качествъ, а, между тѣмъ, какъ трудно офицеру купить хорошую лошадь и какія безконечныя мытарства испытываетъ молодой офицеръ въ поискахъ сколько-нибудь подходящей лошади, и при этомъ дѣло часто совсѣмъ не въ деньгахъ, а въ совершенной невозможности найти лошадь! Съ заводовъ лошади куда-то исчезаютъ, да если онѣ тамъ и есть, то никому объ этомъ не извѣстно; постоянныхъ же выставокъ или рынковъ верховыхъ лошадей у насъ нѣтъ, и вотъ офицерство ѣздитъ «по слухамъ» искать лошадь изъ Москвы въ Варшаву, а изъ Варшавы въ Москву, встрѣчая и тутъ и тамъ не предложеніе, а все тотъ же неудовлетворенный спросъ. Къ стыду нашему, легче купить выводную иностранную лошадь, чѣмъ русскую, ибо выводную лошадь черезъ двѣ—три извѣстныхъ конторы барышниковъ всегда можно выписать изъ за-

границы, даже болѣе или менѣе опредѣленнаго типа. Однако, если присмотрѣться къ тому матеріалу, на которомъ служить нашъ кавалерійскій офицеръ, то окажется, что все-таки онъ въ огромномъ большинствѣ сидитъ на нашей русской полукровной лошади разныхъ заводовъ. Очевидно, что лошадь доходитъ до офицера не прямо съ завода, а какими-то окольными путями черезъ цѣлый рядъ посредниковъ, несомнѣнно, живущихъ и за счетъ офицера и за счетъ коннозаводчика. Вотъ эти-то окольные пути, этихъ посредниковъ, новое общество и желаетъ устранить и сблизить между собою непосредственно и производителя и потребителя верховой лошади; этотъ починъ въ дѣлѣ сближенія офицера и коннозаводчика можно только горячо привѣтствовать и слѣдуетъ ему всемѣрно содѣйствовать.

Общество находится въ періодѣ организаци и сейчасъ, при помощи разосланныхъ въ полки анкетныхъ листовъ, организационный комитетъ собираетъ статистическія данныя, которыя помогли бы обществу обосноваться въ своихъ начинаніяхъ на прочной взаимной выгодѣ продавца и покупателя. Можно быть увѣреннымъ, что комитетъ вскорѣ получитъ обширный и точный матеріалъ для разработки устава общества, но въ общихъ чертахъ можно и сейчасъ дать вполнѣ опредѣленные отвѣты по всѣмъ вопросамъ анкетныхъ листовъ; вотъ я и попробую разобраться и въ вопросахъ, и въ предположеніяхъ возникающаго общества.

Судя по бланку организационнаго комитета, новое общество присваиваетъ себѣ названіе «*Военно-спортивное общество пріобрѣтенія (и) страхованія (лошадей) и развитія конскаго спорта*»¹⁾. Это названіе не вяжется съ тою главною цѣлью, которую совершенно правильно ставить себѣ общество: «*учрежденіе депо офицерскихъ верховыхъ лошадей высококровныхъ и чистокровныхъ, здоровыхъ, вполне годныхъ подъ офицерское седло, и ни въ какомъ случаѣ не отбросовъ скаковыхъ ипподромовъ*». Правда, что общество мечтаетъ развивать спортъ среди офицеровъ путемъ устройства скачекъ, пробѣговъ и конкурсовъ, но тутъ частное общество, во-первыхъ, вдается въ официальную сферу дѣятельности самой конницы, а во-вторыхъ, беретъ на себя устройство такихъ предприятий, кои безъ тотализатора вездѣ и всюду были убыточны. Хорошая лошадь подъ молодымъ офицеромъ сама по себѣ приведетъ его къ спорту и, если общество выполнитъ трудную задачу улуч-

¹⁾ На бланкѣ комитета напечатано: «*Военно-спортивное общество пріобрѣтенія и страхованія и развитія конскаго спорта*», но очевидно, что это названіе должно быть исправлено.

шить офицерскую лошадь до полной чистокровности, то и безъ имени «спортивнаго» оно послужитъ дѣлу развитія спорта. Ставить же во главѣ дѣла спортивные интересы значить идти на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности противъ господствующаго, въ средѣ нашей конницы, неблагопріятнаго для спорта теченія и этимъ безъ всякой надобности портить начинающееся дѣло. Такъ какъ въ общество войдутъ не одни пріобрѣтающіе, но также и продающіе лошадь, то правильнѣе было бы назвать его «Обществомъ купли и продажи лошадей», что ничуть не связываетъ ему рукъ ни въ дѣлѣ страхованія, о чемъ скажу далѣе, ни въ дѣлѣ развитія спорта.

Теперь перейду къ вопросамъ анкетныхъ листовъ, излагая ихъ въ краткой и обобщенной формѣ.

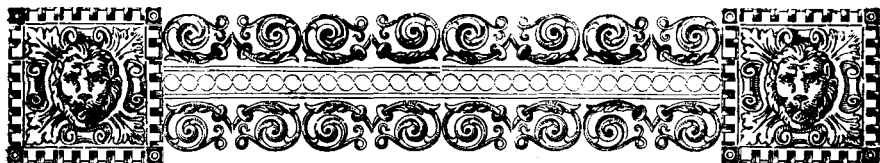
1) *«Какъ велика убыль офицерскихъ лошадей отъ смерти и непригодности къ строю?»*—Это вопросъ основной, отвѣтъ на который опредѣлитъ размѣръ дѣятельности общества, ибо имъ будетъ обозначено число потребныхъ для ежегоднаго ремонта офицерскихъ лошадей. По приблизительнымъ даннымъ за нѣсколько лѣтъ, можно сказать, что ежегодно въ каждый полкъ поступаетъ 4—5 новыхъ лошадей, т. е. 10—12% всего состава офицерскихъ лошадей, не считая лошадей, приводимыхъ или покупаемыхъ молодыми, вновь выпускаемыми, офицерами. Беря только одну регулярную кавалерію и конную артилерію, насчитывающія всего около 3,000 офицеровъ, легко опредѣлимъ, что имъ нужно ежегодно около 400 лошадей; къ этому прибавить надо около 200 лошадей для молодыхъ офицеровъ. Итакъ, 600 лошадьми исчерпывается вся потребность въ офицерскихъ лошадяхъ и эта цифра есть предѣлъ поставки новаго общества, если бы даже весь ремонтъ прошелъ черезъ его руки.

2) *«Какова средняя покупная цѣна офицерской полукровной лошади для строя и спорта?»*—Общество дѣлитъ офицерскихъ лошадей на строевыхъ и «для спорта», предполагая, вѣроятно, большую разницу въ цѣнности той и другой категоріи и значительное число лошадей «для спорта». Въ дѣйствительности же, офицеры наши для скачекъ, въ большинствѣ, получаютъ ипподромный бракъ весьма малой цѣнности и только какая-нибудь дюжина заправскихъ скакуновъ пріобрѣтаютъ для спорта чистокровную неломаную лошадь, да и у нихъ высокую цѣну лошадь получаетъ вполнѣ въ силу мѣры успѣховъ. А затѣмъ, число офицеровъ, покупающихъ и держащихъ лошадей спеціально для спорта, такъ незначительно, что не стоитъ выдѣлять ихъ по цѣнности въ особую категорію.

Гораздо правильнѣе выдѣлить въ особую категорію по цѣнности лошадей гвардіи, гдѣ лошадь подѣ офицерами въ общемъ, въ два раза дороже, чѣмъ въ арміи. По приблизительному расчету средняя цѣна армейской офицерской лошади будетъ около 400 рублей, а гвардейской до 700 рублей. Если допустить, что средняя цѣна офицерской лошади въ ближайшемъ будущемъ поднимется до 500 рублей, то, принимая во вниманіе вышеопредѣленную цифру годового ремонта, найдемъ, что годовой оборотъ общества по продажѣ лошадей не превыситъ 300,000 рублей, если весь этотъ ремонтъ пройдетъ черезъ его депо. Съ этой скромною суммою общество и должно, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, собразовать размахъ своихъ предположеній. Изъ этого же видно, какъ надо быть осторожнымъ съ такими рискованными предпріятіями, какъ устройство всякихъ спортивныхъ состязаній и «ознакомленіе офицеровъ съ выдержкою лошадей для скачекъ», что также включено въ кругъ дѣятельности общества и что, конечно, ведетъ за собою содержаніе скаковыхъ конюшенъ со всѣми дорогими ихъ принадлежностями, въ родѣ тренеровъ, жокеевъ, рабочихъ круговъ, опытной прислуги и т. п.

Однако, какъ ни скромна сумма предполагаемыхъ оборотовъ общества, выгоды его существованія не оцѣниваются только ею, и услуги общества, какъ офицерамъ, такъ и коннозаводчикамъ, будутъ просто драгоцѣнными. Упрочившись, общество впослѣдствіи въ состояніи будетъ развить свою дѣятельность въ любомъ направленіи, но первые шаги должны быть очень осторожны и чужды всякаго риска и сомнительныхъ спортивныхъ утовій.

3) *«Сколько офицеровъ пожелало бы страховать своихъ лошадей и отъ какихъ случайностей, кромѣ смерти, желательно страховать?»*—Страхованіе офицерскихъ лошадей—дѣло у насъ новое и весьма всѣми желаемое, но ограничиться страхованіемъ только на случай смерти нельзя. Падежъ лошади на службѣ подѣ офицеромъ явленіе очень рѣдкое и офицеру всегда приходится расставаться съ лошадыю по негодности ея къ дальнѣйшей службѣ задолго до ея смерти, а потому введеніе страхованія отъ наступившей непригодности къ службѣ совершенно необходимо; но вотъ тутъ-то и выступаетъ на сцену множество трудно преодолимыхъ препятствій. Такіе случаи, какъ поломка ноги, слѣпота и оглузмъ, не вызовутъ затрудненій въ установленіи негодности лошади, но есть множество такихъ болѣзненныхъ состояній лошади, при которыхъ негодность лошади сомнительна, да и затѣмъ самые случаи

Нормальный способ стрѣльбы артилеріи въ бою.

In der Wirklichkeit kommt es nicht darauf an, dass man über irgen dein Thema eine gute Abhandlung zu liefern vermag, sondern dass man in einem gegebenem Falle zweckmässig zu handeln versteht.

Verdi du Vernois.

Изь широкаго опыта послѣдней нашей кампаніи, какъ у насъ, такъ и въ другихъ арміяхъ, пришли къ выводамъ, что стрѣльба артилеріи черезъ головы своихъ войскъ является способомъ стрѣльбы нормальнымъ. Въ иностранныхъ арміяхъ этотъ способъ стрѣльбы указанъ въ наставленіяхъ въ категорической формѣ. Въ нашемъ «Наставленіи для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ» 1904 г. § 48-й гласитъ: «Артилеріи слѣдуетъ избѣгать стрѣльбы черезъ головы своихъ; но если разстояніе до непріятели таково, что по крутизнѣ траекторіи случайности маловѣроятны, а стрѣльбой можно дѣйствительно помочь достиженію цѣли, то можно стрѣлять черезъ головы своихъ».

Какъ видимъ, указанія, данныя нашимъ «Наставленіемъ для стрѣльбы артилеріи въ бою», не согласуются съ выводами, почерпнутыми изъ опыта войны. Казалось бы измѣнить этотъ § Наставленія согласно опыту войны и дѣлу конецъ. Оказывается, что это не такъ просто, какъ кажется.

Въ статьѣ «Артилерійскія письма» ¹⁾ г. Е. Смысловскій выступаетъ въ защиту этого §, являясь убѣжденнымъ противникомъ стрѣльбы черезъ головы своихъ и допуская ее лишь какъ исключеніе.

Авторъ говоритъ, что «угрожающіе» своими выстрѣлами и «угрожаемая» свои войска единодушно требуютъ, чтобы стрѣльба черезъ головы своихъ регламентировалась уставомъ, какъ «нормальный» способъ стрѣльбы артилеріи въ бою; что основаніемъ для этого требованія сторонники стрѣльбы черезъ головы своихъ выставляютъ нижеслѣдующіе доводы: 1) «строгая законмѣрность полета артилерійскихъ снарядовъ»; 2) «надежность современныхъ способовъ наводки» (?); 3) «примѣръ наставленій иностранныхъ государствъ» и 4) «наконецъ, обширный опытъ недавно минувшей войны». Въ приведенныхъ доводахъ усматривается недочетъ: или авторъ упустилъ указать болѣе важные доводы, или же сторонники стрѣльбы черезъ головы своихъ не высказали ихъ. О пропущенныхъ доводахъ скажу ниже. Здѣсь же обращу вниманіе читателей на послѣдній изъ вышеприведенныхъ доводовъ, а именно: *на обширный опытъ недавно минувшей войны*, который авторъ также признаетъ неубѣдительнымъ.

Неужели этого одного довода недостаточно, чтобы прійти къ безповоротному убѣжденію, что предлагаемый способъ стрѣльбы черезъ головы своихъ является дѣйствительно нормальнымъ? На чемъ же мы учимся искусству веденія войны, ежели не на опытахъ ея? И могутъ-ли какія бы то ни было теоретическія разсужденія опровергнуть практику-дѣйствительность?

Безусловно теорія и практика во всякомъ дѣлѣ должны идти рука объ руку, какъ взаимно дополняющія другъ друга, ибо теорія даетъ намъ знаніе, практика же—опытъ въ примѣненіи этихъ знаній на дѣлѣ, т. е. умѣніе. Сама жизнь намъ наглядно показываетъ, что теорія, основанная на опытѣ, примѣнима на дѣлѣ съ гарантіей на успѣхъ. Всякая теорія безъ сказаннаго условія поведетъ къ отрицательнымъ послѣдствіямъ—къ пораженію. Что это такъ, для этого стоитъ вспомнить Пфуля. Войны бываютъ нечасто. Меня спросятъ, гдѣ можно приобрести опытъ-умѣніе? На этотъ вопросъ отвѣчу: тщательно изучая военную исторію, въ которой изложены данныя чужого опыта.

Если бы мы воспользовались чужимъ опытомъ, намъ бы не пришлось въ послѣднюю нашу кампанію учиться тактикѣ арти-

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1911 г., № 2.

леріи во время самой войны, доходить горькимъ опытомъ до вывода, что стрѣльба черезъ головы своихъ не исключеніе, а нормальный способъ. Этотъ способъ стрѣльбы не новостъ, нами придуманная. Необходимость его сознавалась съ введенія нарѣзного орудія, т. е. съ перенесеніемъ картечнаго дѣйствія артиллеріи на дальнія дистанціи. Пруссаки, въ кампанію 70-го года, этотъ способъ примѣняли вполне сознательно; но вынуждены были отъ него отказаться въ силу того, что, по неудовлетворительности устройства снарядовъ и трубокъ того времени, били своихъ.

Мы же, когда перевооружились скорострѣльными пушками, снабженными идеальными снарядами и трубками (русскаго производства), обезпечивающими въ извѣстныхъ предѣлахъ дистанціи безопасность своихъ войскъ, могли еще до войны смѣло признать стрѣльбу черезъ головы своихъ за «нормальный» способъ. И отъ этого рѣшенія, взятаго изъ опыта Франко-Прусской войны, остались бы только въ выигрышѣ.

Отвергать же способъ, добытый уже собственною кровью, исходя изъ чисто теоретическихъ разсужденій, нахожу по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ. Иностранцы не пренебрегли опытомъ нашей кампаніи. Они использовали его во всю и многое ввели у себя.

Что стрѣльба черезъ головы своихъ есть способъ нормальный въ бою, въ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ. И это потому, что только этотъ способъ стрѣльбы даетъ возможность *во всѣхъ случаяхъ успѣшно использовать могущество огня артиллеріи*, такъ какъ только онъ обезпечиваетъ возможно большій раіонъ для выбора артиллерійскихъ позицій, *соотвѣтствующихъ задачъ въ широкомъ смыслѣ*; обезпечиваетъ успѣшный маневръ какъ самой артиллеріи, такъ и маневръ ея огня; гарантируетъ поддержку пѣхотѣ во всѣхъ фазисахъ боя и отраженіе всякихъ случайностей; и наконецъ не стѣсняетъ маневра пѣхоты на всемъ фронтѣ боевого ея участка, а это послѣднее обстоятельство помогаетъ рѣшенію пѣхотою ея боевой задачи. Вотъ главный доводъ, почему стрѣльба черезъ головы своихъ есть нормальный способъ стрѣльбы въ бою.

Въ доказательство своего взгляда, что стрѣльба черезъ головы своихъ есть явленіе ненормальное, а лишь исключительное, г. Е. Смысловскій говоритъ: «Но какъ только начинается примѣненіе этого «нормальнаго» способа стрѣльбы къ жизни—является цѣлый рядъ ограниченій, особыхъ для мирнаго времени и особыхъ для боя». Эти ограниченія заключаются: 1) въ томъ, что батареи не могутъ располагаться позади другихъ войскъ ближе 300 саженой;

2) кромѣ того предъявляется артилеріи требованіе, чтобы ея снаряды пролетали надъ головами не ближе 5 саж., и 3) что артилерія вынуждена прекратить (?) огонь, когда войска приблизятся къ атакуемому пункту на такую дистанцію, что становится возможнымъ нанести имъ пораженіе своими выстрѣлами; что дистанція эта при самой идеальной пристрѣлкѣ должна быть не менѣе 80 саж., а при болѣе осторожныхъ расчетахъ достигаетъ 125 саж. Французы и нѣмцы считаютъ её въ 200 саж.

Со своей стороны прибавлю, что, если эта дистанція должна быть при идеальной пристрѣлкѣ въ 125 саж., то на практикѣ въ бою придется ее увеличить въ 2 раза, т. е. опредѣлить въ 250 саж., такъ какъ бой требуетъ перехода на пораженіе послѣ захвата цѣли въ грубую вилку, обстрѣливая площадь. Кромѣ того, благодаря извѣстнымъ свойствамъ нашей пушки, эта дистанція для нея должна быть больше, чѣмъ для французской; значить и этимъ обстоятельствомъ подтверждается правильность указанной мною дистанціи въ 250 саж.

Далѣе въ статьѣ говорится: «Но если бы даже и опредѣлить всѣ эти нормы въ строжайшемъ соотвѣтствіи съ принятымъ образцомъ, вводить ихъ въ уставъ не слѣдуетъ, такъ какъ всѣ онѣ въ значительной мѣрѣ основаны на недоразумѣніяхъ и предразсудкахъ».

«Меня напримѣръ», пишетъ онъ далѣе, «весьма мало смущаютъ данныя Офицерской артилерійской школы относительно расположенія батарей позади другихъ войскъ (до 400 саж.)... Вѣдь никто не задумается поставить свои войска чуть ли не подъ самымъ дуломъ орудій, если онѣ стоятъ на обрывѣ, сажени въ 2 высоту, или ведутъ стрѣльбу на 4 версты и т. д.»

Замѣчу, что никто не задумается стрѣлять при данномъ прицѣлѣ и при подходѣ своихъ войскъ къ цѣли до 80 саж., если только окажется возможнымъ наблюдать, что бьешь врага, а не своихъ, не взирая на регламентацію дистанціи въ 250 саж.

И это потому, что въ уставахъ указываются лишь общія нормы, вытекающія изъ свойствъ оружія, и при нормальныхъ обстановкахъ, а не при исключительныхъ.

Для искуснаго веденія боя недостаточно знать нормы, указанныя въ уставѣ, а необходимо умѣть ихъ цѣлесообразно примѣнять при всякихъ условіяхъ обстановки.

Уставъ даетъ канву, предоставляя исполнителю вышивать по ней узоры по своей способности.

Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ не приходится опасаться введенія нормъ. Эти нормы характеризуютъ свойство орудія; показываютъ, какихъ результатовъ можно достигнуть при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ мѣстности, встрѣчающихся на поляхъ сраженій.

Макиавелли дѣлилъ людей, по ихъ способностямъ, на 3 категоріи: къ 1-ой причислялъ такихъ, которые сами видятъ и понимаютъ; къ 2-ой—которымъ надо указать и тогда они понимаютъ, и къ 3-ей—которымъ если и укажутъ, то они все же не понимаютъ. Достаточно признать это подраздѣленіе, чтобы прійти къ заключенію, что нормы необходимы и въ особенности для 3-й категоріи. Эта категорія людей, дѣйствуя слѣпо, придерживаясь нормъ, хотя не всегда принесетъ пользу, но и не нанесетъ непоправимаго вреда своимъ.

Повторяю, что къ необходимости построенія такого боевого порядка, при которомъ артилерія стрѣляетъ черезъ головы своихъ, начиная отъ завязки боя и до окончательнаго его рѣшенія, мы пришли собственнымъ боевымъ опытомъ. Иностранная армія ввела его у себя, воспользовавшись нашимъ опытомъ. Этотъ строй принять, какъ единственный, наилучшимъ образомъ отвѣчающій современному вооруженію.

Но и онъ имѣетъ свои недостатки, а именно: при несоблюденіи нѣкоторыхъ условій, зависящихъ отъ свойствъ оружія, является опасность бить своихъ. Чтобы избѣжать подобнаго печальнаго случая, у насъ желаютъ ввести, а въ иностранныхъ арміяхъ уже введены, нормы, гарантирующія отъ него войска.

Въ виду вышеизложеннаго, нельзя признать правильнымъ заявленіе г. Е. Смысловскаго, что указанныя нормы, выработанныя войной, основаны на «недоразумѣніяхъ» и «предразсудкахъ». Держась такого взгляда, пришлось бы прійти къ выводу, что вся «военная исторія», на которой зиждется все военное искусство, есть только предразсудокъ—прихоть досужихъ людей.

Невѣрно и не знаю на чемъ основано мнѣніе автора, что артилерія при подходѣ нашихъ войскъ къ цѣли на указанную норму должна прекратить свой огонь.

Приводимыя нормы (онѣ одинаковы для всѣхъ дистанцій) служатъ не для указанія времени прекращенія огня, а для указанія безопасной сферы дѣйствія всѣхъ родовъ войскъ: артилеріи для стрѣльбы, а другимъ родамъ войскъ для маневрированія на полѣ

сраженія, между своей артилеріей и противникомъ. Для артилериста эта норма служить указаніемъ отнюдь не для прекращенія огня, а лишь предупрежденіемъ. Получивъ предостереженіе, онъ обязанъ усилить свое наблюденіе. Приэтомъ стрѣльбу онъ производитъ при прежнемъ прицѣлѣ до тѣхъ поръ, покуда наблюденія (собственныя и высланныхъ впередъ наблюдателей) гарантируютъ безопасность своихъ. Въ противномъ случаѣ, *не* прекращая стрѣльбы, переноситъ свой огонь впередъ скачками въ 2—3 и болѣе дѣленій, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и наконецъ обстрѣливаетъ тылъ атакуемой позиціи, поражая войска противника, подходящія на выручку своимъ. Кромѣ того, атакующей пѣхотѣ помогутъ сосѣднія батареи, для косоприцѣльныхъ выстрѣловъ которыхъ эта норма значительно меньше.

Съ цѣлью достигнуть содѣйствія сосѣднихъ батарей всѣ вообще батареи должны быть поставлены такъ, чтобы имѣть возможность принять участіе въ рѣшеніи *общей боевой задачи*, а не одной частной атаки какого нибудь опорнаго пункта.

Какъ видимъ, опасеніе, что пѣхота наша будетъ разстрѣливаться при постоянномъ прицѣлѣ безнаказанно, является слишкомъ преувеличеннымъ и неотвѣчающимъ дѣйствительности.

Поэтому и не приходится удивляться тому, что въ минувшую кампанію, при вышеизложенныхъ условіяхъ стрѣльбы, артилерія «стрѣляла» все время атаки, а ходившіе въ атаку «просили и просятъ» стрѣлять, не прекращая огня.

Обращаетъ на себя вниманіе и нижеслѣдующій выводъ автора изъ опыта Русско-Японской войны:

«...Въ той же статьѣ онъ ²⁾ возстааетъ и противъ-величины «медицинскаго запаса» въ 5 саж., на которомъ снаряды должны пролетать надъ головами, чтобы не контузить человѣка, и требуетъ производства спеціальныхъ опытовъ для выясненія его величины».

«Напрягая свою память, я припоминаю, какъ еще на школьной скамьѣ слышалъ отъ моего незабвеннаго учителя Л. Л. Кирпичева о томъ, что *идь-то* и *когда-то* ³⁾ подобные уже опыты были произведены. *Не поручусь, что дополняю свой рассказъ моей фантазіей, но рѣчь, насколько помню, шла о глухой лошади, поставленной ѣсть овесъ, мимо которой стрѣляли, направляя снаряды все ближе и ближе къ ея тѣлу. И даже послѣ послѣдняго выстрѣла, который прошелъ настолько близко, что пригладилъ нѣсколько шерсть, лошадь невозмутимо продолжала ѣсть овесъ».*

²⁾ Баронъ Н. Майдель. ³⁾ Курсы въ всѣ мон.

«Но зачѣмъ питаться фантазіями, или производить какіе-либо новые единичные эксперименты, когда, по мнѣнію самого же барона И. Майделя, *обширные опыты* Русско-Японской войны, *съ неопровержимой очевидностью*, показываютъ, что пролетъ и разрывъ снаряда вблизи отъ человѣка поврежденій ему не дѣлають. Ясно, что опасно только прохожденіе снаряда въ непосредственной близости, т. е. почти при прикосновеніи къ человѣку» (?)

Что дѣло съ «медицинскимъ запасомъ» не такъ ясно, какъ стремится убѣдить авторъ, приведу примѣръ, имѣвшій мѣсто не «гдѣ-то» и «когда-то», а подъ Плевной, въ редутѣ «Старинкевичъ»⁴⁾. Тамъ былъ принятъ такой порядокъ: стрѣлки, становясь по фасу редута, клали свои винтовки противъ себя на брустверь, гдѣ и оставляли, когда уходили изъ редута во время артилерійскаго боя. Этотъ фасъ турки обстрѣливали *продольно*. Много дней турки стрѣляли и все проходило благополучно. Въ одинъ прекрасный день надъ фасомъ пролетѣлъ снарядъ (какъ и многіе другіе) и разорвался за редутомъ. Въ моментъ пролета снаряда надъ фасомъ поднялась весьма незначительная пыль. Никому и въ голову не пришло бы поднятіе этой пыли приписать снаряду, ежели бы на лицо не оказалось опустошительнаго его дѣйствія: примѣрно у 40 ружей стволы оказались настолько согнутыми, что всѣ пришлось забрakovать. Попорченными оказались среднія, а не крайнія по склону траекторіи. При осмотрѣ, ружья оказались на своихъ мѣстахъ, поврежденные стволы безъ царапинъ и поверхность бруствера не тронуты.

Достаточно и приведеннаго примѣра, чтобы убѣдиться, что «медицинскій запасъ» не такъ ничтоженъ, какъ его авторъ опредѣляетъ изъ опыта надъ глухой лошадыю. Не представляютъ неопровержимой очевидности въ этомъ отношеніи и обширные опыты Русско-Японской войны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только задать себѣ вопросы: кто наблюдалъ за полетами снарядовъ въ этомъ отношеніи? Кто и какимъ приборомъ измѣрялъ разстояніе между снарядомъ, нанесшимъ контузію, и контуженнымъ? Во всякомъ случаѣ, не самъ контуженный!

Указать, на какомъ разстояніи и *при какихъ условіяхъ* снарядъ наноситъ контузіи, не берусь, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ некомпетентенъ. Да для меня этотъ вопросъ, вообще, и не представляетъ большого интереса, потому что при принятыхъ и основанныхъ

⁴⁾ Этотъ редутъ занималъ теперешній л.-гв. С.-Петербургскій полкъ.

на *опытахъ войны* «нормальныхъ дистанціяхъ», обезпечивающихъ, при стрѣльбѣ черезъ головы, безопасность своихъ войскъ, онъ самъ собой исключается, такъ какъ онѣ удовлетворяють требованію пролета снаряда надъ человѣкомъ на высотѣ 5-ти сажень, можетъ быть высотѣ и преувеличенной, но покуда принятой всѣми за нормальную.

Остановился же я на этомъ вопросѣ съ цѣлью указать на ту непоследовательность, съ какою авторъ относится къ боевому опыту: съ одной стороны нормы (въ 300 саж. отъ дула и 250 саж. отъ цѣли), выработанныя на основаніяхъ требованій боя и примѣнявшіяся на дѣлѣ, какъ гарантирующія наилучшій способъ использования артилерійскаго огня и безопасность своихъ войскъ, онъ признаетъ недоразумѣніемъ и предрасудкомъ; съ другой стороны, неподдающійся никакому наблюденію и расчету опытъ, относительно «медицинскаго запаса», находитъ неопровержимымъ. И на основаніи этого доводитъ его почти до нуля.

Такое обращеніе съ фактами можно объяснить лишь однимъ, а именно: желаніемъ автора проводимую имъ теорію для атаки опорнаго пункта сдѣлать неопровержимой во чтобы то ни стало.

Какъ основаніе правильности своей теоріи, авторъ предлагаетъ вниманію читателей 4 чертежика, изъ которыхъ наглядно видно, что, при стрѣльбѣ на горизонтальной мѣстности и ⁵⁾ *при условіи высоты цѣли около сажени (?), такъ, что самыя нижніе снаряды пролетаютъ у начала пораженія надъ войсками, хотя и близко (?), но не касаясь ихъ головъ, поражаемая пространства будутъ:*

Дистанція стрѣльбы.	Поражаемое пространство.
500 саж.	140 саж.
1,000 „	100 „
1,500 „	90 „
2,000 „	80 „

При условіи же, если мѣстность имѣетъ уклонъ къ батарее только 5°, поражаемое пространство на всѣхъ дистанціяхъ меньше предыдущаго:

Дистанція стрѣльбы.	Поражаемое пространство.
500 саж.	25 саж.
1,000 „	45 „
1,500 „	55 „
2,000 „	65 „

Не спорю, что эти данныя интересны, какъ рисующія, отчасти, свойства нашего орудія. Но на практикѣ воспользоваться этими

⁵⁾ Курсивы мои.

данными отказался бы и «Вильгельмъ Тель»⁶⁾. Тѣмъ болѣе откажутся отъ нихъ артиллеристы, которымъ до такой виртуозности никогда не дойти по совершенно понятнымъ причинамъ. Обращаю вниманіе читателя на тѣ кропотливыя математическія выкладки для стрѣльбы съ вышеприведенными поражаемыми пространствами: тутъ нужна идеальная пристрѣлка (это дистанція въ 500 саж. въ самый сильный разгаръ боя!), каковую дѣйствительность вообще, а тѣмъ болѣе боевая, не допускаетъ даже и на большихъ дистанціяхъ, (тѣмъ болѣе она трудна на дистанціи въ 500); и цѣль въ сажень и уклонъ мѣстности въ желаемую сторону; и уклонъ въ 5°; и чтобы снаряды проходили близко, но не касались головы (?!)...

Ну, а если ошибиться такъ, что принять цѣль въ сажень, а на дѣлѣ она будетъ меньше на нѣсколько вершковъ; или принять уклонъ въ 5°, а на дѣлѣ онъ будетъ 4° 30'? Тогда что будетъ? А будетъ то, что весь зарядъ будетъ всаженъ своимъ въ затылокъ и въ результатѣ: наша атака отбита съ громадными потерями.

За такую артиллерійскую поддержку, до самаго момента столкновения, пѣхота поблагодарить и попросить артилерію не утруждать себя.

Кромѣ того, замѣчу, что авторъ, выбравъ дистанцію въ 500 саж., какъ наилучшую для поддержки артилеріей атаки опорнаго пункта, при условіи уклона мѣстности въ 5° къ батареѣ, упустилъ изъ виду дульную норму въ 300 саж., обезпечивающую безопасность своихъ. Вѣдь должна же пѣхота пройти эти 300 саж.; вѣдь не передъ всякимъ же опорнымъ пунктомъ будутъ обрывы, превышающіе мѣстность въ 2 саж., на которые можно было бы ставить батареи!

Наконецъ, исходя изъ вышеизложенныхъ расчетовъ и соображеній, авторъ предлагаетъ вниманію слѣдующіе свои выводы для дѣйствія артилеріи при *атакѣ опорнаго пункта*. Эти выводы слѣдующіе: а) «атаку опорнаго пункта слѣдуетъ производить *съ той стороны, съ которой мѣстность*, непосредственно отъ него понижается *наиболѣе значительно* ?), дабы артилерія могла оказать содѣйствіе своимъ огнемъ до послѣдняго момента».

Изъ приведеннаго вывода видно слѣдующее: чтобы найти отвѣчающую всѣмъ условіямъ сторону облюбованнаго для атаки опорнаго пункта, необходимо его тщательно обрекогносцировать со многихъ сторонъ; чтобы получить данныя для вычисленій, рекогносцировку необходимо произвести съ такихъ близкихъ разстояній,

⁶⁾ Въ заключительномъ своемъ словѣ авторъ требуетъ отъ артиллеристовъ стрѣльбы подобной стрѣлбѣ «Вильгельма Теля». ⁷⁾ Курсивъ мой.

до которыхъ рекогносцирующей не въ силахъ будетъ дойти — его недопустить противникъ. Кромѣ того, мѣстность такъ причудлива въ своей конфигураціи, что врядъ-ли удастся найти такой участокъ ея для батареи, который полностью удовлетворялъ бы предъявленнымъ требованіямъ. Что дѣлать тогда, если не найти такой стороны? Что дѣлать, ежели опорный пунктъ будетъ въ котловинкѣ, или на сѣдловинкѣ, или, наконецъ, на противоположномъ склонѣ? Вѣдь и противникъ, при выборѣ позиціи считается съ обстановкой, а не съ однимъ только своимъ желаніемъ.

Я уже указывалъ, что атакуется вся позиція, а не только излюбленный пунктъ. Принявъ это во вниманіе и допустивъ даже, что желанная «сторона» будетъ найдена, все-таки не придется ею воспользоваться, ежели она не будетъ отвѣчать плану общей атаки всего отряда.

Выводъ б): «Для поддержанія атаки пѣхоты, артилерія *должна стараться* занять позицію возможно ближе къ атакуемому пункту, *въ направленіи наибольшаго* отъ него уклона мѣстности, *при условіи*, чтобы эта позиція, по возможности, была *ниже горизонта цели*».

Всякій, кто потрудится представить себѣ ходъ боя передъ штурмомъ, пойметъ непримѣнимость всѣхъ предъявляемыхъ условій на практикѣ. Поэтому не буду останавливаться на ихъ разборѣ. Скажу лишь, что, при назрѣваніи момента атаки, всѣ преимущества, какъ для маневра, такъ и въ частности для занятія позицій, должны принадлежать пѣхотѣ, какъ вершительницѣ судьбы боя. Исходя изъ этого, нельзя согласиться, чтобы артилерія занимала позиціи по своему лишь усмотрѣнію. Дѣло артилеріи занять позиціи тамъ, гдѣ прежде всего, она не помѣшаетъ работѣ пѣхоты и откуда она наилучшимъ образомъ поможетъ пѣхотѣ какъ при атакѣ, такъ и при всевозможныхъ случайностяхъ боя.

Выводъ в): «*Послѣ точной пристрѣлки*, стрѣльба сначала ведется шрапнелью, наблюдая, чтобы *пыль*, поднимаемая *пулями*, была *всегда* впереди своихъ войскъ, а *всѣ* разрывы выше головъ.

По мѣрѣ приближенія войскъ, трубка удлинняется и, *когда число клевковъ достигнетъ половины* ⁸⁾, переходятъ къ стрѣльбѣ гранатой ⁹⁾.

Постепенно прицѣлъ увеличивается *съ такимъ расчетомъ* (?!), чтобы *самые нижніе* снаряды *попадали въ гребень* закрытія (?!).

⁸⁾ Всѣ курсы мон. ⁹⁾ Какъ же быть съ опасностью для стрѣляющаго при стрѣльбѣ гранатой, о которой авторъ упоминаетъ, въ такой рѣшительный моментъ?

Въ моментъ столкновенія съ противникомъ траекторію слѣдуетъ поднять надъ гребнемъ и, *смотря по обстановкѣ* (?!), перейти на шрапнель, увеличивъ соотвѣтственно трубку. Огонь продолжается до исхода боя».

Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ!

На близкихъ дистанціяхъ, когда противникъ засыпаетъ ружейными и шрапнельными пулями, когда дымомъ отъ шрапнелей застилаются глаза и затрудняется дыханіе, когда мы сами дымомъ своихъ шрапнелей застилаемъ цѣль, не угодно ли батареей произвести такое громадное количество манипуляцій, да притомъ съ такой математической точностью: пристрѣляться такъ, чтобы самые нижніе снаряды попадали въ гребень закрытія, чтобы самые нижніе снаряды проходили на такой высотѣ надъ головами, дабы только не задѣть ихъ; сосчитать, что именно половина, а не больше и не меньше, снарядовъ клюетъ; наблюсти по пыли, что пули ложатся впереди нашихъ войскъ и именно отъ нижнихъ снарядовъ и т. д.!

Новотъ вопросъ: какими данными пользоваться для пристрѣлки, чтобы достигнуть желаемого направленія *самыхъ* нижнихъ снарядовъ? Какъ отличить по пыли, что она поднимается нашими шрапнельными пулями самыхъ нижнихъ снарядовъ, а не пулями нашей пѣхоты и таковыми противника? И какъ вести стрѣлбу по данному рецепту, когда мѣстность не даетъ пыли или въ дождь? Отмѣчу и то обстоятельство, что командиръ батареи стрѣляетъ изъ 8 орудій, обстрѣливающихся фронтъ въ 120 и болѣе сажень, что пѣхота, идущая въ атаку, не выравнивается въ струнку; одни эти обстоятельства доказываютъ, насколько невыполнимы предписываемыя требованія.

Возьмемъ теперъ элементъ времени. На дистанціи въ 500 саж. поражаемое пространство 25 саж., на 1,000 саж. пораж. пространство 55 саж. Вѣдь это предѣлы, съ которыхъ пѣхота *бросается* въ штыки! Спрашивается, сколько времени ей понадобится, чтобы пробѣжать хотя бы 55 саж. (165 ш.)? Весьма немного. Если даже допустить, что она пойдетъ шагомъ и то потребуетъ не больше $1\frac{1}{4}$ мин. Въ эту $1\frac{1}{4}$ мин. (время преувеличено) авторъ рекомендуетъ произвести стрѣлбу шрапнелью при нормальной трубкѣ; за симъ еѣ удлинить до полученія $\frac{1}{2}$ клевковъ; перейти на гранату, которую пристрѣлять такъ, чтобы самые нижніе снаряды попадали въ гребень...

Каждому понятно, что выполнить такую задачу невыполнимо. А потому тотъ, кто возьмется провести подобную стрѣлбу, принесетъ своей пѣхотѣ не пользу, а вредъ.

Далѣ авторъ заявляетъ, что «близкая дистанція стрѣльбы влечетъ несомнѣнныя выгоды: обезпечиваетъ наблюденіе за дѣйствіями противника и своихъ войскъ ... непосредственная прямая наводка по близкимъ предметамъ въ значительной мѣрѣ гарантируетъ отъ несчастныхъ случаевъ, неподдающихся никакому расчету, такъ какъ наводчики (особенно при панорамныхъ прицѣлахъ (?)) сами различать своихъ отъ чужихъ и т. д.».

Конечно никто не будетъ отрицать выгодъ близкой дистанціи при ея цѣлесообразности. Но признать её за наилучшую для наблюденія за дѣйствіемъ противника и своихъ войскъ будетъ не вполне вѣрно. Чѣмъ дистанція меньше, тѣмъ кругозоръ наблюдателя ограниченнѣе; и, въ особенности, если онъ находится въ низинѣ; при этомъ послѣднемъ условіи его наблюденія ограничатся только тѣмъ, что строго передъ нимъ; а все это не отвѣчаетъ требованіямъ боя.

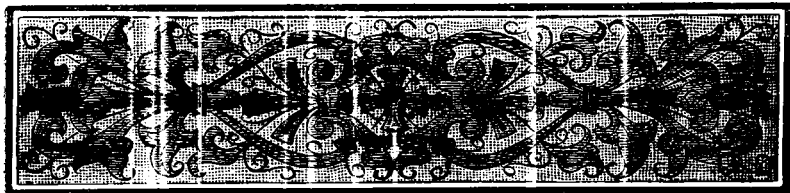
Но дѣло не въ томъ, каковы наблюденія, а въ томъ, что командиръ батареи опредѣляетъ дистанцію для своей батареи не по своему усмотрѣнію, а лишь руководствуясь условіями обстановки даннаго момента боя.

Указаніе, что непосредственная прямая наводка по близкимъ предметамъ *въ значительной мѣрѣ* гарантируетъ отъ несчастныхъ случаевъ, нельзя признать обоснованнымъ вотъ почему: 1) стрѣляетъ командиръ батареи, а не наводчики; слѣдовательно прицѣлъ командуетъ командиръ; а наводчики, чтобы они тамъ ни видѣли, обязаны принять его къ исполненію; 2) я уже указывалъ, что въ атаку идутъ, не выравнявшись въ струнку, а линіей весьма ломаной. Допустимъ теперь, что одинъ, два, три наводчика замѣтили (въ панорамный прицѣлъ), что противъ ихъ линіи визированія наша пѣхота выдвинулась впередъ. Что же имъ дѣлать: мѣнять прицѣлъ по своему усмотрѣнію, или же бѣжать съ докладомъ къ командиру батареи о замѣченномъ? И что предпринять командиру, выслушавъ этотъ докладъ? Отказаться отъ всего предпріятія?

Въ заключеніе замѣчу, что на войнѣ, какъ и вообще въ природѣ, есть нѣчто, спутывающее всѣ расчеты. Въ самый, казалось бы, непреложный планъ вдругъ вдвигается неожиданное условіе и все уравненіе событій пріобрѣтаетъ обратный характеръ.

Г. Мининъ.

ИНЖЕНЕРНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ.

 въ концѣ прошлаго года въ войска поступило послѣднее изъ инженерныхъ наставленій, а именно «Наставленіе по войсковому инженерному дѣлу для офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ». Пока оно представляетъ собою Высочайше утвержденный *проектъ*, подлежащій двухлѣтнему практическому испытанію, послѣ чего со стороны командировъ отдѣльных частей и выше стоящихъ начальниковъ должны послѣдовать замѣчанія, пожеланія и общія заключенія, которыя и послужать основаніемъ для окончательной выработки этого Наставленія, если таковое въ войскахъ необходимо.

Въ настоящее время весьма многое изъ инженернаго дѣла, что раньше лежало на обязанности саперъ, перенесено на пѣхоту, артилерію и кавалерію; явились и новыя техническія средства, которыя сразу же стали достояніемъ войскъ, каковы, на примѣръ, телефоны. Укрѣпленіе полевыхъ позицій, исправленіе дорогъ, постройка простѣйшихъ мостовъ, землянокъ на зимнее время, отнесено теперь къ обязанности не саперъ, а войскъ другихъ родовъ оружія. На основаніи этого, казалось бы, что пособіе для офицеровъ по всѣмъ отдѣламъ инженернаго дѣла не только весьма полезно и желательно, но прямо таки необходимо.

Два года, назначенные для опредѣленія практической пригодности этого Наставленія и его исправленія къ лучшему, будутъ,

надо надѣяться, надлежаще использованы, но думаю, что не лишне будетъ разсмотрѣть и разобрать это Наставленіе и теперь, намѣтивъ, по возможности, все то, что желательно было бы испытать и провѣрить на практикѣ въ войскахъ.

Наставленіе состоитъ изъ 4-хъ частей: полевой фортификаціи, военныхъ сообщеній, телефоновъ и бивачныхъ построекъ. Нужно замѣтить, что еще четыре года тому назадъ *изъ этихъ же отдѣловъ* должно было состоять такое же Наставленіе для *нижнихъ чиновъ* пѣхоты, почему первое изданіе, Высочайше утвержденное 6-го іюня 1908 года, и названо было Наставленіемъ по войсковому *инженерному* дѣлу, но заготовленный уже отдѣлъ по бивачнымъ постройкамъ помѣщенъ не былъ (отдѣлы по мостамъ и телефонамъ къ тому времени еще не были составлены), а потому оказалось, что слово «инженерное» не соотвѣтствовало содержанию: второе изданіе Наставленія для нижнихъ чиновъ пѣхоты и артилеріи, Высочайше утвержденное 12-го іюня 1909 года, было названо «*по самоокапыванію*».

Склоненъ думать, что необходимо вернуться къ первоначальному заголовку наставленій и для нижнихъ чиновъ. Дѣйствительно: нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ командѣ связи, надо учить *телефонному* дѣлу; всѣ унтеръ-офицеры должны уметь руководить работой по устройству проволочной сѣти, *землянки, перехода через канаву сухую* и съ проточной водой и т. п. Если внимательно прочесть §§ 237 по 240 «офицерскаго» Наставленія, то нетрудно замѣтить, что характеръ ихъ изложенія и самый языкъ приноровлены для пониманія и усвоенія унтеръ-офицерами.

Вернувъ прежнее названіе Наставленію для нижнихъ чиновъ по войсковому *инженерному* дѣлу, слѣдуетъ въ это Наставленіе включить всѣ тѣ §§ изъ «офицерскаго» Наставленія по военнымъ сообщеніямъ, телефонамъ и бивачнымъ постройкамъ, которые должны быть признаны обязательными для знанія унтеръ-офицерами не только пѣхоты, но и кавалеріи и фейерверкерами въ артилеріи.

Въ Наставленіи для нижнихъ чиновъ пѣхоты необходимо помѣстить описаніе устройства и способа примѣненія ручныхъ гранатъ; иначе придется каждому нижняго чина учить этому передъ тѣмъ, какъ ему во время штурма необходимо будетъ гранату примѣнять въ дѣло.

Въ Наставленіи для нижнихъ чиновъ кавалеріи, кромѣ краткихъ свѣдѣній по саперному дѣлу, слѣдуетъ помѣстить необходимыя свѣдѣнія по телефонному дѣлу, по подрывному и по мосто-

вому; послѣднее въ смыслѣ примѣненія подручныхъ матеріаловъ для легкаго устройства переправъ черезъ рѣчки и пользованія поплавками Полянскаго. Телеграфное дѣло намѣренно опускаю, такъ какъ считаю, что не только въ кавалеріи, но и въ инженерныхъ войскахъ, пора отказаться отъ изученія и примѣненія на войнѣ въ нашей арміи телеграфнаго сообщенія, замѣнивъ его сообщеніемъ телефоннымъ. Объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ отдѣльно.

Что касается «офицерскаго» Наставленія (1910 года), то считалъ бы полезнымъ помѣстить еще одинъ отдѣлъ (пятый)—свѣдѣнія по подрывному дѣлу въ предѣлахъ, необходимыхъ для офицеровъ кавалеріи, конечно, избѣгая всякихъ формулъ. Этотъ отдѣлъ будетъ не бесполезенъ и для офицеровъ пѣхоты, но для нихъ онъ долженъ быть необязательнымъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ частностямъ.

Въ главѣ первой необходимо *практически* выяснить время, нужное для постройки пулеметныхъ и орудійныхъ окоповъ, въ предположеніи, что для этого назначаются *одни только* пулеметчики или артиллеристы при *своёмъ* собственномъ большомъ *возможномъ инструментѣ*; что касается всѣхъ другихъ боевыхъ построекъ (стрѣлковыхъ окоповъ, наблюдательныхъ пунктовъ и пр.), то во всѣхъ наставленіяхъ для каждой постройки необходимо приводить среднее время для ея возведенія.

Въ редутахъ пора бы окончательно отказаться отъ наружнаго рва. Наставленіемъ сдѣлана уже скромная попытка въ этомъ направленіи: наружный ровъ поставленъ въ послѣднюю очередь работъ. Такъ, на страницѣ 67 сказано: «Послѣ окончанія работъ внутри редута... отрывается наружный ровъ. Для *одновременной* отрывки *внутренняго и наружнаго* рвовъ, съ цѣлью ускоренія постройки редута, необходимо *сразу назначать не менее 2-хъ баталіоновъ*».

Работъ внутри редута такъ много и для окончанія ихъ пойдетъ такъ много времени, что врядь-ли его много останется для отрывки наружнаго рва; два баталіона рабочихъ для постройки укрѣпленія на одну всего роту почти никогда въ боевой обстановкѣ не удастся выдѣлить, а потому оба пожеланія заключаютъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ совѣтъ и не приступать къ постройкѣ наружнаго рва. Если это такъ, то лучше откровенно и категорично отказаться отъ него и воспретить его строить.

Вопросъ этотъ можетъ показаться мелочнымъ, не стоящимъ вниманія; но если въ полевой войнѣ не отказываются отъ жела-

тельности, а иногда и необходимости имѣть опорные пункты—редуты на укрѣпленной позиціи, то избавленіе войскъ отъ напрасной, а, по моему мнѣнію, и вредной работы—отрывки наружнаго рва, особенно въ ущербъ работамъ настоятельной необходимости, не слѣдуетъ считать лишнимъ.

Наружный ровъ редута на одну роту стрѣлковъ (черт. 44 *a* и *b* разсматриваемаго Наставленія стр. 62) требуетъ ни много, ни мало, какъ 150 куб. сажень отрывки, тогда какъ ровъ, *сохраняющій бойцовъ* къ моменту штурма, т. е. ровъ внутренній—*вдвое меньше*.

При непрерывной работѣ 900 человекъ (въ двѣ смѣны) наружный ровъ можетъ быть отрытъ по истеченіи лишь 11—12 часовъ, конечно, не при томъ неисполнимомъ условіи, принимаемомъ учебниками, что *всѣ рабочіе* снабжены *большими* лопатами; въ дѣйствительности на всѣ работы (внутри и снаружи) одного редута на полковомъ участкѣ едва ли удастся отдѣлить 100—150 большихъ лопатъ (полковыхъ—изъ общаго числа ихъ въ 256) и столько же изъ отдѣленія полевого инженернаго парка.

Спрашивается: необходимо ли затрачивать на наружный ровъ такой большой трудъ, производителенъ ли онъ; не лучше ли, съ боевой точки зрѣнія, примѣнить его внутри редута; какова польза наружнаго рва и не будетъ ли онъ намъ вреденъ, а противнику полезенъ?

На полезную и необходимую *боевую* постройку *должно* затратить *какой угодно* трудъ, но нельзя создавать постройки, для насъ вредныя.

Въ настоящее время, когда въ полевой войнѣ сдѣлалось нормальнымъ участіе полевыхъ гаубицъ и даже тяжелыхъ (осадныхъ) пушекъ, несущихъ бомбы и шрапнели, имѣющія крутыя траекторіи при паденіи, настоятельно необходимо глубокія отрывки производить не для образованія наружнаго рва, а внутри редута, чтобы дать возможность гарнизону редутовъ сохранить бодрость и спокойствіе къ моменту штурма, такъ какъ только при этомъ онъ будетъ въ силахъ исполнить свою трудную задачу: послѣ сосредоточеннаго, усиленнаго артилерійскаго обстрѣливанія шрапнелью, гранатами и бомбами въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а можетъ быть и дней, сохранить физическія и моральныя силы и отбросить штурмующую пѣхоту противника, возможно, что не разъ и не два

Чѣмъ *глубже* будетъ *внутренній ровъ* и ходы сообщенія редута, тѣмъ болѣе гарнизонъ его будетъ предохраненъ отъ пораженій орудійнымъ огнемъ и тѣмъ меньшія будутъ у него потери.

Въ этомъ отношеніи, конечно, наружный ровъ не играетъ никакой роли и, какъ далѣе будетъ видно, можетъ быть полезенъ одному только атакующему.

Считаютъ, что наружный ровъ представляетъ атакующему препятствіе. Полагаю, что весьма малое: что же значить спуститься, допустимъ даже, *неудачно скатиться*, въ ровъ въ три аршина глубины (съ весьма некрутыми спусками) и затѣмъ подняться, *послѣ возможнаго отдыха здѣсь*, на высоту 2¹/₂ аршинъ? Увѣряютъ даже, что это послѣднее препятствіе еще и обороняется ручными гранатами. Такъ ли все это?

Не явится ли ровъ этотъ, предупредительно, собственными руками обороняющагося созданнымъ закрытіемъ, дабы врагъ могъ здѣсь найти хоть краткій, но такъ необходимый ему отдыхъ и передышку послѣ пережитаго имъ ужаса и разстрѣла съ редута въ упоръ при атакѣ, чудомъ спасающагося и ринувшагося, наконецъ, въ спасительный для него наружный ровъ, гдѣ пуль ужъ больше нѣтъ и откуда врагъ этотъ, послѣ отдыха, навѣрное не преминетъ пробраться по наружному же рву къ горжѣ, чтобы съ тылу штурмовать редутъ; а извѣстно какое впечатлѣніе и результатъ производить на защитниковъ появленіе противника съ тыла!

Однако, говорятъ, непріятеля, попавшаго въ наружный ровъ, нетрудно забросать ручными гранатами и сдѣлать пребываніе его тамъ нестерпимымъ. На словахъ это, можетъ быть, выходитъ хорошо, но на дѣлѣ, пожалуй, не такъ.

Бросить въ наружный ровъ ручную гранату изъ-за бруствера редута, даже при условіяхъ штурма его, нетрудно, но много ли брошенныхъ гранатъ ударятся головою частью о грунтъ, разорвутся и нанесутъ тѣ или другія пораженія находящимся во рву—это вопросъ, который и *слѣдовало бы разрѣшить* лѣтомъ *практическимъ путемъ* какъ у саперъ, такъ и въ пѣхотныхъ полкахъ. Необходимъ отпускъ ручныхъ гранатъ на этотъ опытъ въ числѣ хотя бы на три опорные пункта (т. е. на три роты военного состава—примѣрно 500--600 штукъ) въ *каждомъ военномъ округѣ*. Бросаніе должно быть произведено въ предположеніи тѣхъ боевыхъ условій, которыя имѣлись бы въ дѣйствительности во время производства штурма редута противникомъ: быстро, безъ показыванія стрѣлка изъ-за бруствера, безъ предварительной подготовки.

Мишени должны быть поставлены въ наружномъ рвѣ не сплошь, а группами, соответственно избранному моменту штурма, напримеръ, когда одна часть атакующаго—группой успѣла добѣжать, допустимъ, до середины лѣваго фаса, съ праваго фаса—одна до напольнаго исходящаго угла, другая—до угла горжи и, наконецъ, одна—въ напольномъ фасѣ. Мѣста мишеней не должны быть извѣстны коменданту и всѣмъ обороняющимся: бросать гранаты слѣдуетъ слѣпно, такъ какъ главная обязанность всѣхъ защитниковъ въ это время должна заключаться также въ веденіи энергичной стрѣльбы противъ атакующаго, еще не добѣжавшаго до наружнаго рва.

Эти опыты покажутъ, насколько вѣрны предположенія тѣхъ, которые надѣются защищать наружный ровъ ручными гранатами, и какое большое количество послѣднихъ потребно для этого. Конечно, при изобрѣтеніи *гранаты лучшей системы*, положеніе измѣнится.

Параллельно съ этимъ необходимо также произвести опыты бросанія ручныхъ гранатъ со стороны *атакующаго* въ опорный пунктъ, для опредѣленія—на какомъ разстояніи отъ линіи огня слѣдуетъ располагать искусственныя препятствія.

Обстановка опытовъ и здѣсь должна быть возможно ближе къ боевой: врядъ ли каждый атакующій донесетъ больше одной гранаты; бросаніе гранатъ допускать не иначе, какъ въ положеніи лежа; переводъ гранаты на боевой взводъ и самое бросаніе должны дѣлаться быстро; мишени у обороняющагося должны быть поставлены вплотную къ внутренней крутости бруствера, для изображенія защитниковъ редута, ведущихъ энергичную стрѣльбу.

Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, необходимо послѣдовательный порядокъ *одиночнаго* бросанія гранатъ, во время котораго всѣ должны прятаться въ ямы, заготовленныя около каждаго «штурмующаго».

Страница 69-я «офицерскаго» Наставленія указываетъ: «если матеріала для устройства искусственныхъ препятствій достаточно, то ихъ слѣдуетъ располагать *не ближе 50 шаговъ*, чтобы *противникъ*, дойдя до нихъ, *не могъ поражать* защитниковъ редута *ручными гранатами*».

Надо полагать, что: во первыхъ, не такъ много ручныхъ гранатъ атакующимъ будетъ донесено къ самому редуту, а часть ихъ въ суматохѣ боя будетъ брошена безъ установки на боевой взводъ; во вторыхъ—не такъ легко при помощи бросанія рукою попасть

гранатою куда желательно; въ третьихъ—самое главное, что въ *положеніи* лежа, послѣ перебѣжекъ, послѣ сильнаго физическаго и нравственнаго утомленія, хорошо, если удастся бросить гранату на 12—15 шаговъ.

Такая трудная операція, каковой является штурмъ редута, въ предстоящихъ войнахъ несомнѣнно будетъ происходить въ большинствѣ случаевъ ночью, съ расчетомъ закончить къ разсвѣту: въ темнотѣ, не зная разстояній до цѣли, еще труднѣе использовать ручныя гранаты съ надеждой на успѣхъ.

Поэтому полагалъ бы, конечно если опыты подтвердятъ пожеланіе, располагать препятствія не ближе *15 шаговъ отъ* линіи огня, что позволить затрачивать на устройство препятствій въ *полтора раза* меньше матеріала, рабочихъ и времени.

При той массѣ работы, которая требуется для укрѣпленія полевой позиціи, при томъ громадномъ количествѣ проволоки, которая идетъ на ту же потребность, всякое уменьшеніе количества рабочихъ, матеріала, а тѣмъ болѣе—времени, конечно безъ ущерба обороноспособности позицій,—крайне желательно.

§ 56—Проволочная сѣть устраивается изъ колевъ длиною—малые 2 арш., и большіе— $2\frac{1}{2}$ арш. На чертежѣ 53а высота кола надъ поверхностью земли показана въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Мнѣ кажется, что *эта высота чрезмѣрна*: для опытовъ, обученія и маневровъ по преодолѣнію пѣхотою проволочной сѣти эта высота только, только удовлетворительна, такъ какъ въ этихъ случаяхъ нижніе чины обыкновенно бодры, не утомлены, встрѣчныхъ выстрѣловъ нѣтъ, а потому здѣсь позволительна какая угодно гимнастика, прыжки, перелѣзанія при полномъ со стороны каждаго вниманіи, дабы не порвать какъ нибудь казенной одежды.

Боевыя условія будутъ другія, а потому, казалось бы, возможно измѣнить самую систему устройства проволочной сѣти, особенно принимая во вниманіе ночные штурмы, когда нельзя каждый разъ ставить свою ногу, какъ въ мирное время, въ промежутокъ между проволоками: высоту колевъ уменьшить на половину, но за то вдвое увеличить число колевъ, т. е. оплетеніе (въ планѣ) сдѣлать вдвое гуще. Съ наружной стороны всей проволочной сѣти, въ разстояніи отъ наружнаго края ея 5-ти и затѣмъ 10-ти шаговъ, на высотѣ $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ аршина, протягивать проволоки на прочно забитыхъ кольяхъ, нанизывая на проволоки тѣ или другіе предметы (колокольчики, бутылки и т. п.), издающіе при сотрясеніяхъ звуки.

Волчьи ямы (§ 63 «офицерскаго» Наставленія) полагалъ бы изъ примѣненія вовсе исключить, какъ приносящія пользу одному атакующему, который найдетъ въ нихъ, какъ и въ наружномъ рвѣ, спасительное для себя, хотя бы для отдыха, укрытіе.

Во всѣхъ учебникахъ фортификаціи указываются мѣры противъ парализованія вреднаго вліянія необстрѣливаемыхъ съ главной позиціи пространствъ, т. к. всякія естественныя закрытія передъ позиціей въ видѣ лощинъ, овраговъ, промоинъ, ямъ и тому подобныхъ естественныхъ углубленій, вредны для обороняющагося; зачѣмъ же такія вредныя углубленія въ видѣ наружнаго рва, въ видѣ волчьихъ ямъ и пр., создавать своими собственными руками въ явный вредъ себѣ и на пользу своему врагу?

Про всю II-ю главу «офицерскаго» Наставленія, тракующую о примѣненіи самоокапыванія при наступленіи, объ общихъ основаніяхъ при укрѣпленіи полевыхъ позицій и обязанностяхъ войсковыхъ начальниковъ во время работы и во время боя,—желательно въ печати слышать мнѣнія со стороны войсковыхъ начальниковъ. Этотъ отдѣлъ долженъ быть вполнѣ согласованъ съ будущимъ полевымъ уставомъ; быть можетъ даже этому отдѣлу здѣсь не мѣсто и его слѣдуетъ перенести въ полевой уставъ, оставивъ здѣсь все то, что касается производства *работъ* при укрѣпленіи позиціи, но *не самаго боя*. До изданія же новаго полеваго устава отдѣлъ этотъ здѣсь сохранить необходимо, такъ какъ въ дѣйствующемъ полевымъ уставѣ 1904 года объ этомъ вопросѣ сказано недостаточно.

Изъ частей II, III и IV, какъ сказано мною въ началѣ этой замѣтки, нѣкоторые параграфы по военнымъ сообщеніямъ, телефонамъ и бивачнымъ постройкамъ слѣдуетъ помѣстить и въ наставленіи для нижнихъ чиновъ, въ свѣдѣніяхъ, обязательныхъ для унтеръ-офицеровъ. Какіе именно параграфы (съ соотвѣтствующей переработкой текста для лучшаго пониманія и усвоенія нижними чинами) слѣдуетъ туда перенести,—должны опредѣлить лица, вѣдающія редакціей этихъ наставленій.

Наконецъ—желательно добавить, повторяю, отдѣлъ V-й—подрывное дѣло.

И. Исаковъ.

Физическія упражненія въ войскахъ съ гигіенической точки зрѣнія.

I.

Военныя физическія упражненія безспорно имѣютъ большое значеніе для арміи. Нужны вѣдь люди ловкіе, крѣпкіе, выносливые, могущіе совершать длинныя переходы и противостоятъ утомленіямъ военнаго времени, однимъ словомъ, тренированныя. Но такіе хорошіе результаты получаются лишь въ томъ случаѣ, если упражненія ведутся въ строгой послѣдовательности; наоборотъ, результаты получаются совершенно обратныя, когда упражненія или слишкомъ продолжительны, или слишкомъ форсированы. Возьмемъ молодого солдата, который прибываетъ въ полкъ, и предположимъ, что онъ хорошаго тѣлосложенія и достаточно силенъ; но, если ему придется сдѣлать длинный переходъ, онъ скоро утомится, потому что не тренированъ. Тотъ же самый солдатъ, когда пройдены правильныя и постепенно прогрессирующія упражненія, переноситъ безъ усталости упражненія гораздо болѣе тяжелыя, чѣмъ первоначально. Человѣкъ, который не привыкъ къ ходьбѣ или бѣгу, но принужденъ скоро ходить или бѣгать, быстро задыхается; дыханіе и біеніе сердца значительно ускоряются и быстро наступаетъ усталость; у людей же тренированныхъ отдышка и усталость появляются только вслѣдъ за слишкомъ утомительными упражненіями. Вотъ усталость то и есть то ощущеніе, которое предостерегаетъ противъ опасности переутомленія, все равно какъ чувство голода предупреждаетъ истощеніе.

Ощущеніе усталости, слѣдующей за физическими упражненіями, какъ это установлено фізіологіей, слагается изъ мышечнаго и нервнаго факторовъ: мышцы, которыя много разъ сокраща-

лись (работали), становятся чувствительными къ давленію и даже болѣзненными; въ тоже время происходитъ ослабленіе нервной системы, какъ бы нѣкоторая мозговая усталость. Упражненія поэтому становятся тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе напряженнаго вниманія они требуютъ; ночные переходы, на примѣръ, тяжелѣе дневныхъ, такъ какъ они требуютъ постояннаго напряженія вниманія. За усталостью, доведенной до высокой степени, слѣдуетъ затѣмъ чувство разбитости: головная боль, потеря аппетита, иногда бываетъ и лихорадка. Всѣ эти явленія происходятъ вслѣдствіе измѣненій въ сокращавшихся мышцахъ и задержки въ организмѣ ненужныхъ веществъ, образующихся въ бѣльшемъ количествѣ при усиленной работѣ.

Мнѣ кажется, стоитъ ближе познакомиться съ тѣми измѣненіями, которыя наступаютъ въ самомъ мускулѣ во время его сокращенія. Явленія эти—троякаго рода: 1) физическія, 2) химическія и 3) фізіологическія. Физическія явленія заключаются въ укороченіи мышцъ, отъ чего сухожилія, связанныя съ сокращающимися мышцами, стягиваются, находящіяся въ мышцахъ нервы испытываютъ тренія, а прилежащія нервы и кровеносные сосуды подвергаются давленію.

Кромѣ этихъ чисто механическихъ явленій, въ работающей мышцѣ наблюдаются и другіе физическіе процессы: электрическія явленія и образованіе тепла. Это доказано непосредственными изслѣдованіями на животныхъ. По общепринятому мнѣнію, увеличеніе тепла является слѣдствіемъ химическихъ процессовъ. Въ этихъ химическихъ процессахъ, происходящихъ въ самомъ веществѣ сокращающейся мышцы, главную роль играютъ тѣ соединенія, въ которыхъ участвуетъ кислородъ, необходимый для процессовъ окисленія. Положимъ, и въ недѣятельной мышцѣ, благодаря процессу питанія, всегда происходятъ тѣ же явленія окисленія, какъ и въ сокращающейся мышцѣ, но разница въ томъ, что въ сокращающейся мышцѣ эти явленія совершаются съ бѣльшей напряженностью. Подъ вліяніемъ окисленія получаютъ различные продукты, смотря по тѣмъ веществамъ, которыя послужили для нихъ матеріаломъ, причемъ образуются продукты полнаго окисленія и неполнаго.

Во время мышечной работы всѣ эти продукты образуются въ избыткѣ. Вычислено, что мышца при сильномъ сокращеніи поглощаетъ кислорода неизмѣримо больше и вырабатываетъ углекислоты въ 7 разъ больше, чѣмъ при покоѣ. Соотвѣтственно увеличенію поглощенія кислорода и пропорціонально выдѣленію

угольной кислоты увеличивается потребленіе сахара и другихъ питательныхъ веществъ. Но если мышечная работа достигнетъ особеннаго напряженія, то человѣкъ почувствуетъ усталость.

Въ этомъ случаѣ переутомившаяся мышца, благодаря ненормальнымъ условіямъ, подвергаетъ уже свои собственныя вещества окисленію и вотъ почему, въ случаяхъ продолжительнаго переутомленія, объемъ мышцы уменьшается, тогда какъ энергичныя, но не чрезмѣрныя упражненія, наоборотъ, увеличиваютъ ея массу.

Наконецъ, фізіологическія явленія выражаются во время сокращенія мышцы, главнымъ образомъ, въ притокѣ крови: при работѣ черезъ мышцу протекаетъ въ 9 разъ больше крови, чѣмъ при покоѣ ея; во время покоя мышцы блѣдны. Да и во всякомъ органѣ при покоѣ сосуды сужены, при работѣ—расширены: напр., при умственной работѣ крови въ мозгу больше, кровь приливаетъ къ желудку во время пищеваренія.

Большій притокъ крови къ дѣятельному органу увеличиваетъ его питаніе; а отъ этого увеличивается его способность къ сокращеніямъ и возрастаетъ его энергія. Такимъ образомъ, въ результатѣ увеличивается сила и выносливость упражняемой части тѣла. Но эффектъ мышечнаго сокращенія не ограничивается одной лишь упражняемой мышцей или органомъ, а производитъ дѣйствіе и на весь организмъ человѣка. Такъ, вліяніе на сердце выражается въ ускореніи кровообращенія и сердцебіенія.

Затѣмъ, при работѣ мышца нагрѣвается; отъ этого температура протекающей черезъ нее крови повышается. Послѣдняя, циркулируя по тканямъ, въ свою очередь уступаетъ имъ часть своей теплоты; повышение температуры сказывается, такимъ образомъ, въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ тѣла. При фехтованіи, напр., правой рукой, лѣвая, несмотря на бездѣятельность, въ концѣ концовъ, уравнивается въ температурѣ съ наиболѣе работавшими частями тѣла. Работающую мышцу можно сравнить съ центральной печью водяного отопленія, которая одна, съ помощью проводящихъ трубъ, нагрѣваетъ всѣ помѣщенія въ домѣ. Но горячая печь требуетъ не одного только топлива; она воспринимаетъ изъ окружающаго воздуха кислородъ и поглощаетъ его тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе разгорается печь. Тоже происходитъ и съ мышцей. Во время работы она поглощаетъ въ избыткѣ кислородъ и притомъ прямо пропорціонально энергіи, частотѣ и продолжительности ея сокращеній. Чтобы удовлетворить этому усиленному расходу кислорода, работающая мышца заимствуетъ его въ ббльшемъ количествѣ, чѣмъ при покоѣ, изъ крови, которая въ свою очередь беретъ требуемое

количество изъ атмосфернаго воздуха при помощи дыханія. Легкія должны, слѣдовательно, усиленно функціонировать, чтобы доставить крови больше кислорода и этимъ удовлетворить возрастающимъ требованіямъ.

Вотъ тотъ механизмъ, по которому оживленная дѣятельность (функція) мышцы влечетъ за собой усиленную дѣятельность легкихъ и въ частности, возбуждается учащенное вдыханіе. Скопленіе же выдѣляемой углекислоты, съ другой стороны, учащаетъ выдыханіе. Усиленіе дыхательной дѣятельности во время мышечныхъ упражненій прямо пропорціонально количеству произведенной въ данное время работы, таковъ законъ Лагранжа. Знаніе этого закона полезно не только для того, чтобы помощью упражненій усилить дыхательную дѣятельность, но иногда также для того, чтобы избѣжать этого. Усиленіе дыханія легко приводитъ у нѣкоторыхъ субъектовъ къ появленію одышки со всѣми вредными послѣдствіями для сердца и легкихъ: при угрожающей одышкѣ слѣдуетъ стараться объ ограниченіи у него упражненій.

Подъ вліяніемъ хорошо выполненныхъ, а, главное, соразмѣренныхъ съ силами даннаго субъекта, упражненій, мышцы укрѣпляются, движенія становятся болѣе легкими, вызвать чувство усталости и разбитости значительно труднѣе; субъектъ научается дышать, грудная клѣтка развивается и ощущеніе одышки появляется только послѣ сильныхъ и продолжительныхъ упражненій; въ противномъ случаѣ наступаютъ гибельныя послѣдствія, которыя извѣстны подъ именемъ переутомленія.

Переутомленіе можетъ быть острымъ и хроническимъ. Острому переутомленію солдатъ подвергается въ исключительныхъ случаяхъ; напримѣръ, когда онъ совершаетъ форсированные переходы, особенно, въ жаркое время, подъ вліяніемъ продолжительнаго бѣга; въ этихъ случаяхъ, въ концѣ концовъ, если не остановиться во время, можетъ наступить смерть отъ паралича сердца.

Чаще наблюдается у солдата хроническое переутомленіе. Появляется оно послѣ очень старательно веденнаго обученія, послѣ утомительныхъ маневровъ (въ гористыхъ мѣстахъ, напр.); а при обычныхъ условіяхъ военной жизни оно можетъ обнаружиться у молодыхъ солдатъ, нѣсколько слабыхъ, не вполне развившихся, которые переносятъ упражненія не такъ хорошо, какъ ихъ товарищи, а въ особенности, если питаніе ихъ недостаточно. Хроническое переутомленіе выражается исхуданіемъ, общимъ ослабленіемъ и глубокимъ, постояннымъ чувствомъ усталости; черты лица вытянуты; кожа и слизистыя оболочки блѣдны; часто бываетъ уско-

режное сердцебіеніе и одышка; въ этомъ состояніи солдатъ легко становится жертвой заразныхъ болѣзней.

Между различнаго рода физическими упражненіями наиболѣе важной съ точки зрѣнія военной гігіены, несомнѣнно, является маршировка. Пѣхота составляетъ главную массу въ арміи и она то подвергается наибольшимъ трудностямъ. Въ продолженіе длинныхъ переходовъ, которые приходится дѣлать, пѣхотинецъ долженъ нести свое оружіе, аммуницію и вещи.

Когда собираются идти, всѣ мышцы туловища должны сократиться, чтобы тѣло могло двинуться впередъ при помощи мышцъ нижнихъ конечностей. Когда останавливаются, необходимо, чтобы мышцы туловища также сократились и перенесли центръ тяжести назадъ. Отсюда слѣдуетъ, что остановки вызываютъ потерю работы, чѣмъ и объясняется, почему ходьба такъ утомительна, когда двигаются въ колоннѣ, когда надо останавливаться, затѣмъ вновь двигаться далѣе, когда, однимъ словомъ, колонны подтягиваются. На это обращаетъ серьезное вниманіе генераль Драгомировъ; онъ говоритъ, что «приказывать людямъ добѣгать, не останавливая головы колонны, весьма вредно, ибо крайне утомляетъ ихъ».

Вообще надо замѣтить, что ходьба, являясь самымъ обычнымъ видомъ тѣлесныхъ упражненій для пѣхотинца, представляетъ весьма тяжелую мышечную работу. Поэтому, для того, чтобы составить болѣе ясное представленіе о ней, прежде всего необходимо точно обозначить количество механической работы, совершаемой во время ходьбы, и выразить это количество въ цифрахъ. Механика для этого пользуется опредѣленной единицей измѣренія, названной «килограммометръ», подъ которой разумѣтся количество работы, необходимое для поднятія тяжести въ одинъ килограммъ вѣсомъ на одинъ метръ высоты. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ— сколько килограммометровъ работы производитъ нашъ пѣхотный солдатъ во время похода въ опредѣленный срокъ времени и при полномъ походномъ снаряженіи?

Докторъ Гиршфельдъ («Военный Сборн.» 1872 г. № 2 стр. 360), принявши вѣсъ солдата въ 154,4 русск. фунта (3 п. 36, 4 ф.), вѣсъ полного походнаго снаряженія въ 76^{1/2} ф., длину шага въ 15 верш. и скорость—100 шаговъ въ минуту, нашелъ, что мышечный трудъ солдата въ походѣ равняется: въ продолженіе 5 час.—343200 килогрмтр. или 68640 пудофутамъ. Slѣдовательно, въ теченіе двадцативерстнаго дневнаго перехода, совершаемаго въ 8 час., изъ которыхъ 5 час. ходьбы и 3 часа отдыха, нашъ солдатъ производитъ 68640 пудофутовъ работы. Допустимъ даже, что лишь половину

этой величины солдатъ совершаетъ при переходѣ въ 20—25 верстъ, т. е. около 30000 пудофутовъ или 4312,5 пудосаженей (150000 кгрмтр.), то и эта послѣдняя величина должна считаться предѣльной величиной работы.

«Есть свидѣтельство, говоритъ профессоръ Доброславинъ (Военная гигиена, стр. 701 и 702), о возможности дойти до 30000 пудофутовъ или 4312,5 пудосаженей (150000 кгрмтровъ) работы въ день, но такого рода усиленіе мы не можемъ предполагать мыслимымъ въ мирное время, когда нѣтъ необходимости въ форсированныхъ маршахъ.

Когда же является эта необходимость, тогда, конечно, работа доводится до 30000 пудофутовъ или 4312,5 пудосаженей (150000 кгрметровъ) и выше.

Въ такихъ крайнихъ случаяхъ законы войны главенствуютъ, но выдерживаютъ эти крайнія условія лишь болѣе крѣпкіе организмы».

При ходьбѣ, какъ и при всякой другой мышечной работѣ, наибольшая дѣятельность выпадаетъ на долю легкихъ и сердца.

Слѣдовательно, и чрезмѣрно утомительныя походныя движенія прежде всего неблагопріятно отзываются на этихъ важныхъ для жизни и здоровья органахъ.

По изслѣдованіямъ англійскаго врача Эдварда Смита, количество воздуха, вносимаго въ легкія въ единицу времени при различныхъ положеніяхъ человѣка, при покоѣ и дѣятельности, будетъ весьма неодинаково. Такъ, если принять это количество при лежащемъ положеніи за—1, то въ сидячемъ положеніи оно будетъ равняться уже—1,18; въ стоячемъ—1,33; при ходьбѣ со скоростью одной мили въ часъ оно равно—2; а при двухъ миляхъ въ часъ—2,76.

Рядомъ и до нѣкоторой степени параллельно съ усиленіемъ дыхательной дѣятельности идетъ и усиленіе дѣятельности сердца. При очень ускоренной ходьбѣ пульсъ можетъ достигать 160 и даже больше ударовъ въ минуту. Между тѣмъ извѣстный англійскій гигиенистъ Парксъ 120—140 сокращеній сердца въ минуту признаетъ уже непосильной для него работой, нарушающей фізіологическое равновѣсіе въ дѣятельности сердца. Поэтому всякое такое утомленіе должно сопровождаться послѣдующимъ отдыхомъ. Если же мышечная работа была чрезмѣрно тяжела по напряженности своей или по продолжительности, то дѣятельность сердца можетъ нарушиться надолго и даже навсегда.

Въ виду столь вредныхъ послѣдствій для организма отъ чрезмѣрно утомительныхъ походныхъ движеній, а также съ чисто прак-

тическими цѣлями, конечно, внесеніе какого-либо порядка въ этотъ чрезвычайно важный отдѣлъ военной службы нужно признать весьма желательнымъ. Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ приняты извѣстнаго рода узаконенія, которыми обуславливается какъ длина шага, такъ и темпъ его, т. е. число шаговъ въ минуту, а также и величина проходимыхъ въ часъ и въ сутки пространствъ.

Въ «Тактикѣ» Левицкаго (изд. 1894 г. стр. 8) говорится, что «пѣхота шагомъ дѣлаетъ отъ 116 до 120 шаг. въ минуту, бѣгомъ отъ 170 до 180 шаг. въ минуту въ продолженіе не болѣе 2 минутъ.

Для расчета походныхъ движеній онъ принимаетъ, что пѣхота «при благоприятныхъ условіяхъ можетъ двигаться со скоростью 4 версты въ часъ; средняя величина суточного перехода—20—25 версты».

Гудимъ-Левковичъ (Курсъ элементарной тактики 1887 г. вып. 1 стр. 119) считаетъ обыкновенный шагъ нашей пѣхоты въ 16¹/₂ верш. длины, 116—120 въ минуту и бѣглый шагъ—24¹/₂ верш. длины, 170—180 въ минуту и не долѣе 1—2 минутъ.

По Драгомирову (Тактика изд. 1879 г.) наша пѣхота со 100 шагами въ минуту дѣлаетъ 4 версты въ часъ, 20—25 версты въ сутки, 100 версты въ недѣлю. Скорый шагъ при 125 въ минуту можетъ дать до 5 версты въ часъ. По заявленію нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ людей, практически знакомыхъ съ дѣломъ, скорость движенія нашей пѣхоты, при хорошей дорогѣ и другихъ благоприятныхъ условіяхъ, можетъ быть легко доведена до 4¹/₂ и даже до 5 версты въ часъ безъ замѣтнаго обремененія людей, основываясь на томъ, что при большей быстротѣ движенія можно дѣлать чаще и отдыхи и тѣмъ уничтожать неблагоприятную сторону ея—большую утомляемость. У насъ существуетъ дѣленіе шага на шагъ «въ ногу» и «вольный». Шагъ «въ ногу» требуетъ большаго напряженія мышцъ и вниманія. При немъ солдатъ долженъ нести ружье извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ, а не такъ, какъ ему это удобнѣе, и притомъ, по возможности, избѣгать обычнаго колебательнаго движенія туловища: верхняя часть корпуса остается напряженной. Напряженіе мышцъ, совершающихъ эту побочную работу, дѣлаетъ такую маршировку болѣе утомительной и требующей болѣе частыхъ отдыховъ. Кромѣ того, постоянное вниманіе, которое требуется для того, чтобы слѣдить за шагомъ своихъ сосѣдей, за темпомъ всего марширующаго отряда, вызываетъ еще большую усталость.

Поэтому, свободное и непринужденное маршированіе, такъ называемый—«вольный шагъ», имѣетъ съ гигиенической точки зрѣ-

нiя громадное преимущество. И у насъ, согласно уставу, «въ походахъ полагается людямъ идти свободно, но держаться своихъ мѣстъ и не оттягиваться».

Человѣкъ не такъ быстро утомляется во время ходьбы, если вниманiе его отвлекается окружающими предметами и картинами, а не занято, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобы не сбиться съ ноги, т. е. самымъ процессомъ хожденiя. Всякiй на себѣ замѣчалъ, конечно, какъ длиненъ и утомителенъ кажется путь, когда идешь одинъ, и какъ тотъ же путь становится менѣе замѣтнымъ, когда совершается въ прiятной компанiи. Развлеченiе вниманiя людей, не утомляя его, во время движенiя, всегда является дѣйствительнымъ средствомъ уменьшить утомительность этого движенiя.

Влiянiе нравственнаго настроенiя на усталость хорошо понималъ также знаменитый своими походными движенiями Суворовъ, судя по слѣдующимъ словамъ его приказа: «Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей барабанъ, музыка греми!» (Драгомировъ. Тактика стр. 453).

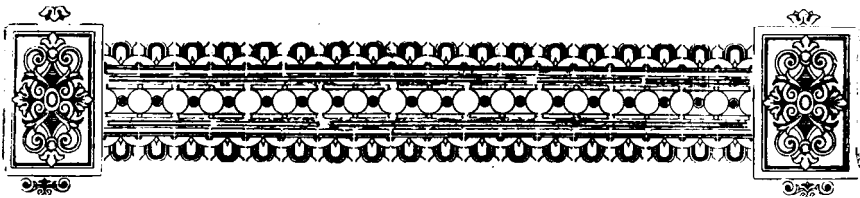
Что касается постановки ногъ при ходьбѣ, то выгоднѣе всего касаться земли сначала пяткой, а затѣмъ и тотчасъ же остальной частью стопы; послѣднимъ долженъ касаться земли большой палецъ. Если же касаться земли прежде пальцами, — шагъ «съ носка», то при этомъ затрачивается непроизводительно излишняя мышечная сила.

Чѣмъ ускореннѣе маршъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ быть продолжителенъ по причинѣ все болѣе и болѣе увеличивающейся траты силъ, вслѣдствiе возрастающаго сопротивленiя воздуха (пропорционально квадрату скорости), а также и тренiя опирающейся на землю ноги. Ускоренные марши представляютъ выгоду на небольшихъ только разстоянiяхъ, пройдя которыя, они замедляются сами собой, помимо воли человѣка, вслѣдствiе скоро наступающаго утомленiя, что особенно рѣзко наблюдается при бѣгломъ шагѣ.

Бѣгъ отличается отъ простаго хожденiя тѣмъ, что при немъ одна нога ставится на землю тогда, когда другая уже отдѣлилась отъ земли; слѣдовательно, при бѣгѣ бываетъ моментъ, когда обѣ ноги не касаются земли и тѣло, такъ сказать, виситъ въ воздухѣ. Въ противоположность этому, при обыкновенной ходьбѣ бываетъ моментъ, когда тѣло опирается на обѣ ноги и чѣмъ ускореннѣе ходьба, тѣмъ моментъ этотъ короче.

« П. Л.—бъ.

ШВЕДСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Ва послѣдніе годы спортъ въ Швеціи принялъ такіе размѣры, о которыхъ раньше не могли и мечтать. Послѣ того какъ спортъ практиковался небольшимъ числомъ лицъ, теперь подъ его знаменемъ соединилась молодежь десятками тысячъ, и армія его растетъ не по днямъ, а по часамъ. Мало того, весь народъ воодушевился этимъ спортивнымъ духомъ и поддерживаетъ своимъ живымъ интересомъ это благотворное движеніе. Вся честь того, что спортъ въ Швеціи сдѣлалъ такой гигантскій шагъ впередъ, принадлежитъ безусловно полковнику В. Бальку, который уже съ молодыхъ лѣтъ съ замѣчательной энергіей работаетъ надъ его развитіемъ въ широкихъ кругахъ. Цѣли своей жизни онъ достигъ и можетъ теперь пожать лавры своего труда, видя здоровое возрожденіе всей націи на твердомъ фундаментѣ.

Ежегодно—можно даже сказать, ежедневно—устраиваются всевозможныя спортивныя состязанія во всѣхъ мѣстахъ королевства. Въ этотъ годъ были назначены, между прочими, четырехдневныя состязанія для школьной молодежи, съ 25 (12) по 28 (15) февраля въ Стокгольмѣ.

Уже давно мои хорошіе знакомые пригласили меня на эти состязанія. Я зналъ, что еще до призывного возраста молодежь до нѣкоторой степени готовится къ военной службѣ, и она-то особенно и интересовала меня. Къ счастью, обстоятельства такъ сложились, что мнѣ удалось исполнить свое желаніе.

Пробылъ я въ Стокгольмѣ всего 12 дней и за эти дни видѣлъ столько поучительнаго, что не могу не подѣлиться своими впечатлѣніями.

Четыре спортивныхъ организаціи: *Союзъ для поощренія лыжнаго спорта въ Швеціи*, *Стокгольмскій клубъ конькобѣжцевъ*, *Стокгольмскій клубъ плаванія* и *Стокгольмскій клубъ конькобѣжцевъ на парусахъ*, пригласили молодежь общихъ учебныхъ заведеній всей Швеціи и народныхъ школъ Стокгольма на состязанія въ разныхъ видахъ зимняго спорта, плаванія и стрѣльбѣ. Такія состязанія устраивались уже два послѣдніе года, но лишь между школьной молодежью Стокгольма, и притомъ только на конькахъ и на лыжахъ.

Программа была очень богата и разнообразна.

Понедѣльникъ, 20 (7) февраля. Патріотическій праздникъ въ зданіи цирка при любезномъ участіи артиста королевской оперы, г. Форселль и съ демонстраціей гимнастики отборною командою отъ разныхъ учебныхъ заведеній Стокгольма. Цѣль этого праздника—поддержка матеріальной стороны состязаній.

Суббота, 25 (12) февраля. Состязанія въ плаваніи.

Воскресенье, 26 (13) февраля. 1) Состязанія въ бѣгѣ на конькахъ съ парусами. 2) Состязанія на лыжахъ съ прыжками съ горы для разныхъ возрастовъ. 3) Вечеромъ иллюминація съ факельдугомъ на каткѣ.

Понедѣльникъ, 27 (14) февраля. 1) Состязанія на лыжахъ по мѣстности для разныхъ возрастовъ частью въ окрестностяхъ Стокгольма, частью въ дачной мѣстности Дюрсгольмъ къ сѣверу отъ столицы. 2) Состязанія въ фигурномъ катаніи на конькахъ (обязательныя фигуры).

Вторникъ, 28 (15) февраля. 1) Полевая стрѣльба на лыжахъ въ окрестностяхъ Стокгольма. Состязанія должны были происходить по стрѣлковымъ классамъ и участникамъ должно было быть не менѣе 14 л. отъ роду. 2) Состязанія на конькахъ (свободныя фигуры и на скорость). 3) Праздникъ закрытія и раздача призовъ.

Къ сожалѣнію, зима была очень малоснѣжна и какъ разъ передъ самыми состязаніями погода сдѣлалась очень теплой съ дождемъ, отчего состязанія на лыжахъ не могли состояться.

Я прибылъ въ Стокгольмъ только 23 (10) февраля и, слѣдовательно, не попалъ на праздникъ 20 (7) февраля. Конечно, мнѣ было бы интересно видѣть гимнастику отборныхъ гимнастовъ, но вполнѣнствіи я былъ вознагражденъ много разъ тѣмъ, что мнѣ удалось

видѣть уроки гимнастики въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но объ этомъ скажу позже.

Многіе, услышавъ о состязаніяхъ въ плаваніи, удивляются, какія могутъ быть состязанія зимою. Очень просто, а особенно въ Стокгольмѣ. Стокгольмъ, можетъ быть, единственный городъ во всемъ мірѣ, который имѣетъ около десятка громаднхъ купальныхъ заведеній съ большими бассейнами съ проточной, теплой водой. Самые большіе бассейны—длиною въ 23 метра и глубиною 3,5 метра въ самомъ глубокомъ мѣстѣ. Благодаря дешевизнѣ, эти заведенія доступны всѣмъ и, поэтому, полны народомъ чуть ли не весь день.

И въ другихъ городахъ существуютъ такія учрежденія, отчего и явилась на состязанія въ плаваніи молодежь и изъ другихъ городовъ.

Въ одномъ изъ самыхъ большихъ подобныхъ учреждений состоялись состязанія вечеромъ 25 (12) февраля и продолжались непрерывно болѣе 3-хъ часовъ по слѣдующей программѣ.

1) Состязанія на скорость между разными школами группами по 5 мальчиковъ отъ каждой школы. Участвовало 9 группъ, и должны были онѣ проплыть все разстояніе бассейна два раза, т. е. 46 метровъ. При оцѣнкѣ принималась сумма времени всѣхъ пяти мальчиковъ. Наибольшая скорость оказалась 2 м. 57⁴/₅ с. на 230 метровъ, что выходитъ—километръ въ 6 м. 26 с., что надо считать прямо великолѣпнымъ.

2) Состязанія въ прямыхъ прыжкахъ для младшаго возраста съ двухъ разныхъ высотъ (около 4¹/₂ арш. и 9 арш.) по одному прыжку съ мѣста и съ разбѣга. Участвовало 10 мальчиковъ.

3) Состязанія на скорость въ плаваніи на груди на 200 метровъ, для старшаго возраста. Участвовало 11 мальчиковъ; лучшая скорость—3 м. 19,9 с.

4) Тоже самое для младшаго возраста; также 11 мальчиковъ; скорость—3 м. 41,2 с.

5) Прямые прыжки для старшаго возраста. Условія такія же, какъ и для младшаго возраста. Участвовало 15 мальчиковъ.

6) Балансированіе на качающемся бревнѣ съ прыжками съ высоты около 9 аршинъ. Этотъ номеръ былъ только развлеченіемъ.

7) Состязанія на скорость на 100 метровъ для мальчиковъ младшаго возраста; способъ плаванія по собственному усмотрѣнію. Участвовало 24 мальчика и лучшая скорость была 1 м. 31,7 с.

8) Тоже самое для старшаго возраста. Участвовало 10 мальчиковъ—наилучшая скорость—1 м. 22,4 с.

9) Показные прыжки членовъ Стокгольмскаго клуба плавания.

10) Водяное поло (члены того же клуба).

Во время состязаній игралъ очень недурно духовой оркестръ одной изъ Стокгольмскихъ школъ.

Температура воды въ бассейнѣ бываетъ—18—20 гр. С. (14,5—16 гр. R.).

Программа, какъ видно, была очень богата и разнообразна. Было одно удовольствіе смотрѣть, съ какой ловкостью и умѣніемъ мальчики держались на водѣ. Не только они умѣютъ плавать быстро и разными способами, но видно, что они прошли прекрасную школу; всѣ движенія чисты, спокойны и сильны. Прыжки были на рѣдкость красивы, стильны. Понятно, что для такихъ прыжковъ требуется смѣлость, хладнокровіе и громадная власть надъ тѣломъ.

Плаваніе входитъ, между прочими отраслями спорта, въ шведскую гимнастическую систему и, поэтому, ей обучаютъ вездѣ, гдѣ только есть возможность плавать. Во флотѣ, для производства въ унтеръ-офицеры или офицеры, подвергаются извѣстному испытанію въ плаваніи и въ прыжкахъ. Также и въ сухопутной арміи плаваніе обязательно, что вполнѣ возможно, такъ какъ всѣ гг. офицеры прекрасно умѣютъ плавать и обучать плаванію.

Обученіе плаванію не ново въ Швеціи. Въ 1787 г. студентъ Упсальскаго университета, Іенсъ Сванбергъ, организовалъ въ городѣ общество плавания и лично давалъ уроки, но настоящей школы еще не было. Первое раціональное обученіе плаванію было начато въ Упсалѣ въ 1812 г. студентомъ Гралемъ, впоследствии придворнымъ проповѣдникомъ и пробстомъ. Онъ изобрѣлъ плавательный поясъ и былъ первымъ настоящимъ учителемъ плавания въ Швеціи. Въ началѣ школа не имѣла даже помѣщенія, а ученики раздѣвались прямо на берегу. Несмотря на это, она продолжала свое существованіе до сихъ поръ и имѣетъ теперь прекрасную купальню съ трамплинами для прыганія.

Ученики этой первой школы распространяли затѣмъ искусство плавания по всему государству, и школы открывались постепенно во всѣхъ городахъ. Какъ ни странно, но сама столица получила только въ 1827 году первую настоящую школу плавания. Скоро послѣ этого была открыта вторая школа, которая существовала 25 лѣтъ, когда арендный контрактъ кончился. Наконецъ, въ началѣ 1882 г., по инициативѣ оберъ-статгальтера г. Стокгольма, барона Г.афъ Уггласъ, былъ созванъ комитетъ съ цѣлью выработки проекта новой, болѣе современной, школы. Уже 23 мая того же

года проектъ былъ готовъ, по которому городъ долженъ былъ построить заведеніе для купанья и плаванія на берегу озера Мэляръ стоимостью 176,850 кронъ (88,425 руб.). Въ январѣ 1883 г. началась постройка и весною того же года можно было уже купаться въ немъ. Въ окончательномъ видѣ оно было открыто для публики 21 мая 1884 г. Здѣсь могутъ купаться нѣсколько тысячъ человѣкъ въ день.

Приемамъ плаванія обучаютъ сперва на сушѣ, большею частью во время уроковъ гимнастики. Въ началѣ приемамъ для рукъ и для ногъ обучаютъ отдѣльно, и только, когда обучающійся твердо усвоилъ ихъ отдѣльно, переходятъ на скомбинированные приемы. Движенія для однѣхъ рукъ дѣлаются въ положеніи стоя, для однѣхъ ногъ—лежа на спинѣ и для рукъ и ногъ вмѣстѣ—лежа на животѣ на особой скамьѣ. Приемы дѣлаются не въ три темпа, какъ раньше а въ четыре.

Обученіе въ водѣ идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и на сушѣ. Сначала упражняются однѣ руки, затѣмъ однѣ ноги и въ концѣ концовъ тѣ и другія вмѣстѣ, все на плавательной подушкѣ. Счетъ такой же какъ и на сушѣ. Очень важно положеніе ученика на подушкѣ, такъ какъ весь успѣхъ въ обученіи зависитъ отъ правильного положенія въ водѣ.

Для перехода на плаваніе безъ посторонней помощи употребляется плавательный поясъ. Поясъ дѣлается изъ попоннаго трока шириною около 10 см. и длиною 110—120 см. и снабжается пряжкой и крѣпкимъ кольцомъ, къ которому посредствомъ карабина прикрѣпляется веревка или легкая палка.

Трамплины для прыжковъ построены въ нѣсколько этажей: первый приблизительно на 5 арш. вышины, второй—около 9-ти и третій—около 15 арш. Прыжки бываютъ различныя. Самый простой—прямой прыжокъ головой впередъ. Болѣе трудныя уже съ вольтами впередъ или назадъ, прыжокъ впередъ съ поворотомъ назадъ, стоя на рукахъ какъ исходное положеніе и т. д. Во всѣхъ этихъ прыжкахъ требуется правильное исполненіе.

Плаваніе есть одинъ изъ самыхъ здоровыхъ и полезныхъ видовъ спорта. Можно только пожалѣть, что оно не входитъ въ наше новое наставленіе для обученія гимнастики. Въ лагерьъ подъ Краснымъ Селомъ было бы и удобно и полезно устроить школу плаванія для военно-учебныхъ заведеній съ частными курсами для гг. офицеровъ. Также и гг. офицерамъ переменнаго состава Главной фехтовально-гимнастической школы, которая лѣтомъ находится въ Петергофѣ на

берегу Финскаго залива, слѣдовало бы учиться плаванію. О Морскомъ кадетскомъ корпусѣ лишне и говорить. Весь вопросъ въ учителяхъ. Можетъ быть нашлись бы и предприимчивые люди, которые впослѣдствіи построили бы купальныя заведенія на подобіе Стокгольмскихъ для плаванія зимою. Это было бы очень полезное да, я думаю, и выгодное дѣло.

Главная заслуга искусства плаванія состоитъ въ томъ, что оно можетъ сдѣлаться средствомъ не только къ спасенію собственной жизни, но и жизни другого. Число утонувшихъ ежегодно очень велико и не подлежитъ сомнѣнію, что главная тому причина—неумѣніе плавать. Поэтому слѣдовало бы обучать въ школахъ плаванія какъ спасать утопающихъ и какъ самому спастись, попавши въ прорубь.

Императорское Россійское Общество спасанія на водахъ вывѣшиваетъ на всѣхъ пристаняхъ таблицы съ рисунками, показывающими какъ привести въ сознаніе утонувшаго, но не было ли бы болѣе рационально открыть школы плаванія въ разныхъ мѣстахъ Имперіи?

Воскресенье, 26 (13) февраля, было посвящено всевозможнымъ состязаніямъ въ самомъ Стокгольмѣ и его окрестностяхъ. Бѣгъ на лыжахъ для школьной молодежи былъ отложенъ, вслѣдствіе малоснѣжія. Присутствовать на всѣхъ состязаніяхъ было, конечно, невозможно, и я рѣшилъ отправиться рано утромъ въ шхеры около дачной мѣстности Дюрсгольмъ, въ $\frac{3}{4}$ ч. ѣзды по электрической желѣзной дорогѣ на сѣверъ отъ столицы. Мѣстность эта не только дачная, но и спортивная во всѣхъ отношеніяхъ. Все здѣсь устроено для удобствъ спортсменовъ.

Здѣсь должны были состояться состязанія на конькахъ съ парусами, на буерахъ и на автомобиляхъ; все на льду въ шхерахъ.

Отъ станціи, гдѣ мы вышли, надо было идти пѣшкомъ версты двѣ до мѣста самыхъ состязаній на фіордѣ «Большой Вярта» (Stora Värtan).

Въ 9 ч. начались состязанія школьной молодежи. Путь былъ проложенъ въ видѣ треугольника, длиною въ 5000 метровъ. Ледъ былъ очень тяжелъ; по мѣстамъ замерзшій снѣгъ, который сильно мѣшалъ развитію большой скорости.

Собралось около двухсотъ зрителей и около сотни boy-scouts Дюрсгольма были разставлены вдоль пути, чтобы не пропускать постороннихъ.

Мальчики были раздѣлены на два класса:

I кл.: старше 16 лѣтъ—участвовало 36 изъ 52 записавшихся;

II кл.: 15 лѣтъ и моложе—участвовало 17 изъ 19 записавшихся.

Передъ стартомъ всѣ мальчики были выстроены въ одну шеренгу и имъ объявлены были правила состязаній.

Результаты были для I кл.: 1-й призъ за 16 м. 8 с.; 2-й призъ за 19 м. 46 с. и т. д.

Во II кл.: 1-й призъ за 23 м. 1 с.; 2-й призъ за 23 м. 48 с. и т. д.

Какъ видно, особенно большую скорость не удалось развить, но это зависѣло, конечно, отъ плохого состоянія льда и силы вѣтра. На хорошемъ льду и при сильномъ вѣтрѣ скорость можетъ быть прямо головокружительная. Рекордъ на 10,000 метровъ оказывается 7 минутъ.

Немедленно послѣ школьничковъ состоялись состязанія на томъ же мѣстѣ между членами Стокгольмскаго клуба конькобѣжцевъ на парусахъ въ трехъ классахъ: I кл.: на 5,000 м.—15 м. 22 с.; II кл.: на 10,000 м. (2 раза весь путь)—19 м. 29 с.; и III кл.:—10000 м.—19 м. 32 с. Этотъ спортъ, конечно, не можетъ имѣть особаго примѣненія въ войскахъ, т. к. ледъ очень не долгое время бываетъ чистымъ, по крайней мѣрѣ у насъ, но какъ спортъ вообще онъ можетъ быть очень интересенъ, благодаря громадной скорости, которую можно развивать. При боковомъ вѣтрѣ можно достигнуть почти двойной скорости вѣтра и еще больше подъ 110° отъ вѣтра. Конечно, очень много зависитъ отъ умѣнія человѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ требуется большое вниманіе и напряженіе силъ.

Стокгольмскія шхеры особенно благоприятны для этого спорта, такъ какъ уже при первыхъ морозахъ осенью болѣе мелкія и спокойныя воды покрываются льдомъ, и по мѣрѣ того, какъ морозы усиливаются и снѣгъ можетъ быть покроетъ болѣе старый ледъ, замерзаютъ большіе фіорды. Поэтому случалось, что можно было всю зиму кататься на конькахъ съ парусами, такъ какъ къ веснѣ, когда начинаются оттепели, тонкій слой снѣгу на дальнихъ льдахъ скоро сходитъ.

Многое зависитъ отъ величины и формы паруса и коньковъ. Теперь употребляются почти исключительно пятиугольные паруса; прежніе четырехугольные уже очень рѣдки. Коньки длинны и низки.

Въ 12 ч. дня, здѣсь же, начались состязанія на буерахъ буернаго клуба «Боре». Участвовало нѣсколько десятковъ буеровъ четырехъ классовъ. Къ тому времени вѣтеръ значительно усилился, отчего произошло нѣсколько аварій.

Удивительно красивую картину представляютъ всё эти, съ головокружительной быстротой, мчащіеся буера. Повороты дѣлаются почти на мѣстѣ и безъ задержки.

Дистанція была 20,000 метровъ, проложена по треугольнику и лучшая скорость въ кл. I—29 м. 37 с.

Наконецъ, въ часъ дня начались состязанія автомобилей на 1 км. Участвовалъ 21 автомобиль въ пяти классахъ и принцъ Вильгельмъ Зюдерманландскій, въ V классѣ, побилъ, выигравъ конкурсъ, новый шведскій рекордъ въ 34,3 сек.

Кромѣ этихъ состязаній, было еще въ другихъ мѣстахъ нѣсколько состязаній на конькахъ на скорость и въ фигурномъ катаніи, причемъ въ послѣднемъ участвовали, на кубокъ герцогини Бедфордской, г. Торенъ, который передъ тѣмъ выигралъ въ Петербургѣ чемпионатъ Европы, г. Ротъ, который выигралъ такой же призъ въ Берлинѣ, и г. Сандаль, остававшійся дома. Всѣ они шведы. Послѣдній побилъ двухъ первыхъ въ этотъ день. Послѣ нихъ міровой чемпионъ (10 лѣтъ подрядъ) г. Сальховъ, также шведъ, показалъ свое искусство.

Были еще состязанія въ хоккей и эстафетный пробѣгъ на лыжахъ, несмотря на ужасную дорогу, такъ что состязающимся пришлось двигаться по канавамъ и т. п., гдѣ еще было немножко снѣгу.

Состязанія на лыжахъ по мѣстности также не могли состояться и въ понедѣльникъ 27 (14) февраля. Было записано около 150 мальчиковъ и десятка два дѣвочекъ.

Въ этотъ же день и во вторникъ 28 (15) были состязанія въ фигурномъ катаніи на конькахъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Выступили, конечно, только самые выдающіеся. И надо отдать справедливость этимъ даже 12-ти-лѣтнимъ мальчикамъ, что они не только умѣютъ дѣлать свои сложныя фигуры, но они дѣлаютъ ихъ элегантно, съ увѣренностью, силою и большимъ самообладаніемъ.

Во вторникъ 28 (15) февраля былъ послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ самый интересный день состязаній школьной молодежи по крайней мѣрѣ съ военной точки зрѣнія, такъ какъ въ этотъ день были состязанія въ полевой (боевой) стрѣльбѣ въ окрестностяхъ Стокгольма. Сперва было рѣшено произвести эти состязанія на лыжахъ, но и здѣсь пришлось отказаться отъ этого и продѣлать ихъ пѣшкомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ теченіе 2—2½ недѣль, прикомандировываются къ школамъ унтеръ-офицеры для обученія мальчиковъ строю и ружейнымъ приѣмамъ. Для этого имѣются деревянные ружья. Всѣ эти строевыя упражненія происходятъ исключительно внутри самой школы и никакіе парады и смотры не устраиваются.

Мальчики 13-ти и 14-ти лѣтняго возраста обучаются стрѣльбѣ уменьшенными зарядами изъ военныхъ винтовокъ. Общее наблюденіе за военными занятіями во всѣхъ народныхъ школахъ (28) Стокгольма возложено на одного маіора въ отставкѣ.

Весною производится нѣсколько довольно продолжительныхъ прогулокъ внѣ города военнымъ строемъ.

Ручной трудъ въ народныхъ школахъ столицы добровольный и производится въ вечерніе часы. Многіе не учатся ручному труду въ школѣ, оттого что они или обучаются дома ремеслу отца, или другимъ способомъ содѣйствуютъ существованію семьи. Мальчики могутъ учиться столярному, слесарному или переплетному дѣлу; дѣвочки—кройкѣ и шитью. Въ музеѣ школы выставлены всевозможныя работы дѣтей и болѣею частью онѣ прекрасно сдѣланы.

Кромѣ того, два старшихъ возраста, мальчики и дѣвочки, обучаются поварскому дѣлу, поскольку оно можетъ пригодиться въ бѣдной и средней семьѣ.

Само зданіе построено въ три этажа покоемъ; каждый фасадъ около 130 арш. длины. Классы свѣтлы, съ чудной вентиляціей, отчего нигдѣ невидно ни одной пылинки. Широкіе корридоры, арш. 6—7 ширины, проходятъ вдоль всей дворовой стороны зданія; вездѣ въ нихъ имѣются умывальники съ мыломъ и полотенцами, и дѣти не уходятъ изъ школы не умывшись. На бульварѣ, передъ самой школой, устроенъ былъ катокъ, гдѣ дѣти въ рекреаціонныя часы могли кататься на конькахъ.

«*Съверное реальное училище*», которое я видѣлъ, одно изъ первыхъ въ Швеціи. Директоръ его, г. Свibelіусъ, самъ спортсменъ и очень поощряетъ молодежь въ физическихъ упражненіяхъ и спортѣ. Онъ же былъ предсѣдателемъ комитета по устройству школьныхъ состязаній.

Въ училищѣ гимнастика прекрасно поставлена, но кромѣ того, училище имѣетъ свое добровольное спортивное общество, въ которомъ практикуются многіе виды спорта, и, между прочими, стрѣльба. Въ школьныхъ состязаніяхъ реальное училище заняло видное мѣсто и значительная часть призовъ досталась его питомцамъ.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ обученія строю и ружейнымъ приѣмамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ народныхъ школахъ, производится стрѣльба боевыми патронами съ 14-ти лѣтняго возраста. Казна даетъ извѣстное число винтовокъ военнаго образца и отпускаетъ по 5 кронъ (2½ р.) въ годъ на покупку патроновъ на каждого мальчика, выпустившаго 50 боевыхъ патроновъ на официальныхъ стрѣльбищахъ, гдѣ каждый выстрѣлъ вносится обучающимъ офицеромъ въ особый журналъ. Около Стокгольма имѣется прекрасное стрѣльбище, принадлежащее стрѣлковымъ обществамъ; на немъ помѣщается болѣе 100 мишеней и въ теченіе дня можетъ упражняться на немъ болѣе 4,000 стрѣлковъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ оно полно народа.

Карлбергское военное училище помѣщается въ старинномъ замкѣ графа Де-ля-Гарди, теперь принадлежащемъ королю, на берегу озера Мэляръ. Съ сѣвера къ замку примыкаетъ обширный липовый и дубовый паркъ, переходящій дальше въ хвойный лѣсъ, усѣянный скалами. Къ моему пріѣзду въ Стокгольмъ юнкера были отправлены на сѣверъ Швеціи, въ окрестности крѣпости Боденъ, для топографическихъ работъ и спортивныхъ занятій, и вернулись оттуда только утромъ въ день моего отъѣзда изъ Швеціи. Полевые занятія ихъ были довольно тяжелы и, кромѣ того, они всю ночь не спали, отчего они были порядочно утомлены. Несмотря на это, мнѣ показали урокъ гимнастики подъ руководствомъ капитана Валленіуса, того же самаго, который въ 1909 г. осенью въ Михайловскомъ манежѣ, на выставкѣ гимнастики и спорта, демонстрировалъ гимнастику шведскихъ офицеровъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть ихъ спортивныхъ занятій въ паркѣ, что должно было быть очень интересно, такъ какъ они уже юнкерами готовятся быть руководителями спортивныхъ занятій нижнихъ чиновъ въ своихъ будущихъ полкахъ.

Во всѣхъ этихъ трехъ учебныхъ заведеніяхъ мнѣ показали гимнастику: въ народной школѣ—7-ми лѣтнихъ мальчиковъ, въ реальномъ училищѣ—юношей 17-ти и 18-ти лѣтъ, и въ военномъ училищѣ—молодыхъ людей 20-ти—22-хъ лѣтъ. Вездѣ одна и та же система Линга, т. е. шведская. Результатъ этой гимнастики наглядно можно было прослѣдить на этихъ трехъ возрастахъ.

7-ми лѣтніе мальчики народной школы, понятно, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ мальчиковъ этого возраста. Урокъ былъ обыкновенный урокъ по извѣстной шведской схемѣ; упражненія всѣ простыя и особенная отчетливость въ исполненіи не требуется;

правильность формы движеній и отчетливое исполненіе добывается постепенно, постояннымъ исправленіемъ ошибокъ.

На другой день мнѣ удалось видѣть игру вмѣсто гимнастики, такъ какъ учительница обѣщала раньше дѣтямъ въ этотъ день устроить имъ игру. Это даже мнѣ больше понравилось, такъ какъ я уже раньше видѣлъ много уроковъ шведской гимнастики.

Игра, въ которую дѣти должны были играть, называлась «ко-раблекрушеніе» и состояла въ томъ, что учительница разставила всѣ снаряды, какіе только были въ залѣ, одинъ за другимъ въ одинъ непрерывный кругъ по всему залу. Дѣти должны были, одинъ за другимъ, перебираться съ одного снаряда на другой до конца; кто свалится на полъ, тотъ «*утонулъ*» и выходитъ изъ игры. Разставлено было, по крайней мѣрѣ, штукъ двадцать разныхъ снарядовъ: надо было лазать по канатамъ, шестамъ и лѣстницамъ, перебираться по бревну на рукахъ, вися или балансируя; въ другомъ мѣстѣ были разставлены маленькія скамеечки, въ видѣ камней: надо было перескочить съ одной на другую. Въ другомъ мѣстѣ была поставлена скамейка наклонно къ шведской стѣнкѣ; по ней надо было подниматься на четверенькахъ. Все кончилось разбѣгомъ по скамейкѣ съ прыжкомъ внизъ на полъ черезъ мѣловую черту, нарисованную на полу. Изъ 32-хъ мальчиковъ только 4 не были «спасены».

Такая игра, сама по себѣ, составляетъ цѣлый гимнастическій урокъ въ томъ отношеніи, что рѣшительно всѣ части тѣла будутъ въ работѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти пріучаются пользоваться своими силами въ различныхъ положеніяхъ и пробираться по трудной мѣстности. Съ другой стороны, если слишкомъ часто заниматься такой игрой, то само физическое развитіе можетъ принять неправильное направленіе. Поэтому, по окончаніи игры, учительница построила мальчиковъ опять для гимнастики и продѣлала съ ними нѣсколько гимнастическихъ упражненій.

Мнѣ очень понравилась эта игра. Мнѣ кажется, что она могла бы съ пользою примѣняться въ войскахъ, особенно въ лагерное время по вечерамъ, когда нижніе чины свободны отъ занятій.

Въ реальномъ и юнкерскомъ училищахъ молодые люди уже вполне развившіеся, съ прекрасной выправкой, особенно въ юнкерскомъ училищѣ, гдѣ всѣ, отъ перваго до послѣдняго, могли бы быть моделью самому требовательному скульптору. Уроки ведутся съ удивительнымъ оживленіемъ; всѣ все время заняты и не ожидаютъ долгое время своей очереди, такъ какъ на снарядахъ

всегда могутъ заниматься одновременно по нѣсколько человѣкъ и вся смѣна раздѣлена на отдѣленія, которыя чередуются между собою. Вниманіе и порядокъ образцовы; по свистку учителя всѣ какъ одинъ приостанавливаютъ упражненіе и по приказанію его мѣняютъ мѣста быстро, всегда бѣгомъ, не сталкиваясь съ товарищами. Этотъ удивительный порядокъ и дисциплина въ высшей степени готовятъ ихъ къ военной службѣ. Такъ какъ во всѣ уроки входятъ и фронтовыя упражненія, то ясно, отчего срокъ обязательной военной службы въ Швеціи можетъ быть такой короткій.

Что особенно поражаетъ у этихъ молодыхъ людей,—да, впрочемъ, у всѣхъ въ Стокгольмѣ—это ихъ эластичная походка. Такая походка достигается разными гимнастическими упражненіями, а не продолжительной ходьбой. Никто въ Стокгольмѣ не ходитъ вялымъ короткимъ шагомъ; у всѣхъ шагъ бодрый и скорый. Въ первые дни мнѣ казалось, что всѣ куда-то ужасно торопятся.

Размѣръ шага въ пѣхотѣ—85 см.=1 арш. $3\frac{1}{8}$ в. и скорость движенія шагомъ—114—116 шаговъ въ минуту или почти 6 вер. въ часъ. Размѣръ шага бѣгомъ 90 см.=1 арш. $4\frac{1}{8}$ в. и скорость движенія около 165 шаг. въ минуту или немного больше 8 верствъ въ часъ.

Очень мнѣ понравились прыжки, особенно въ Карлбергскомъ училищѣ. Прыгаютъ безъ трамплина и матраца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко и увѣренно. Прыжки бываютъ какъ при содѣйствіи рукъ, такъ и свободные, напр.: черезъ поставленную поперекъ кобылу. Во время прыжка корпусъ держится поднятый и прямо; становятся на землю увѣренно, не спотыкаясь.

Гимнастическіе залы вездѣ свѣтлы и высоки и прекрасно провѣтрены, такъ что во время бѣга или прыжковъ нисколько не видно пыли. Оборудованіе зала очень практично въ томъ отношеніи, что всѣ снаряды или прикрѣплены къ самымъ стѣнамъ или такъ устроены, что ихъ можно въ нѣсколько секундъ поднять подъ потолокъ или опустить подъ полъ. Рядомъ съ заломъ имѣется отдѣльная комната для переодеванія, а за этой комнатой—души.

Какъ выше сказано, состязанія на лыжахъ для школьной молодежи, вслѣдствіе малоснѣжія, не могли состояться. Правда, были нѣкоторыя состязанія—пробѣги по мѣстности, но результаты, конечно, были не важны.

Несмотря на это, были устроены, въ воскресенье 5-го марта (20 февр.), состязанія въ прыжкахъ съ горы для взрослыхъ.

Для такихъ упражненій построена искусственная гора, т. н. «Фискарторнсбаккенъ», внѣ города. (Рис. 12). Искусственная часть горы построена съ двумя волнистыми спусками, оканчивающимися обрывомъ для прыжка на самую гору, которая продолжается довольно крутымъ спускомъ внизъ на ледъ маленькаго озера. Высота всей горы будетъ около 50 метровъ и длина около 100—120 метровъ. Какъ видно, на искусственной горѣ имѣется два горизонтальныхъ мѣста—старта; съ верхняго старта спускаются уже старые лыжники; съ нижняго—новички и молодежь.

За нѣсколько дней до состязаній начали свозить отовсюду снѣгъ, чтобы привести гору въ надлежащій видъ, и къ воскресенью она была въ довольно хорошемъ состояніи. Погода была теплая и солнечная, отчего снѣгъ былъ липокъ и результаты, поѣтому, не столь блестящи, какъ обыкновенно. Къ тому же состязующіеся, большею частью, не имѣли передъ тѣмъ случая тренироваться.

Было три состязанія:

- 1) Общія состязанія въ прыжкахъ: три класса.
- 2) Первенство въ прыжкахъ для района Стокгольма—Упланда.
- 3) Первенство въ соединенномъ бѣгѣ по мѣстности и прыжкахъ для того же района. Бѣгъ по мѣстности произошелъ наканунѣ при очень скверномъ пути.

Общее число записанныхъ было болѣе 80 человекъ: на состязаніе № 2—14, на № 3—12; остальные на № 1.

Несмотря на плохое состояніе горы, было много удачныхъ и красивыхъ прыжковъ. Самый длинный прыжокъ оказался 33 метра (лучшій норвежскій прыжокъ—45 метровъ). Хотя и было много паденій, но надо удивляться, какъ они ловко падаютъ и не ушибаются. Понятно, что для такихъ прыжковъ требуется масса смѣлости, самообладанія и хладнокровія.

На состязаніяхъ присутствовали всѣ члены королевской семьи, такъ же какъ и датская королевская чета, гостившая эти дни въ Стокгольмѣ.

Лыжный спортъ занимаетъ чуть-ли не первое мѣсто между всѣми видами спорта, благодаря тому, что почти всѣ мышцы тѣла должны работать такъ же, какъ и ихъ первы, и производится онъ всегда на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣетъ громадное практическое значеніе, какъ средство передвиженія по всякой мѣстности въ зимнее время.

Наша родина, болѣе другихъ странъ Европы, долгое время года покрыта снѣгомъ, дистанціи громадны и дороги плохи. Поѣтому, было бы желательно, чтобы этотъ видъ спорта пріобрѣлъ право

гражданства во всемъ народѣ; чтобы онъ сдѣлался у насъ національнымъ. Въ виду этого, я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на описаніи лыжнаго спорта и его организаціи въ Швеціи.

Въ цѣляхъ развитія лыжнаго спорта существуетъ «*Союзъ для поощренія лыжнаго спорта въ Швеціи*».

Для этого:

- 1) Союзъ устраиваетъ ежегодно состязанія, національныя и интернаціональныя въ Стокгольмѣ и другихъ мѣстахъ государства;
- 2) содѣйствуетъ организаціи лыжныхъ клубовъ;
- 3) старается заинтересовать разныхъ лицъ въ провинціи для дѣйствія въ цѣляхъ союза;
- 4) заботится о томъ, чтобы въ продажѣ имѣлись дешевыя и хорошія лыжи, такъ же какъ и удобная для лыжнаго спорта обувь и т. п.;
- 5) заботится о томъ, чтобы имѣлись хорошіе руководители для молодежи.

Членскій взносъ: а) постоянныхъ членовъ—единовременно не менѣе пяти — десяти кроны; б) годовыхъ членовъ — три кроны въ годъ.

Правленіе, находящееся въ Стокгольмѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ (не менѣе 6-ти и не болѣе 10-ти) изъ Стокгольма и изъ нѣсколькихъ членовъ (не менѣе 6-ти и не болѣе 10-ти) изъ провинціи, выбранныхъ на 5 лѣтъ. Для развитія своей дѣятельности въ провинціи союзъ связанъ съ 7-ю раіонными союзами; въ эти послѣдніе входятъ всѣ общества и клубы лыжнаго спорта этихъ раіоновъ.

Кромѣ того, союзъ имѣетъ около 425 дѣйствующихъ членовъ въ разныхъ мѣстахъ провинціи, въ Финляндіи, Германіи и Англии.

Покровителемъ союза состоитъ Его Королевское Высочество Принцъ Карль и первыми почетными членами—Августѣйшіе сыновья Его Величества, Кронпринцъ и Принцъ Вильгельмъ.

Ежегодно союзъ устраиваетъ во многихъ мѣстахъ состязанія и—совмѣстно со стрѣлковымъ союзомъ—стрѣлковыя состязанія на лыжахъ.

Въ этомъ году были назначены слѣдующія состязанія:

А. Въ Стокгольмѣ.

- I) 29-го янв. (н. ст.)—прыжки съ горы.
- II) 12-го февр.—а) бѣгъ на мѣстности въ 30 километровъ;
- б) международныя состязанія въ прыжкахъ съ горы.
- III) 26—28 февр.—для школьной молодежи.

Рис. 1. Первые шаги на лыжахъ.

Рис. 2. Дѣвушки на стартѣ въ Дюрегольмѣ (громадное количество участвующихъ).

Рис. 3. Подростки на стартѣ (громадное количество участницъ видно хотя бы по номерамъ).

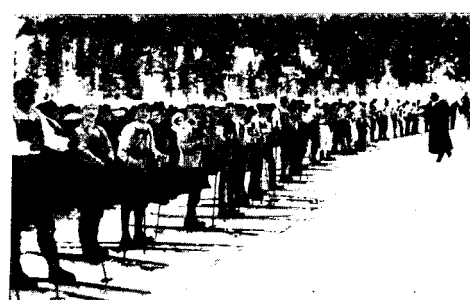

Рис. 4. Бѣгъ на лыжахъ крестьянъ (громадное количество участниковъ въ состязаніи).

Рис. 5. Катаніе на конькахъ съ парусомъ.

Рис. 6. Состязаніе буеровъ въ Дюрегольмѣ.

Б. Въ Умео.

I) 23-го февр.—національное состязаніе «budkafletäflan» (летучая почта)—125 км.

II) 25-го февр.—національная полевая стрѣльба на лыжахъ.

III) 26-го февр.—а) національное состязаніе въ прыжкахъ съ горы; б) такія же состязанія для школьной молодежи.

IV) 27-го февр.—пробѣгъ по мѣстности въ 60 км.

V) 27-го » — » » » » 30 »

Независимо отъ главнаго союза, устраиваютъ состязанія также районные союзы, общества, клубы и воинскія части.

Состязанія на лыжахъ бываютъ:

а) въ прыжкахъ съ горы;

б) въ пробѣгѣ по мѣстности на извѣстныхъ дистанціяхъ: 1) пробѣгъ по измѣренному и обозначенному кругу; 2) ориентировочный пробѣгъ; 3) пробѣгъ «budkafletäflan» (летучая почта);

в) соединенное состязаніе въ прыжкахъ съ горы и по мѣстности.

Кромѣ того, бываютъ такія же состязанія на первенство извѣстнаго района или первенство Швеціи.

Правила всѣхъ состязаній очень подробно разработаны, напечатаны и имѣются въ продажѣ во всѣхъ спортивныхъ магазинахъ.

При оцѣнкѣ прыжковъ обращается вниманіе не только на длину прыжка, но и на «*стиль*» его. Отъ первокласснаго прыжка требуется слѣдующее:

На *разбѣгѣ* прямое положеніе корпуса съ нѣкоторымъ наклономъ туловища впередъ, лыжи близко другъ къ другу. Сильный *темпъ* на краю обрыва. Во время *полета* увѣренное прямое положеніе корпуса съ правильнымъ веденіемъ лыжъ и спокойными движеніями рукъ. Лыжи держатся близко другъ къ другу, въ началѣ почти горизонтально, передъ опусканіемъ на землю параллельно съ горою и все время обѣ въ одной плоскости. Въ *моментъ соприкосновенія съ землею* свободное положеніе корпуса, одна нога впереди другой, лыжи вмѣстѣ, увѣренное сгибаніе колѣнъ и какъ можно скорѣйшее возстановленіе равновѣсія.

Дальнѣйшій *спускъ* съ прямымъ корпусомъ, руки свободно опущенныя по бокамъ и лыжи вмѣстѣ.

Поворотъ въ концѣ спуска увѣренный и изящный разрѣшается дѣлать на внутренней или наружной лыжѣ.

Все это требуется во время спуска, съ начала до конца.

Каждый изъ состязующихся долженъ дѣлать *четыре прыжка*, изъ которыхъ считаются три лучшіе.

Длина прыжка измѣряется отъ мѣста, гдѣ задняя нога прикасается къ землѣ.

Средняя длина прыжка для каждаго состязующагося вычисляется только по прыжкамъ безъ паденія. Если всѣ четыре прыжка безъ паденія, то принимаются три лучшіе.

Для того, чтобы заставить конкурентовъ вложить отвагу и силу въ прыжокъ, назначается для каждаго состязанія извѣстная *минимальная длина прыжка* такимъ образомъ, что берутъ среднюю длину трехъ самыхъ длинныхъ и трехъ самыхъ короткихъ прыжковъ безъ паденія во время настоящихъ состязаній, за которые получено не менѣе 10 балловъ. За каждый начатый метръ, превышающій минимальную длину, прибавляется 0,5 балла; въ противномъ случаѣ—убавляется столько же.

Для состязаній на мѣстности на большихъ дистанціяхъ и на скорость требуется представленіе медицинскаго свидѣтельства.

Во всѣхъ пробѣгахъ на большихъ дистанціяхъ имѣетъ значеніе при оцѣнкѣ только время.

Хотя и были въ этомъ году на сѣверѣ Швеціи, около Умео, разныя состязанія на лыжахъ, но, такъ какъ пока только имѣются краткія телеграфныя свѣдѣнія о нихъ въ газетахъ, то рѣшаюсь нѣсколько подробнѣе описать прошлогоднія состязанія.

Такъ, 5-го марта прошлаго года въ окрестностяхъ г. Österzунда (на полпути отъ Сундсвалля въ Трондѣмъ), при легкомъ морозѣ (-15° С. въ 8 ч. утра), ясномъ небѣ и чудной дорогѣ, состоялись состязанія на 30 и 60 км.

Путь былъ проложенъ по кругу въ 30 км. Кругъ былъ общій для обоихъ состязаній и лыжники 60 км—оваго состязанія должны были пробѣжать его два раза. Мѣстность была очень разнообразная и пересѣченная.

Сюда собрались извѣстные лыжники изъ Лулео, Бодена, Умео и Далекарліи; прибыли лапландцы изъ Арвидяура и Юкмока—въ своихъ странныхъ спортивныхъ костюмахъ съ рубашкою по верхъ штановъ, обращавшіе всеобщее вниманіе на себя.

Особенно ожидали много интереснаго отъ 60-ти км—оваго пробѣга, такъ какъ никогда раньше столько отличныхъ лыжниковъ не встрѣчалось на этой дистанціи.

Стартъ 60-ти км—оваго пробѣга начался въ 8,07 утра и съ промежуткомъ одной минуты были пущены всѣ 29 конкурентовъ (изъ 36 записавшихся).

Въ 9 ч. начался стартъ 30-ти км—оваго пробѣга съ 57 участниками.

Уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ старта послѣдняго конкурента 30-ти км—оваго пробѣга начали показываться участники перваго состязанія, совершившіе первый кругъ. Всѣ 29 участниковъ окончили первый кругъ и лучшіе сроки были: 2,03,10—2,06,11—2,07,19 — 2,07,24 — 2,07,25 — 2,11,35 — 2,12,16 — 2,12,50—2,13,04 — 2,14,31.

Но раньше, чѣмъ всѣ участники этого пробѣга окончили свой первый кругъ, начали уже являться участники 30-ти км—оваго пробѣга.

Лучшими на этой дистанціи оказались:

Арманъ изъ Юкмока—въ 1 ч. 59,53; Югансонъ изъ Бодена—въ 2,01,30 и т. д.

Послѣдній—50-й пришелъ въ 2,56,29.

Всего 7 человекъ вышли вслѣдствіе поломанныхъ лыжъ.

Около двухъ часовъ послѣ нихъ начали прибывать конкуренты 60-ти км. пробѣга, оканчивая свой второй кругъ.

Результаты 12-ти первыхъ были: 4,20,20¹/₂ — 4,26,25—4,37,42 — 4,38,27 — 4,39,03 — 4,39,10 — 4,40,50 — 4,42,04—4,42,47 — 4,49,04 — 4,49,50 — 4,51,29.

И въ этомъ состязаніи вышли 7 человекъ по тѣмъ же причинамъ.

Какъ видно, результаты замѣчательно хороши и ровны.

Ориентировочные пробѣги имѣютъ особый интересъ съ военной точки зрѣнія и, поэтому, практикуются очень усердно въ войскахъ.

Въ этихъ пробѣгахъ состязующіеся должны съ помощью карты и компаса въ кратчайшій срокъ пробраться до цѣли, объявленной только на мѣстѣ старта. Мѣстность выбирается по возможности такъ, чтобы она была неизвѣстна всѣмъ состязующимся. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть свой компасъ и за 15 минутъ до старта получаетъ карту мѣстности состязанія.

Одновременно съ этимъ объявляются цѣль и контрольные станціи.

Стартъ можетъ быть или всѣми состязующимися одновременно, группами, или поодиночкѣ.

Въ прошломъ году были подобныя очень интересныя состязанія между офицерами VI дивизіи и частей Боденской крѣпости, т. е. 5-й пѣх. полковъ, 1-го кавалерійскаго полка, 1-го арт. полка, 1-го арт. баталіона, 1-го обознаго баталіона и 1-го инженернаго баталіона.

Каждая часть выставила одну или нѣсколько группъ по 3 офицера (14-й Хельсингскій полкъ выставилъ одну группу изъ 5 офицеровъ); всего 21 группа—65 офицеровъ.

Состязаніе произошло въ тѣхъ же краяхъ, гдѣ только что были описанные дистанціонные пробѣги. Весь путь по прямой линіи былъ 35,4 км., а по настоящему, какъ пришлось пробраться—38,5—41 км. На пути были три контрольныя станціи.

Со старта пускали группами черезъ 10 минутъ. Изъ всѣхъ 65 офицеровъ 56 окончили состязанія въ хорошихъ кондиціяхъ; 39 прибыли въ норму и 17 внѣ нормы (6 ч. 31 м. 52¹/₂ с.); 9 человекъ вышло во время состязанія.

Кратчайшій средній срокъ по группамъ былъ 4,29,47 и принадлежалъ тремъ подпоручикамъ 20-го Королевскаго Вестерботтенскаго полка, причемъ всѣ три офицера пришли вмѣстѣ. Средній ихъ возрастъ—24²/₃ г.

Лучшій срокъ отдѣльнаго офицера принадлежалъ подпоручику 4-го арм. полка фонъ Вальтеру—4 ч. 21 м. 15 с.; но, такъ какъ его товарищи въ группѣ нѣсколько отстали, то ихъ группа по среднему сроку была только второй.

Старшему годами было 42 года, а старшій средній возрастъ—37¹/₃ л.—принадлежалъ группѣ изъ двухъ ротмистровъ и ветеринарнаго врача 8-го Королевскаго Норрландскаго драгунскаго полка.

Наконецъ «Budkafletäflan» (летучая почта) состоитъ въ томъ, что представители извѣстнаго общества или клуба должны въ кратчайшій срокъ доставить донесенія (budkafle) на извѣстное разстояніе, которое раздѣлено на нѣсколько частей, большею частью на три части, причемъ изъ представителей общества каждый долженъ пробѣжать свою часть, передавая другъ другу донесеніе.

При приглашеніи объявляется число участковъ пути, обозначенныхъ А. В. С. и т. д., и приблизительная ихъ дистанція по прямому пути, такъ же, какъ и время и сборный пунктъ.

Приглашающій союзъ выбираетъ мѣстность и рѣшаетъ, въ какомъ порядкѣ различныя участки должны быть пройдены.

Каждое общество имѣетъ право поставить одного или двухъ человекъ на каждый участокъ; въ послѣднемъ случаѣ второй считается запаснымъ.

Переключка, на которой раздаются нормы и подробныя правила, дѣлается съ такимъ расчетомъ времени, чтобы состязующіеся успѣли на свои посты вовремя. Всѣ должны имѣть съ собою компасъ и должны быть готовы совершить пробѣгъ ночью, если обстоятельства этого потребуютъ.

Первый стартъ дѣлается для всѣхъ участниковъ на первой дистанціи одновременно. Со слѣдующихъ постовъ — немедленно послѣ передачи донесенія товарищу и т. д.

Такимъ образомъ такое состязаніе является вмѣстѣ съ тѣмъ и ориентировочнымъ пробѣгомъ.

Самое интересное изъ такихъ состязаній прошлаго года было 10-го февраля и все въ тѣхъ же краяхъ, какъ и два предыдущія.

Вся дистанція была раздѣлена на три участка: А=50 км., В=55 км., С=30 км. по прямой линіи, и была проведена по очень дикой мѣстности, гдѣ почти никакихъ дорогъ не было.

Участвовало всего 14 командъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли запасныхъ на болѣе трудныхъ участкахъ.

До какой степени мѣстность была трудна, показываетъ, напр., тотъ фактъ, что съ перваго старта нѣкоторые взяли прямое направленіе черезъ лѣсъ, а пришли къ слѣдующему посту позже тѣхъ, которые сразу сдѣлали кругъ вдоль большой дороги на 20 км. дальше.

Въ 6 ч. 7 м. утра былъ первый стартъ и только черезъ 8 съ чѣмъ то часовъ начали прибывать къ слѣдующему посту.

На участкѣ В было очень трудно ориентироваться потому, что скоро начало темнѣть. Изъ всѣхъ участниковъ только одинъ имѣлъ съ собою электрической фонарикъ; это настолько повліяло на результатъ, что онъ прибылъ къ посту на цѣлый часъ раньше слѣдующаго соперника.

Этимъ же онъ и обезпечилъ за своимъ обществомъ побѣду за всю дистанцію. Слѣдующій его товарищъ кончилъ участокъ С и, слѣдовательно, весь пробѣгъ въ 11 ч. 8 м. 8 с. вечера, когда уже было совсѣмъ темно.

Изъ всѣхъ четырнадцати командъ одиннадцать кончили въ норму; лучшая команда—въ 16 ч. 51 м. 08 с., причемъ вся пройденная дистанція была болѣе 150 км.; для нѣкоторыхъ командъ даже болѣе 160 км. На послѣднемъ участкѣ шесть человекъ показали просто чудеса; они прошли эти 35 км. въ полной темнотѣ, по незнакомой мѣстности менѣе, чѣмъ въ $2\frac{1}{3}$ ч. (первый пришелъ въ 2 ч. 18 м. 19 с.) и ни одинъ не употребилъ болѣе 3-хъ часовъ.

Всѣ четыре описанныхъ состязанія показываютъ, что лыжный спортъ стоитъ очень высоко въ Швеціи. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ шведы были позади норвежцевъ и финновъ, но, благодаря хорошимъ учителямъ, правильному и систематическому обученію и тренировкѣ, они теперь, если не впереди, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ ними въ этомъ дѣлѣ.

Чтобы быть хорошимъ лыжникомъ, необходимо начинать ходить на лыжахъ безъ палокъ. Отъ этого, во первыхъ, равновѣсіе будетъ устойчивѣе и, во вторыхъ, шагъ будетъ длиннѣе и толчокъ задней ноги сильнѣе. Шагъ долженъ быть скользящій и наклонъ корпуса впередъ. Слѣдующія упражненія будутъ подъемы на гору, а затѣмъ и спуски. Въ этомъ послѣднемъ упражненіи важно съ самаго начала держать лыжи близко другъ къ другу, одну ногу нѣсколько впереди другой, съ корпусомъ наклоненнымъ впередъ, чтобы лучше удерживать равновѣсіе.

Послѣднее упражненіе безъ палокъ это—поворотъ, который довольно легко дѣлается на телемаркскихъ лыжахъ, которыя не очень длинны. На длинныхъ лыжахъ поворотъ много труднѣе; придется шагъ за шагомъ переставлять концы въ сторону поворота. Какъ только эти подготовительныя упражненія изучены, можно начинать ходить по мѣстности.

Въ это же время можно прибѣгнуть къ палкамъ, но ими слѣдуетъ воспользоваться съ самаго начала правильнымъ образомъ. Главная двигательная сила остается всетаки въ ногахъ, а палки будутъ служить лишь какъ вспомогательное средство. Только на очень пересѣченной мѣстности и при подъемѣ на гору можно съ ихъ помощью поддерживать равновѣсіе. Палки слѣдуетъ держать приблизительно на высотѣ грудной кости и ставить на землю какъ можно ближе къ лыжамъ и какъ можно дальше впередъ, вынося попеременно правую палку съ лѣвой ногой и наоборотъ. При спускахъ за то выгоднѣе отталкиваться обѣими палками одновременно для того, чтобы увеличить скорость.

Весьма важный вопросъ о способѣ привязыванія лыжъ къ ногамъ. Есть нѣсколько разныхъ системъ, но всѣ состоятъ изъ ремня черезъ носокъ и другого ремня, который идетъ отъ этого перваго кругомъ всей ступни вдоль подошвы и черезъ пятку. Такимъ образомъ лыжа довольно прочно прикрѣплена къ ногѣ, а нога вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно свободна, такъ что невозможно повредить себѣ ногу при паденіи. (Рис. 10 и 11).

Для того, чтобы избѣжать несчастныхъ случаевъ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ на состязаніяхъ, принимаются разныя мѣры предосторожности.

Такъ напр.: для состязанія на скорость или на большихъ дистанціяхъ требуется отъ состязующихся медицинское свидѣтельство; на состязанія въ первенствѣ допускаются только отъ восемнадцати лѣтъ и старше; состязанія производятся по классамъ, и т. д.

Наконецъ, для поощренія лыжнаго спорта союзъ имѣеть право раздавать медали двухъ величинъ: большую—четыреехъ степеней, изъ стали, золота, серебра и бронзы, и малую—изъ серебра или бронзы.

Большая медаль раздается за національныя или интернаціональныя состязанія и носится на груди на бѣлой лентѣ, окаймленной національными цвѣтами.

Малая медаль раздается за раіонныя или клубныя состязанія.

Всю зиму идутъ почти непрерывно состязанія во всей Швеціи, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и не только въ спортивныхъ обществахъ, но и въ войскахъ.

Такъ, напримѣръ, одновременно со состязаніями школьной молодежи въ Стокгольмѣ были устроены въ Умео, на сѣверѣ Швеціи, съ 22 по 28 февраля, разныя спортивные состязанія по слѣдующей программѣ:

I. Состязаніе въ бѣгѣ на лыжахъ по мѣстности и въ прыжкахъ: а) «budkafletäflan» (летучая почта) на 125 км. по прямой линіи. Участвовало 93 человекъ—лучшая команда (изъ 3-хъ чел.) прошла эту дистанцію въ 15 ч. 49 м. 8 с.; б) состязаніе въ прыжкахъ—36 участниковъ; в) пробѣгъ на 30 км. (123 участника—2 ч. 21 м. 30 м.); пробѣгъ на 60 км. (50 уч.—5 ч. 8 м. 7 с.); г) пробѣгъ для дамъ на 10 км. (6 уч.—53 м.); 5 км. (уч.—13); для дѣвочекъ на 3 км. (уч.—14); д) пробѣгъ для мальчиковъ—15 км. для мальчиковъ отъ 15—17 л. (36 уч.); 5 км. для мальчиковъ отъ 12—14 л. (30 уч.); 3 км. для мальчиковъ отъ 9—11 л. (30 уч.); прыжки для мальчиковъ (33 уч.); е) групповыя состязанія для учениковъ народныхъ школъ (4 группы по 5 мальчиковъ).

II. Военныя состязанія на лыжахъ: а) ориентировочный пробѣгъ между унт.-офицерами гарнизона Умео (17 унт.-офиц. 8-го Королевскаго Норрландскаго драгунскаго полка и 34 унт.-офиц. 20-го Королевскаго Вестерботтенскаго пѣх. полка); б) «budkafletäflan» для нижнихъ чиновъ VI армейской дивизіи—3 дистанціи, каждая, приблизительно, въ 30 км. (отъ каждой изъ 7-ми частей по одной группѣ изъ 3-хъ чел. и двухъ запасныхъ).

III. а) Полевая стрѣльба на лыжахъ на государственные призы (714 записавшихся); б) состязанія на пистолетахъ.

IV. Состязанія Норрландскаго клуба полевой ѣзды:

а) ѣзда на лыжахъ за лошадыю—около 85 км. (78 верстъ) (4 уч.);

б) пробѣгъ по той же дорогѣ (5 уч.);

в) Стипль-чезъ—3,500 метр. (5 уч.);

г) » » —3,200 » (5 уч.);

д) охотничій пробѣгъ за моторомъ—около 3,000 метровъ (6 уч.);

е) охотничій пробѣгъ за моторомъ—около 3,500 метровъ (7 уч.).

V. Рысистые бѣга.

VI. Состязанія на «Sparkstötting» (рис. 13)—17 км. (21 уч.—46 минутъ).

VII. Фехтованіе на рапирахъ (правой и лѣвой рукой) и эспадронахъ.

VIII. Бѣгъ на лыжахъ за оленемъ.

IX. Состязаніе на конькахъ.

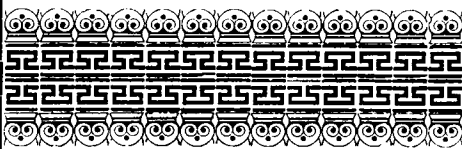
X. Спортивная выставка.

Для меня, конечно, самый большой интересъ представляютъ военныя состязанія и полевая стрѣльба. Къ сожалѣнію, мнѣ невозможно было попасть на состязанія въ Умео, и пока имѣются лишь краткіе газетные отчеты о нихъ. Судя по этимъ отчетамъ, въ день пробѣга была сильная выюга и глубокой снѣгъ; несмотря на это результаты были очень недурны. Въ пробѣгѣ на лыжахъ за лошадей первый пришелъ въ 3 ч. 22 м., слѣдующій за нимъ—въ 3 ч. 33,5 м.; третій—въ 3 ч. 47,5 м.

Въ пробѣгѣ верхомъ первый пришелъ въ 3 ч. 26 м. 15 с.; второй—въ 3 ч. 42 м.; третій—въ 3 ч. 53 м.

Польза и преимущества спортивной жизни на открытомъ воздухѣ очевидна: вырабатываются *здоровья душа и тѣло*. Съ улучшеніемъ гигиены, т. е. съ улучшеніемъ ухода за тѣломъ предупреждаются болѣзни и то, что мы теперь платимъ за медицинское лѣченіе и содержаніе больницъ, будетъ въ значительной степени сокращено. Это будетъ всѣмъ и всякому и дешевле и пріятнѣе. Поэтому и стараются въ Швеціи, чтобы гимнастика, спортъ, игры и жизнь на открытомъ воздухѣ были усвоены всѣмъ народомъ, молодыми и старыми, а не только нѣкоторыми избранными «спортсменами», которые показывали бы свою ловкость въ видѣ цирковыхъ кунштюковъ за деньги. Теперь надо работать для того, чтобы спортъ на свѣжемъ воздухѣ проникъ во всѣ слои общества; онъ болѣе нуженъ слабому, чѣмъ сильному. Но для этого необходимо, чтобы всѣ его адепты занимались спортомъ ради него самого и лишь потомъ уже искали славу и призы, доставляемые побѣдою въ состязаніяхъ. Правда, состязанія необходимы для развитія и распространенія спорта, но не надо забывать, что состязанія не есть цѣль спорта, а лишь средство. Въ Швеціи нашли золотую середину, въ чемъ можно убѣдиться по громадному количеству участниковъ во всѣхъ спортивныхъ состязаніяхъ. А достигли они этого, благодаря цѣлесообразной организаціи спорта и разумнымъ правиламъ состязаній; но объ этомъ поговоримъ другой разъ.

Р. Спорс.

НОЧНЫЕ БОИ.

(Генераль-лейтенанта запаса графа Хаслингена).

(Съ нѣмецкаго).

Непосредственно за окончаніемъ нашей статьи «Военныя дѣйствія ночью» ¹⁾, вышелъ въ свѣтъ составленный двумя командированными въ Японію саксонскими офицерами переводъ новѣйшаго японскаго устава строевой пѣхотной службы отъ 6-го ноября 1909 г.

Этотъ уставъ, который въ общемъ приближается къ нашему (германскому), всецѣло подтверждаетъ высказанныя нами раньше основанія, въ особенности въ главахъ о наступленіи, о взаимодѣйствіи родовъ войскъ, о дѣйствіяхъ въ темнотѣ, объ употребленіи пулеметовъ. Приспособленный къ особенностямъ японцевъ, онъ точно соотвѣтствуетъ, нынѣ всюду проповѣдуемымъ, основаніямъ пѣхотнаго боя.

Особенно интересно намъ было видѣть подчеркнутымъ въ п. 21 указаніе, что «*одиночному обученію дѣйствіямъ въ темнотѣ должно придавать особенное значеніе*». Мы нашли подтвержденіе также и тому, что и, по мнѣнію японцевъ (п. 120), «*бои будутъ*

¹⁾ Помѣщена въ переводѣ въ № 4 «Воен. Сборника».

длиться нѣсколько дней и ночей»; п. 52, главы II, также подтверждаетъ, что «когда при наступленіи на укрѣпленную оборонительную позицію противника дѣйствіе нашей артиллеріи оказывается недостаточнымъ и нѣтъ необходимости атаковать засвѣтло, тогда часто будетъ полезно воспользоваться ночной темнотой, для сближенія со врагомъ».

Объ этомъ сближеніи въ темнотѣ мы упоминали уже въ послѣдней нашей статьѣ.

Сегодня намъ предстоитъ, какъ уже было сказано выше (см. нашу статью о дѣйствіяхъ въ темнотѣ), заняться обсужденіемъ *ночного боя*, самаго по себѣ.

Важныя отправныя точки относительно веденія его мы находимъ въ уставахъ, какъ нашихъ собственныхъ, такъ и иностранныхъ, особенно-же въ вышеупомянутомъ японскомъ.

Вообще же мы постараемся обсудить разнообразныя ночныя бои и встрѣчающіяся при нихъ затрудненія, опираясь на военную исторію.

Полковникъ Балкъ, говоря въ своемъ трудѣ: «*Ночныя бои и ночныя ученія*», на стр. 66, что «позиціонная война прямо вызываетъ на ночныя предпріятія», является вполне солидарнымъ съ *майоромъ Кунцомъ*, сказавшимъ: «Въ крѣпостной войнѣ и въ бою за укрѣпленныя позиціи, ночныя бои могутъ принести огромную пользу». Мы согласны съ его мнѣніемъ, что «ночныя атаки болѣе или менѣе значительными массами войскъ сулятъ чрезвычайно мало надежды на успѣхъ»¹⁾ и что «частыя упражненія въ мирное время могутъ приучить дѣйствующія войска ко многимъ трудностямъ ночныхъ боевъ».

Конечно, «въ полевой войнѣ многое гадательно», но это не значитъ чтобы не слѣдовало стараться преодолѣть трудности и за это именно мы и собираемся ратовать.

Полковникъ Кардиналь фонъ-Виддернъ «желалъ бы прежде всего большаго умѣнья въ *организациіи и управленіи* ночнымъ боемъ. По его мнѣнію, случаевъ, когда ночная атака цѣлесообразна, будетъ очень много. Мы воздержимся отъ разбора ихъ здѣсь. Мы можемъ только еще лишній разъ отослать читателя

¹⁾ Атака нами Путиловской сопки и нѣкоторыя ночныя атаки японцевъ при Шахе, также силами около дивизіи, какъ будто не подтверждаютъ этого утвержденія. *Прим. переводчика.*

къ трудамъ трехъ вышеупомянутыхъ военныхъ писателей. Только основательно ознакомившись съ природою вещей, можно найти средства и пути къ «преодолѣнію большей части затрудненій, представляемыхъ ночными боями». (Балкъ, стр. 26).

Японцы совершенно справедливо говорятъ въ своемъ Строев. пѣх. уставѣ, что *для большихъ отрядовъ выгода состоитъ, въ сближеніи съ противникомъ, для малыхъ, въ возможности захвата противника врасплохъ.*

Нашъ пѣхотный уставъ подчеркиваетъ (298), что въ ночномъ бою *случай* играетъ гораздо бѣльшую роль, чѣмъ днемъ, и совершенно правильно добавляетъ, *что это тѣмъ меньше справедливо, чѣмъ большей выдержкой, обладаютъ войска.*

Въ то время, какъ германскіе уставы не занимаются подробностями управленія ночнымъ боемъ, японскій пѣх. уставъ содержитъ длинную главу о ночномъ боѣ, которой мы и будемъ придерживаться при разборѣ военно-историческихъ примѣровъ.

«Для ночного боя начальникъ долженъ составить возможно болѣе точный планъ, собрать, если возможно, еще засвѣтло начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ, раздать приказанія и распорядиться всѣми приготовленіями. Въ этихъ приказаніяхъ слѣдуетъ точно указать въ особенности цѣль и пути наступленія для каждаго отряда, взаимную связь и средства для распознаванія своихъ и, если нужно, какихъ пунктовъ слѣдуетъ достигнуть. Полезно указать, что слѣдуетъ предпринимать, по достиженіи этихъ пунктовъ. (II, 83)».

Къ этому необходимо добавить:

Чрезвычайно трудно заранѣе составить такой планъ и все принять въ соображеніе, не рискуя потеряться въ массѣ разнообразныхъ случайностей.

Вѣрнѣе всего цѣль будетъ достигнута тогда, когда планъ будетъ, главнымъ образомъ, основанъ на безповоротной рѣшимости побѣдить, когда начальникъ, несмотря на всевозможныя случайности, построитъ этотъ планъ безъ излишнихъ «если» и «но» и когда онъ откажется отъ мысли требовать взаимодѣйствія отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ отрядовъ. Какъ часто, несмотря на самую тщательную подготовку, все идетъ не такъ, какъ полагалъ или имѣлъ право рассчитывать начальникъ! Какъ часто случается, что одинъ отрядъ совсѣмъ не достигнетъ или несвоевременно назначеннаго пункта, по причинѣ или встрѣченнаго препятствія, или

противодѣйствія со стороны противника, а въ это время другой отрядъ нетерпѣливо, но тщетно, ожидаетъ его вступленія въ дѣло. Какъ часто одному отряду приходится измѣнить направленіе своего движенія, и онъ не можетъ предупредить объ этомъ сосѣда. Какъ справедливо замѣчаніе японскаго Строев. пѣх. устава, что «кругозоръ и движеніе, взаимодействіе частей войскъ и единство управленія, ночью чрезвычайно затруднены, а поэтому и *ошибки болѣе возможны*».

Такихъ случаевъ въ военной исторіи безконечно много. Напомнимъ ночной бой при Подолѣ въ 1866 г., атаку нѣмцевъ на р. Лизенѣ въ 1870 г., которая окончилась неудачей потому, что наступавшія колонны другъ друга не поддерживали, или не имѣли между собою связи. Прежде всего слѣдуетъ избѣгать составленія слишкомъ предусмотрительныхъ диспозицій, особенно ведущихъ дальше, чѣмъ позиціи противника. Намъ кажется, что каждый чинъ долженъ знать, что атакующій имѣетъ передъ собой. Цѣлью почти всегда будетъ разбить врага и утвердиться на его позиціи. Для начала и этого довольно.

Уже одно *опредѣленіе конечныхъ цѣлей для движенія очень трудно*. Ему должна предшествовать, если мы хотимъ избѣгать ошибокъ, тщательная развѣдка путей наступленія атакующаго. Назначить отряду путь движенія по картѣ еще далеко недостаточно. Какъ часто случалось, что противникъ портилъ его! Сколько времени уходитъ на удаленіе самыхъ простыхъ препятствій, какъ сильно мѣшаютъ слегка маскированные перекопы на дорогахъ, засѣки, проволочныя загражденія, даже просто срубленные деревья, наваленныя въ дефиле! Наткнувшись ночью на такое, днемъ ничтожное или легко устранимое, препятствіе, отрядъ несомнѣнно не достигнетъ своевременно опредѣленной ему цѣли движенія. Поэтому плану ночного боя слѣдовало бы считаться и съ подобными затрудненіями. Намъ памятенъ одинъ ночной бой, на маневрахъ, планъ котораго еще заранѣе былъ разработанъ самымъ точнѣйшимъ образомъ. Предполагалось предпринять ночное наступательное движеніе въ широкихъ рамкахъ, чтобы посредствомъ его дойти до опредѣленной линіи и затѣмъ, на разсвѣтѣ, пачать съ нея штурмъ укрѣпленной позиціи противника. Но внутреннее крыло столкнулось съ противникомъ раньше, чѣмъ предполагалось. Начавшійся на этомъ флангѣ ночной бой увлекъ за собой весь фронтъ наступающаго и такимъ образомъ весь прекрасный планъ разлетѣлся вдребезги только потому, что противникъ выдвинулъ,

въ видѣ маскировки, бивакъ, впрочемъ уже болѣе незанятый, который наступающій не ожидалъ встрѣтить и на который онъ бросился въ слѣпомъ азартѣ, съ пальбой и громкими криками «ура». Что случилось съ успѣхомъ слишкомъ искусственно составленнаго плана атаки? Онъ оказался на сторонѣ обороняющагося. На маневрахъ, къ сожалѣнію, обороняющійся слишкомъ мало пользуется подобными положеніями. Въмѣсто того, чтобы, въ данномъ случаѣ, броситься на врага и его прикончить, мирно раздався сигналъ «отбой».

Что переходъ всего фронта къ атакѣ, несмотря на преждевременное наступленіе одного крыла, былъ, однако, правиленъ—это подтверждается п. 188 яп. Строев. пѣх. устава, гласящимъ: «если которая нибудь изъ ротъ (въ бою баталіона) начнетъ штурмъ, то остальные роты должны, не задумываясь, тотчасъ же также бросаться въ атаку. Даже если атакуютъ лишь часть непріятельской линіи, все же атака должна отразиться на всей линіи. Поэтому, если храбрая рота начинаетъ штурмъ ранѣе предполагавшагося баталіоннымъ командиромъ времени, то обязанностью его является воспользоваться этимъ случаемъ для достиженія успѣха. Ибо оставить выдвинувшуюся впередъ роту безъ поддержки противорѣчитъ цѣли баталіоннаго боя».

Относительно формы построений для ночныхъ атакъ, всѣ уставы единогласно утверждаютъ, что простѣйшія формы—лучшія. Непосредственно передъ противникомъ слѣдуетъ избѣгать какихъ-бы то ни было перестроений.

Японцы отдають предпочтеніе ротамъ въ сомкнутомъ строю, поставленнымъ рядомъ или въ затылокъ другъ другу. Для ночныхъ переходовъ они рекомендуютъ глубокія колонны (Flankenformen) и высылку лишь небольшого числа дозоровъ. Для штурма они признають необходимымъ построенія широкимъ фронтомъ, иногда густыя стрѣлковыя цѣпи, съ непосредственно за ними слѣдующими поддержками. (Стр. пѣх. уставъ п. 184).

Переходъ отъ глубокихъ построений къ широкимъ передъ самымъ штурмомъ кажется намъ нѣсколько нелогичнымъ, такъ какъ это представляетъ перестроеніе непосредственно впереди противника.

По словамъ полковника Балка «Ночные бои», стр. 77, японцы въ концѣ войны примѣняли слѣдующее построеніе: «въ первой линіи рядъ ротныхъ колоннъ, которыя выдвигаютъ каждая на 50 метровъ

впереди себя взводъ съ саперами; баталіонныя поддержки слѣдуютъ на 100—200 метрахъ дистанціи; вторая линія слѣдуетъ на дистанціи въ 200 метровъ за серединой, или за однимъ изъ фланговъ, и должна быть связана съ впереди идущей парными людьми».

Дополненіе 61 къ п. 378 Строев. пѣх. устава почти дословно повторяетъ, касательно распоряженій для ночной атаки, изложенное въ японскомъ уставѣ. Особое вниманіе японцы обращаютъ на обезпеченіе внѣшнихъ фланговъ при ночной атакѣ (п. 184). Опытъ послѣдней кампаніи они очень ловко использовали въ своихъ новѣйшихъ инструкціяхъ. Къ этому слѣдуетъ отнести примѣчаніе къ п. 185, что при ночныхъ маршахъ *не слѣдуетъ отвлекаться пальбой или криками съ другой стороны отъ разгъ намѣченного направленія движенія*».

Труднѣе всего *поддержатъ равномерность движенія и избѣжать разрыва*.

Въ то время, какъ нашъ Стр. пѣх. уставъ въ п. 379 предписываетъ только назначеніе, въ случаѣ надобности, коротенькихъ остановокъ для возстановленія порядка, японцы въ п. 185 своего устава говорятъ, что можетъ быть полезнымъ *ослаблять посредствомъ временныхъ остановокъ дѣйствіе непріятельскаго огня и мѣшать наблюденіямъ противника*. Такъ какъ уставъ добавляетъ, что при этомъ надо обращать вниманіе, чтобы движеніе впередъ не задерживалось, то это указываетъ лишь на то, что такія остановки умѣстны только при крайней *необходимости*; всякая остановка, естественно, влечетъ за собой *потерю* времени.

Ясно, что въ *темнотѣ легче легкаго потерять направленіе*. Въ мирное время нужно очень часто практиковаться въ держаніи направленія во время ночныхъ боевыхъ дѣйствій. Въ полевой войнѣ врядъ ли удастся для ночныхъ предпріятій еще засвѣтло обозначить знаками пути движенія впереди и позади и указать ихъ атакующимъ войскамъ. Указанія, преподанныя въ п. 378 нашего Строев. пѣх. устава, даютъ богатый матеріалъ для упражненій мирнаго времени.

Весьма правильно указаніе п. 37 японскаго устава, что «разъ занятый, хотя бы и совсѣмъ маленькій, участокъ мѣстности ни подъ какимъ видомъ не долженъ быть вновь отданъ въ руки противника». Это должно глубоко запастъ въ душу каждаго солдата.

Въ п. 38 японскаго устава говорится: «однимъ огнемъ выгнать противника нельзя; атакующій долженъ, поэтому, постоянно добиваться окончательно побѣды посредствомъ атаки».

«Атакующіе отряды, если нужно, снабжаются, кромѣ содѣйствія саперъ, еще и подрывными средствами и ручными гранатами. Наивыгоднѣйшимъ моментомъ для бросанія ручныхъ гранатъ и для удара въ штыки является то время, когда врагъ *невнимателенъ*; броситься моментомъ позже будетъ, уже ошибочно и вредно для наступательнаго духа (яп. уставъ 143)». Подразумѣвается тутъ тотъ моментъ, когда вниманіе обороняющаго отвлечено артилерійскимъ огнемъ или атакой сосѣдняго отряда.

Ночной штурмъ предпринимается подойдя вплотную къ врагу, безъ сигналовъ и криковъ. Японскіе крики «банзай» оказались для нихъ невыгодными.

Для достиженія дѣйствительнаго успѣха, крайне желательно *нискать въ дѣло все свои силы*, ибо очень часто обороняющійся будетъ выдвигать свои резервы, чтобы вновь овладѣть потерянной позиціей. Поэтому, не слѣдуетъ сразу бросаться вслѣдъ за опрокинутымъ врагомъ. Средство это приведетъ, особенно въ ночной темнотѣ къ неудачѣ для атакующаго. Поэтому то и говорятъ, что надо занятое утвердить за собой.

Какъ ни проникнуть японскій уставъ наступательнымъ духомъ, все же японцы допускаютъ, что противъ упорнаго врага *и самый штурмъ можетъ не дать успѣха*. «Тогда», говорится въ п. 189, «остается остановиться на подходящемъ мѣстѣ, искать случая для новаго штурма и повторять этотъ штурмъ съ несокрушимой храбростью, *пока цѣль не будетъ достигнута*». Въ другомъ мѣстѣ, п. 42, сказано также:

«Если штурмъ отбитъ, то, при наличіи сомкнутыхъ частей, приступаютъ къ штурму во второй и въ третій разъ. Если таковыхъ сомкнутыхъ частей въ распоряженіи больше не имѣется, то каждый долженъ храбро задержаться какъ можно ближе къ противнику, поднять свои нравственныя силы сильнѣйшимъ огнемъ, и неоднократно вновь приступать къ штурму, чтобы, въ концѣ концовъ, добиться успѣха».

Съ какой бы укоризной и усмѣшкой мы ни относились къ подобной стрѣльбѣ, для поднятія собственной храбрости, въ мирное время, въ дѣйствительности это происходитъ очень часто. Мы сами испытали на дѣлѣ, какъ выстрѣлы раздавались изъ сомкнутыхъ рядовъ наступающихъ войскъ и какъ люди, лежа за закрытіемъ, стрѣляли, хотя не было никакой возможности попасть въ врага за дальностью разстоянія. Тотъ, кого обстрѣливаютъ безъ того, чтобы онъ могъ отвѣчать, находится всегда въ непріятномъ положе-

ни. Поэтому храбрость каждаго человѣка въ отдѣльности повышается съ того мгновенія, когда и онъ имѣеть возможность начать дѣйствовать своимъ оружіемъ.

Время для штурма—разсвѣтъ (японскій уставъ II, 84), если для него не была использована самая ночь. Основаніемъ къ производству штурма на разсвѣтъ японцы приводятъ то соображеніе, что тогда кавалерія и артилерія имѣють возможность энергично вести преслѣдованіе.

Ночную оборону японцы также признаютъ несравненно болѣе трудной, чѣмъ атака. Ихъ взглядъ на этотъ предметъ, изложенный въ п. 87 — 89 ихъ устава, всецѣло соотвѣтствуетъ нашему. Отмѣтить слѣдуетъ, что японцы столь же мало, какъ и мы, разсчитываютъ на *своевременную поддержку обороняющагося соседними отрядами, или позади расположенными резервами.* Только когда врагъ подошелъ совсѣмъ близко, его встрѣчаютъ жесточайшимъ огнемъ и ручными гранатами. Въ эту минуту японцы переходятъ въ энергичную *штыковую контръ-атаку.*

Такую контръ-атаку не слѣдуетъ цѣнить слишкомъ низко; она нерѣдко измѣняла судьбу дня. Ибо атакующій во всякомъ случаѣ пришелъ въ разстройство, разъ онъ штурмовалъ неприятельскую позицію, особенно же ночью. Если, слѣдовательно, обороняющійся располагаетъ еще нетронутыми частями, то, направивъ ихъ ударъ съ полной стремительностью противъ фланга, или неприкрытаго крыла атакующаго, онъ можетъ разсчитывать по меньшей мѣрѣ хоть остановить атаку въ одномъ мѣстѣ и выиграть время для вывода своихъ войскъ изъ сферы боя.

Блестящимъ примѣромъ контръ-атаки въ поздній вечерній часъ, перемѣнившей всю обстановку, можетъ служить атака генерала фонъ-Врангеля 10 іюля 1866 года при Винкельсѣ (Киссингенѣ). Слабый отрядъ пруссаковъ, занявъ Киссингенъ, продвинулся впередъ на перевалъ сѣвернѣе Винкельса, причемъ къ концу дня былъ внезапно атакованъ съ фронта и лѣваго фланга превосходными силами. На поддержку нечего было разсчитывать, приближались уже сумерки и отступленіе пруссаковъ началось послѣ неудачнаго наступленія резерва. Въ такомъ положеніи генералъ ф. Врангель велѣлъ трубить «въ» и «наступленіе» и достигъ того, что отступленіе превратилось въ бодрое энергичное наступленіе. Занятая противникомъ высота были взяты штурмомъ и блестящій успѣхъ былъ наградой генералу за его смѣлое рѣшеніе прибѣгнуть къ контръ-атакѣ.

Но подобныя контръ-атаки возможны, и на это мы здѣсь обращаемъ главное вниманіе, только тогда, когда часть, какъ въ данномъ случаѣ, проникнута наступательнымъ духомъ. Поданный начальникомъ сигналъ заставилъ пруссаковъ, уже угрожаемыхъ съ тыла, остановиться и повернуть фронтъ, а офицеры такъ держали своихъ людей въ рукахъ, что они, атакованные врасплохъ, обойденные съ фланговъ и тыла, все же пошли за ними впередъ и вырвали изъ рукъ противника побѣду. *Благо той части, въ которой царитъ такой наступательный духъ.* Слѣдовало-бы его заботливо охранять, а не обвинять, какъ это часто бываетъ въ мирное время, отступающую часть въ недостаткѣ внутренней силы, чтобы даже изъ отступательнаго движенія смочь перейти къ наступленію. Когда часть дѣйствительно полна еще такимъ наступательнымъ духомъ, несмотря на деморализующее впечатлѣніе неудачи, ужасы отступленія, то не слѣдовало бы и въ мирное время, по чисто теоретическимъ соображеніямъ, удерживать ее отъ мысли о возобновленіи наступленія, которое вѣдь одно только и можетъ дать надежду на успѣхъ, даже въ самой ужасной боевой обстановкѣ.

Изъ современныхъ армій особенно въ англійской стараются наставленіями укоренить въ войскахъ, сознаніе необходимости къ ночнымъ боямъ. Правда, и тамъ полагаютъ, что, несмотря на неизбѣжныя большія потери днемъ, все же лучше не атаковать въ темнотѣ. Но съ другой стороны преподаны очень поучительныя правила для наступленія въ темнотѣ, выведенныя изъ опыта послѣднихъ войнъ. Болѣе подробный разборъ ихъ здѣсь завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Швейцарія тоже издала отвѣчающія современнымъ условіямъ инструкціи для ночныхъ боевъ небольшихъ частей. Другія страны, какъ-то Франція и Бельгія, не придаютъ ночному бою особаго значенія.

Провѣряя по исторіи новѣйшихъ войнъ вопросъ — играютъ-ли *ночные бои* болѣе рѣшающую роль, чѣмъ прежде, мы должны признать, что они достигаютъ цѣли только при наличіи тѣхъ-же условій, какъ и въ былое время.

При разсмотрѣніи ночныхъ боевъ, мы нарочно опускали одно обстоятельство, которое одно гарантируетъ успѣхъ въ ночныхъ бояхъ—это *внезапность*. Всюду, гдѣ атакующему удавалось дѣйствовать внезапно, онъ почти всегда легко одерживалъ побѣду.

Установлено, что для успѣха любого нападенія нужны:

а) Сокрытіе намѣренія	} со стороны атакующаго.
б) Осторожность въ приготовленіяхъ	
в) Стремительность въ исполненіи	
г) Недочеты въ мѣрахъ охраненія	} со стороны обороняющагося.
д) Недостатокъ рѣшимости и самообладанія.	
е) Безпечность	

При наличіи всѣхъ этихъ условій можно вполне разсчитывать на *успѣхъ ночного нападенія*. Ибо, какъ говоритъ Клаузевицъ: «высшая степень внезапности можетъ быть достигнута лишь ночью».

Потому-то и японцы въ п. 85 своего Строев. пѣх. устава считаютъ съ ночными нечаянными нападеніями, тогда какъ нѣмецкій уставъ полевой службы, п. 398—401, упоминаетъ лишь о мѣрахъ *противъ* нечаянныхъ нападеній.

Намъ кажется, что и въ современныхъ войнахъ ночныя нападенія удавались лишь тогда, когда на сторонѣ атакующаго былъ элементъ внезапности. Во всѣхъ случаяхъ, когда, напр. въ малой войнѣ, удавалось безшумно «снять» охраненіе обороняющагося и когда, слѣдовательно, отступавшіе назадъ съ пальбой посты не могли поднять тревоги, вездѣ гдѣ атакующій безнащадно дѣйствовалъ штыкомъ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять, — всегда ночное нападеніе увѣнчивалось успѣхомъ.

Когда-же случалась заминка, когда ввязывались въ перестрѣлку съ непріятельскими постами, когда начинали маневрировать своими частями какъ днемъ, вмѣсто того, чтобы беззавѣтно идти впередъ, когда дѣлали обходы и строили успѣхъ на взаимодействіи другихъ частей, — успѣхъ постоянно отсутствовалъ.

Ночныя предпріятія, имѣющія цѣлью внезапное нападеніе на непріятельское охраненіе или на занятые имъ населенные пункты, должны выполняться, при малѣйшей къ тому возможности, свѣжими войсками. Когда-же люди цѣлый день шли безъ большого привала, когда они уже были въ бою, они уже больше не въ состояніи выполнить требованія ночного марша, а тѣмъ паче ночного нападенія. Кто думаетъ выполнить такое предпріятіе ночью съ людьми, которые *перемьшались* въ предшествовавшемъ бою въ лѣсу или въ селеніи, при наступившей темнотѣ, тому нечего удивляться, если они сдадутъ въ рѣшительную минуту если сорвавшаяся лошадь поселить въ ихъ рядахъ панику. Изнуренные люди, цѣлый день ничего не ѣвшие, промокшіе до костей, не будутъ въ состояніи выполнить энергичную волю начальника и побѣдить. Кому случалось, послѣ утомительнаго дневного

перехода, быть поднятымъ ночью по тревогѣ, тотъ знаетъ, какъ приходится напрягать всю свою энергію, чтобы сохранить бодрость: въ темнотѣ на ходу шатаешься изъ стороны въ сторону и валишься на землю, какъ только бываетъ остановка.

Маіоръ Кунцъ рассказываетъ о ночномъ боѣ на Овурскомъ плато (Hochfläche von Auvours) 11 января 1871 года: «Посты пришлось выставить, безъ соломы, въ глубокомъ снѣгу, при 10 гр. мороза и т. п. Полкъ въ теченіе 12 часовъ шель по обледенѣвшему шоссе, затѣмъ 4 часа велъ бой и, наконецъ, долженъ былъ выставить сторожевое охраненіе. Довольствіе было болѣе, чѣмъ скудно, состоя главнымъ образомъ изъ нѣсколькихъ сухарей, добытыхъ изъ ранцевъ убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ французовъ».

Конечно такія войска могли, какъ они съ честью и сдѣлали это въ данномъ случаѣ, отбить непріятельское ночное нападеніе, но они не были-бы въ состояніи, со своей стороны, перейти въ наступленіе.

Очень важную роль при нечаянныхъ ночныхъ нападеніяхъ играютъ *условія мѣстности и погоды*.

Мѣстность, по которой придется наступать ночью, играетъ роль въ томъ отношеніи, что отрядъ, собирающійся дѣйствовать неожиданно, часто будетъ стараться возможно дольше избѣгать большой дороги, потому что на пей можно встрѣтить дозоры противника. Для этого онъ постарается заpastись проводниками, избереть пересѣченную, а потому часто менѣе удобную для движенія, мѣстность, что нерѣдко поведетъ къ потерѣ времени. Такъ, о ночномъ боѣ при Арденэ (Ardenay ¹⁾) 9 января 1871 г. рассказываютъ: «Массу переполненныхъ снѣгомъ рововъ мы замѣчали, только провалившись въ нихъ по брюхо». Въ ночномъ бою при Ле-Тертрѣ (Le Tertre) 11 января 1871 г. пришлось взбираться на откосъ рва, обледенѣвшій и покрытый снѣгомъ, потомъ пришлось лѣзть черезъ густую живую изгородь на насыпи и т. д.

Но *условія погоды* также сильно отзываются на успѣхѣ ночнаго нападенія.

Когда говорятъ про вышеупомянутый бой при Арденэ, что «снѣгъ валилъ густыми хлопьями; сильные порывы вѣтра часто настолько слѣпили глаза, что дома въ 100 шагахъ становились совершенно невидимыми»; когда въ ночномъ бою, при Бонъ-ла-Роландѣ (Beaune-la-Rolande) 28 ноября 1870 г., «глубокая тьма уничтожала всякую возможность оріентироваться, даже отно-

¹⁾ (Ne Ardenay-ли близъ Орлеана? *Перев.*).

сительно самыхъ близкихъ предметовъ, въ довершеніе всего окутанныхъ еще большимъ мракомъ, вслѣдствіе тумана и удушливаго дыма пылавшихъ вокругъ строеній»: можно, пожалуй, придти къ заключенію, что лунная ночь болѣе выгодна для нападенія.

Но съ другой стороны мы знаемъ, что не всегда яркій лунный свѣтъ бываетъ полезенъ. Онъ свѣтитъ такъ, какъ свѣжевыпавшій снѣгъ, не позволяя разглядѣть подробности и обыкновенно слѣпить глаза. Сверхъ того онъ выдаетъ противнику наступленіе атакующаго, какъ бы осторожно оно ни было ведено.

Для ночныхъ нападеній небольшими отрядами, о которыхъ фактически только и можетъ быть рѣчь, наиболѣе подходящими намъ кажутся темныя бурныя ночи, когда обороняющійся убавляетъ свои мѣры охраненія или недостаточно провѣряетъ ихъ бдительность, и когда сама ночь скрываетъ приближеніе наступающаго къ позиціи обороняющагося.

Высылать дозоры впередъ къ мѣсту нападенія не рекомендуется, такъ какъ этимъ преждевременно возбуждается вниманіе обороняющагося. Главное средство охраненія марша заключается *въ скрытіи его и въ держаніи силъ «въ кулакѣ»*.

Поэтому то японскій строев. пѣх. уставъ 85, въ главѣ «ночныя нападенія», говоритъ:

«Въ числѣ распоряженій для ночного боя слѣдуетъ упомянуть о необходимости сразу-же выдвинуть нужныя силы въ первую линію и держать всѣ части сомкнутыми».

Намъ кажется, что наши уставы совершенно правы, не занимаясь самой *атакой при нечаянномъ нападеніи*. Потому что соотвѣтственно цѣли, собственнымъ силамъ и силѣ противника, а равно и въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, она каждый разъ будетъ принимать иную форму. Прежде же всего она будетъ зависѣть отъ личности начальника и, наконецъ, какъ сказано выше, отъ обстановки.

Главное условіе, чтобы дисциплина поддерживалась даже въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ боя и чтобы спокойствіе не терялось даже при столкновеніи съ значительно превосходящими силами.

Содѣйствіе населенія пріобрѣтаетъ особенную важность при нечаянныхъ ночныхъ нападеніяхъ.

Въ своей странѣ мѣстные жители могутъ быть полезны какъ лазутчики, между тѣмъ какъ противнику, въ этомъ отношеніи, придется соблюдать большую осторожность.

«Когда нападеніе», говорит п. 398 устава полевой службы, «предполагается при содѣйствіи мѣстнаго населенія, то надобно принимать особыя мѣры предосторожности и т. д.»

Большинство нападений удастся лишь при помощи мѣстныхъ жителей. Поэтому рекомендуется грозить наказаніями, брать заложниковъ.

Лучшее средство обезопасить себя отъ нападенія, или по крайней мѣрѣ облегчить его отраженіе, заключается въ обдуманнхъ распоряженіяхъ для расположенія войскъ на отдыхъ. Если войска собраны въ строеніяхъ, пригодныхъ для обороны и господствующихъ надъ улицами селенія, а не разбросаны по различнымъ отдѣльнымъ удаленнымъ одинъ отъ другого дворамъ, если каждой командѣ поручено охраненіе занятаго ею участка, тогда такіа нападенія, какъ при Этрепаньи (Etréagny) 30 ноября 1870 г.²⁾ (Кунць, Ночные бои III, стр. 6/12), не будутъ оканчиваться успѣхомъ наступающаго.

Служба дозоровъ на вѣроятныхъ путяхъ наступленія противника, тоже, однако, требуетъ большой обдуманности. Все, что шаблонно, регулярно повторяется—на руку атакующему.

П. 400 устава полевой службы гласитъ, что «слѣдуетъ поддерживать связь, охранять мосты на дорогахъ, выставлять часовыхъ на колокольняхъ и т. п.» Но вѣдь опытный противникъ не станетъ хватать быка за рога, а двинется именно по той дорогѣ, которую врагъ признаетъ безопасной. Такъ, нападеніе при Протуа (Pratou), 28 января 1871 года, удалось главнымъ образомъ потому, что французы атаквали не съ сѣвера, со стороны занятаго ими Лангра, а, обойдя мѣстечко, бросились у южнаго выхода на мирно укладывавшійся обозъ противника.

Другой случай нападенія, подробное описаніе котораго находимъ въ поучительномъ трудѣ подполковника Фабриціуса: «Бои у Дижона въ 1870 г.», показываетъ, съ другой стороны, что можетъ дать часть, находящаяся въ рукахъ у своего начальника, даже тогда, когда подвергнется нечаянному нападенію.

Весь обозъ сразу же попалъ въ руки непріятели, вмѣстѣ съ нимъ и патронный ящикъ, и, когда затѣмъ противникъ бросился на мѣстечко со всѣхъ сторонъ и сталъ угрожать послѣднему оставшемуся для обороняющагося пути отступленія на востокъ, то доблестный начальникъ приказалъ пробить общій сборъ и благополучно

²⁾ Подробности см. «Воен. Сб.», 1907 г. № 5, стр. 253—272.

достигъ единственнаго свободнаго еще выхода въ направленіи на Грѣ (Grau). «*Прекратить бой* удалось, въ такомъ трудномъ положеніи, какъ это ни странно, безъ особыхъ затрудненій и безъ значительныхъ потерь, правда, вслѣдствіе особенно удачно сложившихся обстоятельствъ, хотя баталіонъ и былъ захваченъ врасплохъ. Какъ разъ въ то время, когда части баталіона стали собираться на средней, ведущей на востокъ къ Грѣ, улицѣ, поднялся сразу такой густой туманъ, что въ нѣсколько минутъ заволокло все кругомъ, такъ что и въ 10 шагахъ ничего нельзя было разобрать. Такимъ образомъ намѣреніе пруссаковъ отойти на востокъ не могло быть сразу замѣчено французами». Подполковникъ Фабриціусъ добавляетъ: «При этомъ чудесномъ избавленіи, невольно вспомнились герои Иліады, которые обыкновенно чудомъ выводились изъ грозящей имъ опасности благожелательными божествами».

Совершенно правильно майоръ Кунцъ называетъ образцовой *атаку пруссаковъ на Данжутенъ* (Danjoutin), въ ночь на 8 января 1871 г. «Она увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. *Все въ данномъ случаѣ было ведено отлично со стороны нѣмцевъ: подготовка, распоряженія относительно штурма, исполненіе самого штурма*». Можно горячо рекомендовать подробное изученіе этого выдающагося ночного боя, который былъ законченъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ.

Также хорошо было ведено *ночное нападеніе пруссаковъ на Вернонъ* (Vernon) въ ночь на 9 декабря 1870 г. Майоръ Кунцъ совершенно вѣрно говоритъ: «Искусная подготовка и прекрасное исполненіе нападенія заслуживаютъ быть отмѣченными съ особой похвалою».

Майоръ Бронзаръ фонъ Шеллендорфъ, въ своей книгѣ: «*Шестъ мѣсяцевъ при японской арміи*», говоритъ:

«Ночные бои всегда будутъ лишь неудобнымъ вспомогательнымъ средствомъ. Бой ведется съ завязанными глазами, не поддается никакому управленію и лишенъ содѣйствія дальнобойнаго огнестрѣльнаго оружія. Во всякомъ случаѣ необходимо, уже въ мирное время, часто упражняться въ исполненіи всѣхъ предпріятій, которыя предполагается выполнять въ темнотѣ (или въ туманѣ)».

Полковникъ Мозеръ, въ своемъ интересномъ трудѣ «*Обученіе и управленіе баталіономъ въ бою*», такъ высказывается относительно боевъ въ темнотѣ:

«Мы должны изучать передвиженія и бои въ темнотѣ, не только теоретически, но и практически, настолько часто, чтобы прочно

усвоить необходимые приемы. Пока же мы, какъ извѣстно, еще очень далеки отъ этого. Русско-японскіе ночные бои даютъ намъ новыя указанія, сводящіяся къ требованію порядка дисциплины и спокойствія».

А генералъ-лейтенантъ сэръ Джонъ Френчъ такъ выражается по поводу труда полковника Балка о ночныхъ бояхъ и упражненіяхъ, столь полно и поучительно въ немъ разобранныхъ:

«Если мы требуемъ, чтобы отрядъ броненосцевъ умѣлъ въ темнотѣ и съ потушенными огнями входить и выходить изъ Портландской бухты, или вообще проходить другимъ опаснымъ фарватеромъ, то сухопутныя войска также должны быть въ состояніи легко передвигаться на сушѣ, не показывая огня. Я, лично, всецѣло убѣжденъ, что война, какъ она есть, требуетъ безусловно, для успѣшнаго своего веденія, тщательнаго обученія и практики въ ночныхъ бояхъ. Въ то время, какъ раньше ночныя предпріятія производились лишь рѣдко, въ видѣ исключенія, нынѣ всѣ войска должны быть такъ обучены, чтобы быть въ состояніи исполнять большую часть своей службы въ темнотѣ. Если встрѣчаются два противника, изъ которыхъ одинъ основательно подготовленъ къ ночнымъ предпріятіямъ, а другой нѣтъ, то первый, думается мнѣ, «обрѣтается въ большемъ авантажѣ». Успѣхъ въ ночныхъ предпріятіяхъ безусловно дѣло практики и привычки. Насколько мнѣ извѣстно, до настоящаго времени ни въ одной арміи ночныя предпріятія не были планомѣрно и основательно испытаны въ мирное время, а потому нѣтъ другой дѣятельности войскъ, которая требовала бы больше старанія и вдумчивости. Если только ихъ туда вложить, то успѣхъ будетъ поразительный».

Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи французскіе уставы, и между прочимъ изданное Миттлеромъ въ 1909 г. анонимное сочиненіе «Французская армія», правда, говорятъ о ночныхъ движеніяхъ (стр. 88), но далеко не такъ настаиваютъ на необходимости обученія дѣйствіямъ въ темнотѣ, какъ новѣйшія германскія инструкціи.

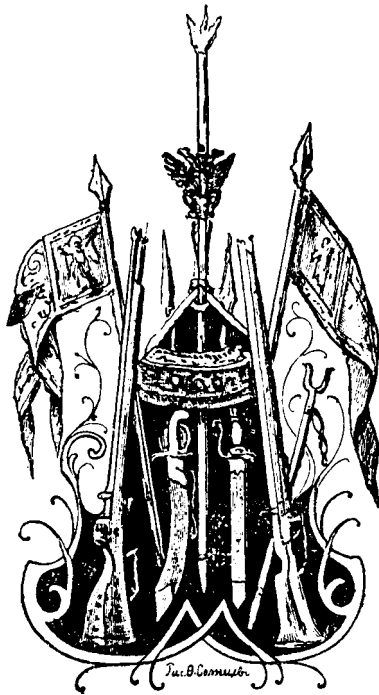
Именно поэтому то намъ и не слѣдовало бы слишкомъ низко цѣнить то преимущество, которымъ мы, пожалуй, будемъ обладать въ дѣйствительномъ бою по сравненію съ нашимъ западнымъ сосѣдомъ, если выступимъ на театрѣ войны *основательно обученными ночнымъ дѣйствіямъ*.

Дай Богъ, чтобы, несмотря на воплія понятное предубѣжденіе чловѣка противъ ночного боя, среди насъ все больше и больше

укрѣплялось сознание, что нельзя обойтись безъ подготовки къ нему!

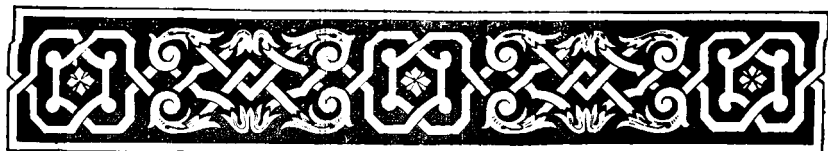
Прежде же всего нужно, чтобы въ средѣ арміи нашлось побольше начальниковъ, которые бы широко развивали планомѣрную практику въ ночныхъ дѣйствіяхъ и неустанной работой двигали это дѣло впередъ!

Перевелъ Г. Л.

В. И. Роборовскій.

Памяти Всеволода Ивановича Роборовскаго (1856—1910 гг.).

23-го іюля 1910 года не стало Всеволода Ивановича Роборовскаго: географическая наука потеряла изслѣдователя Центральной Азіи. Роборовскій скончался въ любимой имъ деревнѣ «Тараки», Тверской губерніи, на пятьдесятъ пятомъ году жизни—погибъ въ тяжелой борьбѣ съ недугомъ, мучившимъ его семь-восемь лѣтъ. Для насъ географовъ, для географической науки, которой такъ ревностно служилъ Всеволодъ Ивановичъ, онъ умеръ давно. Едва вышелъ отчетъ объ его путешествіи¹⁾ духовно-умственный свѣтильникъ Роборовскаго погасъ. Въ нашей географической средѣ остался одинъ лишь призракъ его, одно живое воспоминаніе. Съ тѣхъ поръ Всеволодъ Ивановичъ существовалъ только для своей семьи или вѣрнѣе семья для него. Въ кругу семьи, на лонѣ деревенской природы, онъ смежилъ глаза. Мощный духомъ и тѣломъ, онъ рано закончилъ свое земное существованіе.

Какъ нѣкогда Пржевальскому, такъ теперь его ученику и послѣдователю—Роборовскому, Географическое общество не сказало обычнаго «прости», не стояло у его открытой могилы, не могло украсить его изголовья лавровымъ вѣнкомъ. Но оно глубоко скорбитъ объ усопшемъ, оно молчаливо призываетъ молодыхъ географовъ, бодритъ ихъ, свѣтлою памятью объ ушедшемъ въ вѣчность и

¹⁾ Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго географическаго общества по Центральной Азіи, совершенной въ 1893—1895 гг. подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго. Часть 1-я, изданіе И. Р. Г. О. Сиб. 1900.

мыслью о новыхъ подобныхъ же подвигахъ на поприщѣ географической науки, географическихъ изслѣдованій.

В. И. Роборовскій родился 26-го апрѣля 1856 года, въ С.-Петербургѣ, въ небогатой дворянской семьѣ. Воспитаніе получилъ въ классической гимназіи и Гельсингфорскомъ юнкерскомъ училищѣ, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ 145-й пѣхотный Новочеркасскій Императора Александра III полкъ.

Любя природу, пытливый мальчикъ-гимназистъ, по праздникамъ, бродилъ въ окрестностяхъ Петербурга, а лѣтомъ въ поляхъ и лѣсахъ Тверской губерніи, и собиралъ растенія, бабочекъ, ящерицъ, рыбешекъ и проч. По свидѣтельству товарищей, Роборовскій весь отдавался наблюденіямъ всякаго рода садковъ, аквариумовъ, музеевъ, устраивая и у себя дома нѣчто подобное... Съ большимъ напряженіемъ осиливая математику, въ особенности же, доставившій ему много горькихъ воспоминаній, латинскій языкъ, онъ, въ то же время, превосходно шелъ по исторіи и географіи и самъ по себѣ съ увлеченіемъ занимался естествознаніемъ. Живыя описанія путешествій сильно дѣйствовали на впечатлительную душу юноши и часто мысли уносили его далеко отъ городского общества и служебныхъ занятій.

Вскорѣ, по выходѣ въ офицеры, Всеволодъ Ивановичъ встрѣтился съ товарищемъ по гимназіи, прапорщикомъ О. Л. Эклономъ, спутникомъ Н. М. Пржевальскаго «отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норъ». Разказами о прелестяхъ страннической жизни Эклонъ легко завладѣлъ душою Роборовскаго и скорѣ познакомилъ его съ Н. М. Пржевальскимъ, сильно нуждавшимся въ другомъ помощникѣ. При первой же встрѣчѣ, послѣ нѣсколькихъ словъ, Н. М. Пржевальскій нашелъ въ немъ спутника вполне подходящаго. «Человѣкъ весьма толковый, порядочно рисуетъ и знаетъ съемку, характера хорошаго, здоровья отличнаго», такъ характеризовалъ онъ Роборовскаго въ письмѣ къ своему другу І. Л. Фатѣеву. Пржевальскій тотчасъ же донесъ о своемъ избраніи Главному Штабу и 14-го декабря 1878 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командированіе полковника Пржевальскаго, прапорщиковъ Эклона и Роборовскаго, четырехъ казаковъ и трехъ солдатъ въ Тибетъ на два года.

21-го марта 1879 года Н. М. Пржевальскій выступилъ въ третье свое путешествіе по Центральной Азіи, такъ краснорѣчиво описанное имъ въ книгѣ «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки». Въ арьергардѣ каравана слѣдовалъ

полный силъ и здоровья прапорщикъ Роборовскій, впервые въ этотъ день вступившій на поприще путешественника.

Природа Азій, ея растительный міръ, монгольскія и тибетскія особенности этого міра, поражали Роборовскаго почти на каждомъ шагу. Подъ руководствомъ самого Н. М. Пржевальскаго его новый спутникъ скоро освоился съ приемами коллекціонированія растений, такъ называемымъ экспедиціоннымъ способомъ; это занятіе сдѣлалось основнымъ трудомъ Всеволода Ивановича, какъ участника экспедиціи. Владѣя въ то же время карандашемъ и проявляя интересъ къ жизни туземцевъ, Роборовскій существенно помогалъ своему начальнику и въ вопросахъ по этнографіи, часами разспрашивая, при помощи переводчика, объ обычаяхъ и нравахъ мѣстныхъ обитателей.

Около 20-ти мѣсяцевъ продолжалось это путешествіе, разъ навсегда рѣшившее судьбу Роборовскаго: онъ сдѣлался путешественникомъ.

По возвращеніи на родину участники экспедиціи были встрѣчены ею съ распростертыми объятіями. Ихъ труды и пріобрѣтенія нашли высшую оцѣнку. Въ разгарѣ чествованій за совершенный подвигъ Н. М. Пржевальскій задумалъ новый планъ путешествія.

21-го октября 1883 года, два съ половиною года спустя по возвращеніи въ родные предѣлы, Роборовскій явился вторично сопровождать Н. М. Пржевальскаго въ его четвертой экспедиціи въ Центральной Азій. Съ этого времени начинается и мое личное знакомство съ Всеволодомъ Ивановичемъ, такъ какъ и мнѣ судьба также улыбулась, и я попалъ въ избранники Пржевальскаго. Общее дѣло насъ объединило, путешествіе сблизило, мы стали невольными товарищами, а затѣмъ и друзьями на протяженіи многихъ лѣтъ.

Два года длилась эта новая экспедиція «Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима», увѣнчавшаяся, какъ и предыдущія, полнымъ успѣхомъ.

На этотъ разъ, вернувшись на родину, Роборовскій, сознавая недостаточность своей научной подготовки, горячо принялся за ея пополненіе. Усердно посѣщая зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ и Императорскій Ботаническій садъ, В. И. Роборовскій въ то же время вращался въ кругу специалистовъ и набирался знаній, такъ какъ новая экспедиція была рѣшена и Роборовскому снова предстояло принять въ ней участіе, притомъ на

началахъ большей, чѣмъ прежде, самостоятельности. Н. М. Пржевальскій уже имѣлъ въ виду давать В. И. Роборовскому отвѣтственные порученія, отправлять его въ дальніе разъѣзды.

Экспедиція была снаряжена, участники ея выѣхали съ Н. М. Пржевальскимъ во-главѣ, но не съ нимъ во-главѣ вернулись. 20-го октября 1888 года экспедиція осиротѣла: Пржевальскаго не стало — смерть скосила одного изъ великихъ людей XIX столѣтія.

Уходя въ вѣчность, Н. М. Пржевальскій завѣщалъ намъ, своимъ ученикамъ, дальнѣйшее изслѣдованіе любимой имъ Центральной Азіи. вмѣстѣ съ этимъ онъ завѣщалъ Роборовскому и мнѣ и его два знаменитыхъ ружья: Ланкастеръ и Перде ²⁾).

Начальство надъ экспедиціей было ввѣрено М. В. Пѣвцову.

По порученію своего начальника, В. И. Роборовскій произвелъ въ теченіе экспедиціи пять самостоятельныхъ поѣздокъ. Изъ этихъ поѣздокъ особеннаго вниманія по трудности заслуживаетъ та, которая была предпринята на нагорье Тибета, въ сторону истоковъ Керіи-Дарьи и въ невѣдомую пустыню, на высотѣ 16,000 футовъ надъ уровнемъ моря, куда не рискнулъ послѣдовать за Роборовскимъ никто изъ туземцевъ, такъ какъ тамъ, по ихъ словамъ, царитъ смерть, удушье «исъ-баръ». Черезъ переваль въ 17,300 футовъ надъ уровнемъ моря вступилъ Роборовскій на безжизненное плато Тибета. «Мнѣ въ первый разъ, пишетъ онъ ³⁾, приходилось быть въ такой дикой и ужасной пустынѣ. Полнѣйшее отсутствіе всякой жизни, голые, черные сланцевые гребни, выдутые бурями, вытянуты острыми, зубчатыми скелетами своими въ сѣверо-восточномъ направленіи. Сильные снѣжные бураны и ночные морозы, разрѣженность воздуха на высотѣ, державшейся между 16 и 17,000 футовъ надъ уровнемъ моря, тяжелая каменная дорога по острымъ сланцамъ, окончательно истомили лошадей и заставили подумать о возвращеніи. Съ значительной высоты я обозрѣлъ далекія окрестности. Мѣстность имѣла все тотъ же однообразный видъ: мертвой, каменисто-гребнистой сланцевой равнины...»

Такимъ образомъ, Роборовскій уже совершилъ три путешествія и являлся въ значительной мѣрѣ подготовленнымъ къ отвѣтственной роли руководителя экспедиціи, чаще и чаще говоря со

²⁾ Нынѣ оба эти ружья находятся у меня, такъ какъ еще при жизни В. И. Роборовскій завѣтныи Ланкастеръ уступилъ мнѣ.

³⁾ «Труды Тибетской экспедиціи», часть III, стр. 40 и «Извѣстія» И. Р. Г. О. за 1892 г., стр. 273 и послѣдующія.

мною о новомъ совмѣстномъ странствованіи въ завѣтную Сычуань. Мечты наши осуществились.

Въ апрѣлѣ 1892 года Совѣтъ Императорскаго Русскаго географическаго общества снарядилъ двухстороннюю экспедицію на восточную окраину нагорной Азіи: одну съ Г. Н. Потанинымъ во главѣ, другую—экспедицію спутниковъ Пржевальскаго—подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго.

15-го іюня 1893 года эта, послѣдняя для Роборовскаго, экспедиція выступила изъ города дорогого намъ имени—Пржевальска, отслуживъ наканунѣ, на могилѣ незабвеннаго учителя, панихиду. Горячо молились участники походовъ Пржевальскаго, молились о его чистой, любившей насъ душѣ, молились съ мыслью, чтобы духъ великаго учителя никогда не оставлялъ насъ, въ особенности въ трудныя минуты.

Послѣ того, я никогда не былъ на этомъ историческомъ мѣстѣ и при воспоминаніи о немъ воскресаютъ во мнѣ минуты нашего послѣдняго пребыванія у могилы, подлѣ которой воздвигался тогда памятникъ, упрочившій художественную славу современника и друга Пржевальскаго—генерала барона Бильдерлинга.

Вступивъ у поселка Охотничьяго на рѣкѣ Текесъ на китайскую территорию, караванъ экспедиціи перевалилъ въ долину Большого Юлдуса, выйдя изъ которой направился въ Карашарь, по дорогѣ, носящей характерное названіе «Долонь-дабань», что значитъ «Семьдесятъ переваловъ». Богатымъ и животною и растительною жизнью Большимъ Юлдусомъ, представляющимъ болотистое дно, бывшаго тутъ нѣкогда, обширнаго нагорнаго водоема, на абсолютной высотѣ 8—9,000 футовъ, до Роборовскаго никто изъ европейцевъ не проходилъ.

На берегу живописнаго альпійскаго озерка Кургутъ-норъ лагерь экспедиціи простоялъ нѣсколько дней, въ которые совершенно рядъ охотничьихъ экскурсій въ окрестности; затѣмъ, долиною Алго экспедиція вышла въ обширную Люкчунскую котловину.

На окраинѣ этой котловины, на высотѣ всего лишь шестнадцати футовъ надъ уровнемъ океана, чуть не въ самомъ центрѣ европейско-азиатскаго материка, на краю центрально-азиатской пустыни, устроена была экспедиціей форменная метеорологическая станція второго разряда. Устроивъ станцію и опредѣливъ ея географическія координаты, Роборовскій предпринялъ рядъ поѣздокъ по Люкчунской котловинѣ въ видахъ опредѣленія ея размѣровъ и очертаній. По заключенію извѣстнаго изслѣдователя Центральной

Азіи профессора В. А. Обручева, помянутая котловина или впадина, представляет «сбросъ» или «грабенъ» по геологической терминологіи.

Въ ноябрѣ 1893 года, по окончаніи работъ и легкихъ экскурсій въ Люкчунской котловинѣ, экспедиція снялась двумя партіями, чтобы изслѣдовать сосѣднюю къ юго-востоку пустыню. Одна партія направилась во-главѣ со мною, черезъ оазисъ Кисыль-Сынырь и озеро Лобъ-норъ, кружнымъ путемъ, въ цѣляхъ опредѣленія былого протяженія на востокъ этого, отживающаго свой вѣкъ, бассейна. Другая, главная, партія съ В. И. Роборовскимъ пошла на Хами запретной «проклятой» дорогой, вдоль которой колодцы завалены камнями и проходъ возможенъ только осевью, когда нѣсколько стихаютъ свирѣпствующія въ этой мѣстности бури, засыпающія безъ слѣдовъ, подъ вздымаемымъ ими пескомъ, цѣлые караваны. Ужасный переходъ до Хамійскаго оазиса сдѣланъ былъ благополучно въ двѣнадцать дней, въ теченіе которыхъ приходилось довольствоваться лишь отвратительною соленою водою изъ рѣдкихъ ключей, выходящихъ на поверхность почвы.

Восьмого января, 1894 года, Роборовскій пришелъ въ Са-чжоу, куда три недѣли спустя прибылъ и я съ Лобъ-нора, проведя въ развѣздѣ два съ половиною мѣсяца и сдѣлавъ за это время 1.750 верстъ, пройденныхъ съемкою по мѣстностямъ ранѣе не посѣщеннымъ. Въ пескахъ Кумъ-тагъ мнѣ посчастливилось добыть трехъ дикихъ верблюдовъ и изучить повадки этого свободнаго «корабля пустыни». Такимъ образомъ пути В. И. Роборовскаго и мой опоясали пустыню замкнутой линіей.

Теперь, на очереди изслѣдованія стоялъ Нань-Шань. Двѣ рекогносцировки, предпріятыя раннею весною изъ Са-чжоу въ сосѣднія горы, выяснили лѣтнюю дѣятельность экспедиціи. Рѣка Дань-хэ или Шараголчжинъ, какъ она называется въ верховьѣ, послужила магистральной линіей, по которой методически двигался караванъ, устраивая черезъ каждую сотню верстъ продолжительную стоянку. Стоянки эти выбирались въ лучшихъ мѣстахъ, богатыхъ кормомъ для караванныхъ животныхъ и удобныхъ исходныхъ пунктахъ для географическихъ развѣдокъ, одновременно производившихся В. И. Роборовскимъ и мною. На главномъ бивакѣ оставался В. И. Ладыгинъ—нашъ третій товарищъ, который, помимо ботаническихъ сборовъ и пополненія энтомологической коллекціи, систематически велъ метеорологическія наблюденія. Всѣ такіе пункты опредѣлялись астрономически. Къ нимъ мы привязывали свои маршруты, представлявшіе собою удлиненныя цѣтли.

Все лѣто прошло въ разѣздахъ вдоль и поперекъ Нань-Шаня. Не стану останавливаться на трудностяхъ, съ которыми были сопряжены эти разѣзды безъ проводниковъ, на большой высотѣ, гдѣ и лѣтомъ морозы доходятъ до 10° , а за ночь путники засыпаются снѣгомъ на нѣсколько вершковъ.

Осень принудила экспедицію спуститься съ Нань-Шаня въ Курлыкь-Цайдамъ, откуда, перваго декабря, она отправилась въ Сы-чуань. При этомъ движеніи выяснилось, что извилина Желтой рѣки удаляется на востокъ значительно далѣе, чѣмъ показывалось на картахъ: «мы прошли, пишетъ Роборовскій ⁴⁾, отъ Курлыка около пятисотъ верствъ и до извилины оставалось хода еще дней 10—12, по словамъ проводника, который, впрочемъ, здѣсь сбѣжалъ. Сильные леденящіе бураны на 13.000—14.000 футовъ абсолютной высоты, морозы и безкормица, губили нашихъ животныхъ; трудность горныхъ дорогъ тоже не мало вляла на ихъ гибель—многіе обрывались съ узкихъ тропинокъ. Дорогою я перенесъ сильный плевритъ. Почти всѣ люди страдали страшнымъ кашлемъ. Но, несмотря на все это, мы настойчиво, хотя медленно, шли впередъ, въ надеждѣ побывать въ Сы-чуани. Но этой надеждѣ не суждено было осуществиться».

Въ ночь съ 9-го на 10-ое января 1895 года, Всеволода Ивановича разбилъ параличъ. Считая безуміемъ при такихъ условіяхъ двигаться впередъ и тѣмъ ставить на карту всю экспедицію, Роборовскій рѣшилъ повернуть назадъ. Ужасно тяжело было примириться съ этою мыслью...

Выдержавъ по дорогѣ нападеніе крупной шайки тангутовъ, экспедиція вернулась 25 марта въ Курлыкь-Цайдамъ, гдѣ въ теченіе двухмѣсячной стоянки, среди миролюбивыхъ монголовъ, большой значительно оправился и въ состояніи былъ, правда съ періодическими остановками, перевалить Нань-Шань и черезъ Са-чжоу-Хамійскую пустыню обратно прибыть въ Люкчунь... Послѣдняя же продолжительная остановка въ складѣ экспедиціи подкрѣпила силы В. И. Роборовскаго настолько, что онъ согласился разстаться со мною, чтобы послѣдній періодъ путешествія прошелъ бы такъ же успѣшно, какъ и предыдущіе, чтобы, вѣрные своему принципу двигаться врозь въ цѣляхъ охватывать большее пространство, мы и заключительную часть тридцатимѣсячнаго заграничнаго странствованія прошли разными путями.

Двадцать перваго ноября 1895 года, экспедиція благополучно вернулась въ родные предѣлы...

⁴⁾ «Извѣстія» П. Р. Г. О. за 1895 годъ, стр. 495.

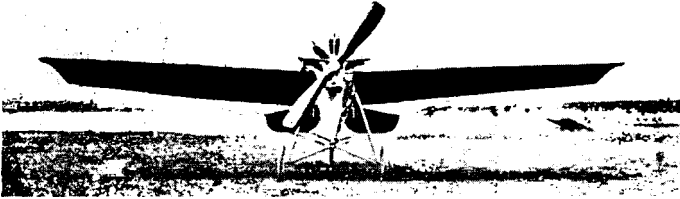
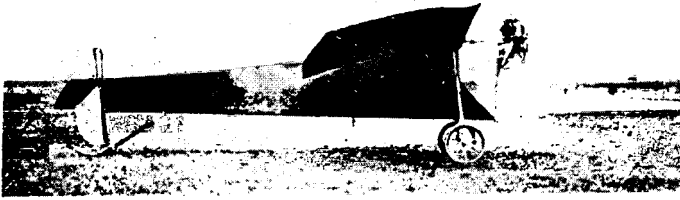
По отзыву генерала Большева, разработавшаго картографическій матеріаль, съёмка членовъ экспедиціи дала возможность нанести на карту 220,000 верстъ земной поверхности, а генераль Бонсдорфъ, принявшій на себя трудъ вычисленія астрономическихъ наблюденій Всеволода Ивановича, по поводу этихъ наблюденій, говорить слѣдующее: «Роборовскій добросовѣстно и хорошо выполнилъ свою задачу».

По метеорологіи рѣдкая экспедиція дала столько для познанія распредѣленія метеорологическихъ элементовъ въ посѣщенномъ ею районѣ. «Эти наблюденія, пишетъ А. А. Тилло въ своей, по этому поводу, запискѣ, дали возможность установить съ особенною точностью высоту Люкчунской впадины надъ уровнемъ моря. Такимъ образомъ изобары всей Азіи только теперь могутъ получаться не гадательно, а ужъ съ приближеніемъ въ 1, 2 или 3 миллиметра, тогда какъ до сихъ поръ изобары могли грѣшиться и до 10 и 20 мм., что составляетъ для всей метеорологіи, а также и для гипсометрии, громаднѣйшій успѣхъ научный и практическій. Люкчунъ, находясь въ самомъ геометрическомъ центрѣ Азіатскаго материка, по необыкновенно счастливой случайности оказался почти на уровнѣ моря, такъ что никакихъ приведеній ни температуры, ни давленія, не приходится дѣлать; поэтому избѣгается операція всегда неблагонадежная и спорная»...

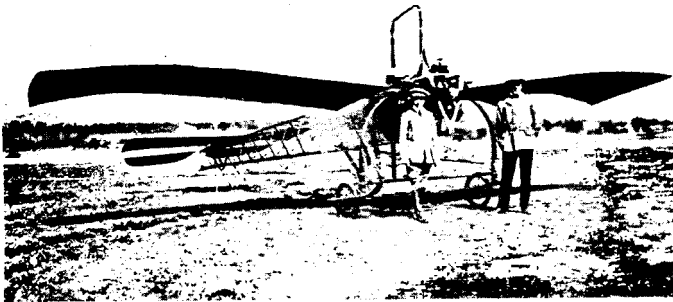
Наблюдатель Люкчунской метеорологической станціи, согласно указаній, завязалъ сношенія съ мѣстными обитателями и приобрѣлъ отъ нихъ археологическія находки, добытыя путемъ раскопокъ въ развалинахъ древнихъ городовъ, во множествѣ находящихся въ Турфанскомъ округѣ. Такимъ образомъ первыя турфанскія письмена были доставлены экспедиціей В. И. Роборовскаго, побудившей Императорскую Академію Наукъ снарядить спеціальную экспедицію, примѣру которой вскорѣ послѣдовали нѣмецкіе, англійскіе и французскіе изслѣдователи.

О томъ, насколько В. И. Роборовскій былъ озабоченъ выполненіемъ задачи экспедиціи вообще, говоритъ слѣдующее обстоятельство. Будучи пораженъ параличемъ, лишившимъ экспедицію возможности продолжать путь къ югу, Всеволодъ Ивановичъ страшно скорбѣлъ: сильнаго характеромъ человекъ душили слезы.. въ тихомолку онъ болѣзненно плакалъ. «Масса всевозможныхъ мыслей, пишетъ онъ ⁵⁾, толпилась въ беспорядкѣ въ больной головѣ; постоянныя потери сознанія обрывали ихъ; онъ лѣзлъ снова и снова,

⁵⁾ В. И. Роборовскій. Отчетъ начальника экспедиціи. Часть I, стран. 385—386.

Новый монспланъ Эно-Пельтри.
(R. E. P. № 18).

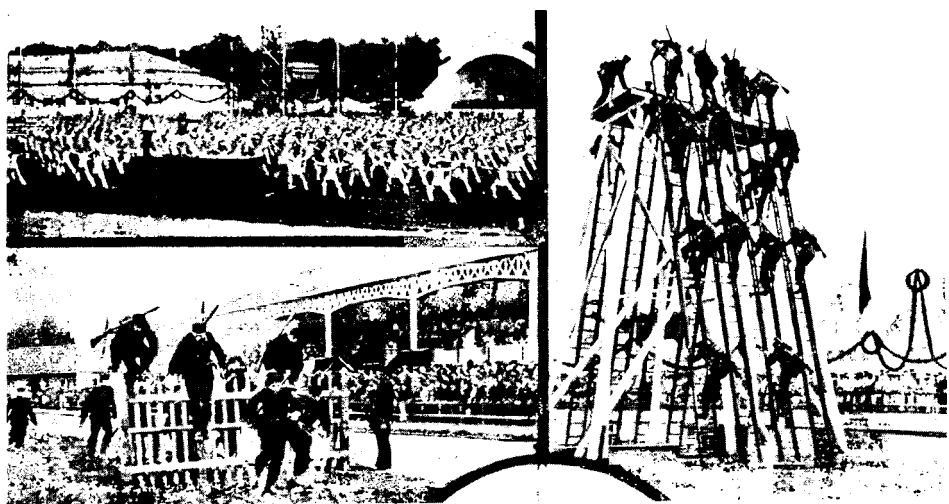

Монопланъ Блиндермана и Маіорова.

АНГЛІЯ. Пріє при отправленіи своемъ изъ Лондона.

(Пріє совершилъ полетъ Лондонъ—Парижъ въ 3 ч. 56 м., безъ остановки).

ГЕРМАНИЯ. Гимнастическія состязанія саксонской арміи въ Дрезденѣ.

Несовсѣмъ обыкновенныя скаковыя животныя (ламы)!

прерывались обмороками и т. д. Но все таки я недопускалъ мысли о томъ, что это задержитъ наше движеніе въ Сычуань, и нарочно старался думать о чемъ либо другомъ; но одна и та же назойливая мысль, не развиваясь дальше, не покидала мозгъ. Возможность невыполненія задачи, намѣченной и взлелѣянной еще въ Петербургѣ, вызывала молчаливые слезы, сердце невыносимо больно сжималось, отъ этой боли спиралось дыханіе, на лбу выступалъ потъ, наступалъ обморокъ, и, какъ только онъ проходилъ, все начиналось снова. Помириться съ этой мыслью мнѣ казалось невозможнымъ и я боролся съ нею до перваго обморока, а по приходѣ въ чувство — въ головѣ страшная боль, словно тысячи фабричныхъ молотовъ работали на перебой; голова кружилась, и казалось, катишься въ какую то безконечную пропасть».

А еще наканунѣ роковаго дня мы съ товарищемъ спокойно дѣлились впечатлѣніями, любясь величественными картинами природы сѣверо-восточнаго Тибетскаго нагорья, чарующими снѣговыми вершинами хребта «Сѣдой дѣдушка» — Амнэмачинъ, многочисленными ущельями, вверху скованными ледниками, а внизу наполненными шумомъ водъ каскадовъ, обрамленныхъ густою растительностью, подъ снѣнью которой скрывались интересные звѣри и птицы! Сколько каждый изъ насъ таилъ тихой радости при мысли объ экскурсіяхъ въ подобныхъ уголкахъ! И вдругъ обратный путь... Всякое промедленіе на нагорьѣ больному грозило смертью. Никогда не забуду особенно тяжелаго дня, когда караванъ экспедиціи змѣей извивался по кручамъ, каменнымъ карнизамъ, висячимъ балконамъ, поднимаясь выше и выше, а глубоко внизу, слѣдуя за капризнымъ теченіемъ обледенѣлой рѣчки, съ уступа на уступъ, съ посохомъ въ рукѣ, едва тащился больной товарищъ, поддерживаемый сильными руками гренадеръ.

Говоря о Роборовскомъ, какъ объ ученикѣ и послѣдователѣ славнаго Пржевальскаго, мы невольно чувствуемъ подлѣ себя тѣнь перваго изслѣдователя природы Центральной Азіи, тѣнь самого Н. М. Пржевальскаго, который, надѣмся, былъ бы вполне удовлетворенъ содѣяннымъ его сотрудникомъ. Роборовскій выполнилъ завѣтъ учителя: прошелъ по тернистому пути живой географической науки и приблизился къ славному вѣнку Пржевальскаго. Свѣжій лепестокъ этого вѣнка, серебрянная медаль имени учителя, въ свое время вызвала слезу умиленія на благородномъ лицѣ ученика, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ, на закатѣ своей ученой дѣятельности, высшее отличіе Императорскаго Русскаго Географическаго

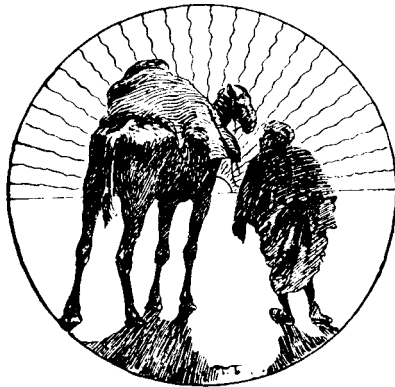
Общества—Константиновская медаль—доставила Роборовскому полное душевное удовлетвореніе.

Съ необычайной скромностью и благоговѣніемъ Роборовскій проникъ въ географическую среду и съ такой же скромностью онъ ее оставилъ.

Послѣдніе годы—годы сплошнаго страданія души и тѣла, больной переносилъ съ обычной стойкостью и мужествомъ.

Прощай, дорогой товарищъ, да будетъ легка тебѣ земля! Поклонись тому, чье великое имя мы только что упомянули, кто протянулъ намъ свою могучую руку и открылъ свою чистую великую душу, кто научилъ любить и понимать природу и кто завѣщалъ въ наслѣдіе изслѣдованіе Центральной Азіи.

П. Козловъ.

прусская Эльбская армія вошла въ Дрезденъ, другая армія сосредоточивалась у Герлица; для австрійцевъ становилось ясно, откуда нужно было ожидать непріятели.

Три прусскія дивизіи заняли Ганноверъ. Южно-германцы вынуждены были позаботиться о защитѣ своихъ собственныхъ границъ, и такимъ образомъ баварцы были потеряны для австрійской арміи. Всего семь австрійскихъ и одинъ саксонскій корпусъ имѣли противъ себя девять прусскихъ. Обѣ стороны приблизительно были равными, такъ какъ прусскій корпусъ по численности былъ нѣсколько меньше австрійскаго. Если бы, поэтому, удалось двумя корпусами прикрѣпить четыре корпуса второй прусской арміи, а четырьмя другими достигнуть праваго берега Эльбы, то австрійцы могли все же рассчитывать на нѣкоторое превосходство при наступленіи противъ первой прусской арміи. Правда, была невыгодна самая форма наступленія въ Богемію, такъ какъ три корпуса должны были слѣдовать одной дорогой, два другіе—другой и одинъ—второй корпусъ въ качествѣ бокового авангарда арміи слѣдовалъ особой дорогой. Въ общемъ, армія, въ составѣ 6 корпусовъ, двигалась по тремъ путямъ.

Къ 29-му іюня австрійцы сосредоточились въ двухъ группахъ; въ одной численность ихъ значительно превышала непріятели, другая группа обладала отличной позиціей. Но австрійскій главнокомандующій упустилъ изъ виду указаніе Наполеона, что *«сильнѣйшій бьетъ въ томъ только случаѣ, если онъ съ полнымъ пониманіемъ распорядится своими силами»*.

Какъ извѣстно, всѣ дальнѣйшія дѣйствія Бенедека проникнуты были нерѣшительностью. Тотъ смѣлый планъ, о которомъ было упомянуто въ недавно вышедшей монографіи о немъ, сводился къ тому, что онъ съ тремя, одинъ за другимъ поставленными, корпусами занялъ сильную позицію для встрѣчи одного непріятельскаго корпуса. Если бы, этотъ послѣдній не наступалъ весь планъ сводился на нѣтъ; при наступленіи же его, можно было въ томъ лишь случаѣ ожидать богатыхъ послѣдствій, если бы оба сзади стоящіе австрійскіе корпуса обошли врага справа и слѣва, а головной корпусъ въ это время крѣпко держалъ его съ фронта. На самомъ дѣлѣ плана этого не имѣли въ виду. Только головной корпусъ долженъ былъ непосредственно принять ударъ; оба другіе оставались на мѣстѣ въ качествѣ резерва. При такомъ использованіи своего превосходства ничего иного, кромѣ отбитія удара, ожидать было нельзя. Подобный замыселъ Бенедека можно объяснить только тѣмъ, что онъ не былъ проникнутъ духомъ наступленія. А будь наступленіе въ концѣ концовъ имъ предпринято, не замедлили бы дать о себѣ знать его отрицательныя полководческія свойства. Солдатъ-практикъ, онъ никогда не упражнялся въ вожденіи 100,000 людей; тѣмъ менѣе зналъ онъ

это теоретически и не могъ даже ясно представить себѣ этого въ своемъ воображеніи. Своими тремя корпусами умѣлъ онъ распорядиться не иначе, какъ по примѣру у С.-Мартино, подѣ Сольферино; т. е. онъ могъ только или ожидать удара или его отклонить, но не болѣе того.

И вся война для австрійцевъ приняла такой неблагоприятный оборотъ потому, что во главѣ арміи поставленъ былъ вождь, который не отдавалъ себѣ яснаго отчета, какъ нужно маневрировать съ арміей въ составѣ восьми корпусовъ. Замѣчательно при этомъ только то, что человекъ, который, и по своему прошлому, и по своимъ взглядамъ, не могъ считаться обладающимъ крупными дарованіями, признается вдругъ способнымъ на великія полководческія дѣла. Позволили бы ему осуществить его собственныя идеи, кто знаетъ, что случилось бы тогда! иронически замѣчаетъ графъ Шлиффенъ.

Сопrotивленіе, встрѣченное имъ среди его ближайшихъ подчиненныхъ, все будто бы испортило! Но отъ оппозиціи и критики никто изъ полководцевъ не застрахованъ, будь то даже Фридрихъ Великій или Наполеонъ, особенно при началѣ своей дѣятельности полководца. Война слишкомъ серьезное дѣло, чтобы каждый шагъ его принимался безапелляціонно со стороны тѣхъ, кто также облеченъ долей отвѣтственности за ея исходъ. Слѣпое подчиненіе вождю завоевывается силой несокрушимой энергіи, превосходствомъ духа и желѣзною волею.

Бенедекъ всего этого не доставало; изъ Вѣны получались не-пріятности; ясно, чтобы бороться съ противодѣйствіями вокругъ себя, необходимо было наличіе исключительнаго характера.

Среди такихъ обстоятельствъ текли событія войны. Какую бы долю ошибокъ ни приписывать Хенигштейну и Крисманичу за упущенный благоприятный случай у Скалица 28 іюня, за сосредоточеніе цѣлой арміи на позиціи у Дубницы, за долгій отдыхъ у Кениггреца, но въ отказѣ перейти вообще въ наступленіе, ни разу, когда такое представлялось возможнымъ, повиненъ только Бенедекъ. Носясь съ неопредѣленными туманными мечтаніями о наступательныхъ дѣйствіяхъ, вродѣ движенія отъ Ольмюца прямо на Берлинъ, уничтоженія арміи кронпринца и пр., всякій разъ, оказываясь конкретно лицомъ къ лицу съ непріателемъ, онъ неизмѣнно впадалъ въ протрацію обороны. Ничего иного, слѣдовательно, какъ быть разбитымъ, его и не могло ожидать тамъ, гдѣ всякій успѣхъ основанъ на быстромъ и стремительномъ ударѣ. Никакіе мемуары, архивы, ни тѣмъ болѣе попытки къ оправданію, не могутъ что-либо исправить въ памяти о томъ полководцѣ, съ именемъ котораго связанъ проигрышъ войны. Авторъ рѣзко, но очень мѣтко и характерно, подчеркиваетъ, что во всякомъ творчествѣ (значить и въ полководческомъ) *дѣла и только дѣла* говорятъ за человекъ, за его соотвѣтствіе, за

его способности и таланты. А что было бы, если обстановка сложилась иначе, если Вѣна не держала главнокомандующаго на помочахъ и т. п., это неинтересно и никому не нужно. Настоящій вождь выйдетъ побѣдителемъ при всякихъ трудностяхъ, откуда бы онѣ ни валились.

Отъ кого же можно было бы услышать болѣе интересное и авторитетное сужденіе о нынѣшней турецкой арміи, какъ не отъ фельд-маршала фонъ-деръ-Гольца, отъ знаменитаго Гольца-Паши—творца и вдохновителя современныхъ турецкихъ вооруженныхъ силъ! Поэтому его «*воспоминанія о турецкихъ маневрахъ 1910 года*», напечатанныя въ томъ же выпускѣ *Vierteljahreshefte*, должны привлечь вниманіе всѣхъ, кто хочетъ знать послѣднее слово объ оттоманскихъ войскахъ. Можетъ быть, конечно, умѣстно будетъ не забывать, при чтеніи этихъ воспоминаній, лишь о томъ, что здѣсь творецъ говоритъ о своемъ произведеніи.

Рѣчь идетъ о систематическомъ циклѣ маневренныхъ упражненій двухъ корпусовъ—I и II, Константинопольскаго и Адрианопольскаго, которые послѣдовательно продѣлали осенью минувшаго года всѣ ступени маневренной практики отъ бригадныхъ вплоть до большихъ, армейскихъ, подвижныхъ сборовъ.

Гольцъ признаетъ, что военное могущество Турціи при новомъ режимѣ сдѣлало крупныя шаги по пути совершенствованія. Въ случаѣ войны не будетъ недостатка и въ подготовленныхъ генералахъ для командованія крупными соединеніями изъ всѣхъ родовъ войскъ. Маневры развивались весьма правдоподобно; рѣшенія начальниковъ логически вытекали изъ положенія вещей; вѣрно учитывалось значеніе мѣстности и особенно замѣтно было правильное пользованіе ея свойствами. Конечно были недостатки и погрѣшности, происходившіе отъ отсутствія большого опыта и привычки къ вожденію въ полѣ крупныхъ массъ.

Штабы еще не принаровились работать быстро, продуктивно и достаточно точно. Въ штабахъ крупныхъ военачальниковъ много безответственныхъ совѣтниковъ и добротныхъ помощниковъ, принимающихъ непрошенное участіе въ командованіи, слѣдствіемъ чего является недостатокъ ясности въ приказаніяхъ, путанность распоряженій, а это чревато большими опасностями на войнѣ. Съ ними связано приниженіе чувства ответственности, боязнь ея. Гольцъ ссылается при этомъ на германскую армію, которая своими верховными вождями, преемственно, была воспитана такъ, что въ плоть и кровь ея вошло вѣрное пониманіе долга ответственности на войнѣ. Золотыя слова Мольтке: «военно-іерархическая лѣстница отношеній дол-

жна способствовать дисциплинѣ также и мышленія въ арміи» — имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ это могло казаться. Подобной дисциплины мышленія нѣтъ еще въ турецкомъ генеральномъ штабѣ. По слабой практической подготовкѣ своей, офицеры этого штаба часто обращаются къ различнымъ спасительнымъ теоріямъ изъ книгъ, въ поискахъ за выборомъ наилучшихъ совѣтовъ запутываются и въ нужную минуту не могутъ принять цѣлесообразнаго рѣшенія.

Развертываніе войскъ для боя, какъ на походѣ, такъ и изъ резервныхъ порядковъ, производится недостаточно скоро и увѣренно. Быстрое выдвиганіе частей на основаніи перваго полученнаго о непріятелѣ свѣдѣнія является показателемъ неопытности начальниковъ, которые спѣшатъ при первомъ же признакѣ опасности принять мѣры противодѣйствія и часто — совершенно въ пустую. Нѣтъ умѣнія правильно назначать мѣсто резерву, давать ему вѣрное направленіе и выдвигать его въ бой сообразно съ его развитіемъ.

Склонность къ раздѣленію и расчлененію силъ у турокъ замѣтно отпадаетъ. Дивизіи въ бою дѣйствуютъ совокупно. Для общей характеристики веденія боя интересенъ былъ послѣдній день маневровъ — сосредоточенное наступленіе трехъ дивизій. Хотя протяженіе фронта ихъ наступленія было ограничено, тѣмъ не менѣе оно достигало 12, 14 и 15 километровъ, т. е. столько же, какъ и ширина всего прусскаго наступленія подъ Кениггрецомъ, нѣмецкаго — подъ Гравелотъ — С. Прива, хотя тамъ принимало участіе 200 тысячъ, а здѣсь всего 30 тысячъ. Это есть послѣдствія того, что руководители войскъ многіе годы не имѣли практики на дѣйствительной мѣстности, а ограничивались только упражненіями на планахъ мелкаго масштаба. Кто будетъ свои колонны привязывать къ дорогамъ, идущимъ въ одномъ направленіи, тотъ всегда будетъ растягиваться на значительную ширину. Въ случаѣ неожиданнаго столкновенія въ такой обстановкѣ съ непріятелемъ, если старшій начальникъ быстро не охватитъ общаго положенія и не предприметъ стремительнаго рѣшенія, каждая колонна поведетъ бой самостоятельно и въ свою очередь разлѣзется въ ширь. Явленіе это неизбежно у неопытныхъ генераловъ и устранить его возможно лишь постоянными упражненіями въ вожденіи крупныхъ частей на дѣйствительной мѣстности.

Въ заключеніе фонъ-деръ-Гольцъ отмѣчаетъ самое отрадное явленіе у турокъ — съ каждымъ днемъ возростающій всеобщій интересъ къ ходу маневровъ и особенно у старшихъ офицеровъ. Удовольствіе управлять и приказывать пробудилось у генераловъ; охота исполнять все отъ сердца — у ихъ подчиненныхъ. Тридцатилѣтняя летаргія наконецъ прорвалась въ турецкой арміи. Автору казалось, что у турокъ совсѣмъ погребена была даже склонность къ живому военному дѣлу, и подкрадывавшійся къ арміи пессимизмъ не сулилъ надеждъ

на дѣйствительное ея возрожденіе. Маневры 1910 года имѣютъ по-этому особенное значеніе; они дали толчекъ къ дальнѣйшему успѣху и вселили въ войскахъ увѣренность въ свои силы, пробудили сознание необходимости дальнѣйшей работы. Послѣдствія этого пробужденія не ограничатся одною арміею; они проникнутъ въ широкіе круги турецкаго народа, которые воспрянутъ надеждой на новый расцвѣтъ монархіи османлисовъ.

Въ «*размышленіяхъ о нашей тактикѣ артилеріи*» майоръ Бѣкманъ, въ томъ же журналѣ германскаго генеральнаго штаба даетъ сжатый очеркъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ по тактикѣ артилеріи, какъ они разрѣшаются нынѣ въ офиціальныя нѣмецкихъ положенія, предназначая свое изслѣдованіе не для артилеристовъ, а для офицеровъ другихъ родовъ войскъ.

Между прочимъ, упоминая объ *артилерійскомъ резервѣ*, авторъ говоритъ, что по смыслу германскаго устава подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ понимать не ту часть артилеріи, которая оставлена для выполненія окончательнаго боевого удара, а ту, которая предназначена для *выполненія особыхъ задачъ въ бою*. Оставленіе такого резерва прежде всего зависитъ отъ общей боевой обстановки и, затѣмъ уже, отъ числительности артилеріи въ отрядѣ. Мысль о необходимости выдѣленія части артилеріи въ резервъ приводитъ часто къ тому, что дѣлаютъ въ бою нѣкоторую выдержку прежде, чѣмъ развернуть артилерію въ боевой порядокъ, а это въ большинствѣ случаевъ способствуетъ большому успѣху веденія всего дальнѣйшаго боя. Поэтому, авторъ желаетъ придать смыслу артилерійскаго резерва двойное значеніе, а именно, чтобы, кромѣ вышеупомянутаго, онъ способствовалъ *задержкѣ выезда артилеріи* на позицію до нѣкотораго выясненія условій предстоящаго боя. Тѣ времена, когда первый непріятельскій пушечный выстрѣлъ знаменовалъ развертываніе всей артилеріи отряда для открытія огня и часто начало общей канонады, отошли въ безвозвратное прошлое. Нынѣ артилерія должна быть цѣлесообразно использована и главнымъ залогомъ подобной цѣлесообразности будетъ, ясно и точно поставленная начальникомъ отряда задача своему начальнику артилеріи.

Генераль Фрейтагъ-Лорингофенъ, одинъ изъ оберъ-квартирмейстеровъ большого генеральнаго штаба, пишетъ въ своемъ журналѣ «*о наступленіи съ ограниченою цѣлью*». Приводя цѣлый рядъ цитатъ изъ знаменитаго сочиненія Клаузевица «*о войнѣ*», гдѣ имѣется особая глава «*о размѣрѣ военной цѣли и усилій*», авторъ подтверждаетъ основную свою мысль словами Клаузевица: «насиліе наше

надъ противникомъ измѣряется его и нашими политическими стремленіями. Насколько они обоюдно извѣстны, настолько представляютъ они мѣрило затрачиваемыхъ усилій. Цѣль, которую поставилъ себѣ предпринимающей войну, и средства, которыя онъ выставитъ для ея достиженія, должны опредѣлить характеръ самой войны. Каждая эпоха слѣдовательно должна имѣть свою особую форму войны».

Гигантскій ростъ армій, развитіе новѣйшей техники и современныхъ условій кредита создали совершенно новыя средства и данныя для веденія войны. Размѣръ вооруженныхъ силъ сравнительно, со времени Наполеона, увеличился настолько, что значеніе, которое тогда на театрѣ войны придавалось корпусу, нынѣ относится до частной арміи. Отсюда возникли сомнѣнія, да могутъ ли нынѣ миллионныя полчища руководиться одною волею въ такой степені, чтобы она могла ихъ направлять для широкаго наступленія? Наполеонъ имѣлъ дѣло съ немногими ему непосредственно подчиненными начальниками; затѣмъ въ системѣ его управленія на войнѣ въ основѣ лежала строгая централизація, но техника его времени не поспѣвала въ своемъ развитіи за постепеннымъ ростомъ его армій въ позднѣйшія его войны, когда уже очень ощущалась надобность и въ телеграфѣхъ, и въ желѣзныхъ дорогахъ. Мольтке пользовался и тѣми, и другими, и значительно поднялъ самостоятельность частной арміи въ составѣ всей совокупности силъ на театрѣ войны. Нынѣшнія усовершенствованныя и пріумноженныя средства сообщеній и сношеній даютъ опять возможность вождю «подтянуть» руководство къ своимъ рукамъ, не причиняя ущерба самостоятельности своихъ подчиненныхъ, пока таковою пользуются въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но противъ новой централизаціи возопитъ огромность нынѣшнихъ армій. Чтобы успѣшно справиться съ труднѣйшей задачей управленія ими на войнѣ, необходима единодушная подготовка всего команднаго персонала въ духѣ единства взглядовъ на боевое употребленіе армій. Въ этомъ вѣрнѣйшее ручательство добрыхъ результатовъ.

Война между нынѣшними европейскими великими державами представитъ нѣчто въ родѣ новаго переселенія народовъ, такъ какъ чуть ли ни все, способное носить оружіе, мужское населеніе государства двинется вслѣдъ за арміей. Если съ одной стороны боевая сила значительно возрасла сравнительно съ прошлымъ, то съ другой—нельзя не признать, что надежды окончательно ниспровергнуть враждебное государство нынѣ не могутъ быть очень велики, разъ одинъ народъ поднялся цѣликомъ противъ другого. Въ силу этого соображенія, нельзя исключать возможности того, что въ будущемъ вновь можетъ явиться надобность въ планѣ войны, предусматривающемъ *наступленіе съ ограниченою цѣлью*. Подобное наступленіе было присуще слабымъ наемнымъ арміямъ, такъ какъ на иное болѣе широкое онѣ не

были способны; при повтореніи его въ будущемъ, вмѣсто ужасовъ столкновенія вооруженныхъ народовъ, допустимо нѣкоторое уменьшеніе ихъ.

Въ исторической жизни народовъ контрасты нерѣдко сходятся, и круговой оборотъ всѣхъ явленій на нашемъ свѣтѣ касается и военного искусства, замѣчаетъ Лорингофенъ.

Огромные пространственные размѣры, неизбѣжныя для нынѣшнихъ армій, укажутъ по необходимости и разницу въ задачахъ, которыя могутъ выпасть на долю каждой изъ нихъ. Различіе въ способахъ ихъ дѣйствій, что раньше случалось при операціяхъ на разныхъ театрахъ и въ различные періоды войны, нынѣ можетъ случиться одновременно на одномъ театрѣ. Нѣкоторымъ арміямъ придется отстаиваться на укрѣпленныхъ позиціяхъ или притянуть на себя непріятельскія силы наступленіемъ съ ограниченной цѣлью въ то время, какъ на другомъ концѣ послѣдуетъ рѣшительный ударъ.

Еще Клаузевицъ сказалъ, что «какъ ни дика природа войны, она, тѣмъ не менѣе, скована цѣпью человѣческихъ слабостей». Эти слабости еще осязательнѣе для нынѣшнихъ миллионныхъ войскъ. Если Фридрихъ считалъ, что войну нужно вести *коротко и живо*, то тѣмъ болѣе это справедливо для нашего времени. Отсюда цѣнность инициативы еще чувствительнѣе. Наступленіе укажетъ для нея подходящія цѣли даже и въ томъ случаѣ, если по современнымъ условіямъ онѣ должны быть ограничены.

Высокая культура нашего времени окажетъ на способы веденія войны огромное вліяніе, но она же своими богатыми средствами облегчитъ его. Будетъ ли въ конечной цѣли окончательное низверженіе врага или иное—то, что именуется *целью ограниченной*, во всякомъ случаѣ, *самое веденіе войны должно быть всегда направлено къ уничтоженію силъ врага*. На войнѣ всѣ иныя соображенія обязаны подчиняться этому высшему закону.

Въ майской книжкѣ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*» помѣщено окончаніе статьи «*O strategii Moltke между Мецомъ и Седаномъ въ нѣмецкомъ и французскомъ освѣщеніи*» (см. стр. 204 «Воен. Сб.» май этого года). Авторъ категорически отстаиваетъ глубокую продуманность десятидневной операціи Мольтке, закончившейся Седанскимъ разгромомъ. Всѣ многообразныя измѣненія марша нѣмецкихъ армій при движеніи къ Седану исходили изъ руководящаго мотива—настигнуть непріятели и нанести ему рѣшительное пораженіе. Мотивъ этотъ требовалъ, чтобы, не взирая на самыя тяжелыя условія, полководецъ имѣлъ бы возможность въ любой нужный моментъ располагать всѣми силами; настойчивая воля находилась въ

тѣсномъ взаимодействіи съ ясностью мысли и энергіей при осуществленіи указаннаго плана.

Если бы признать частыя перемѣны въ направленіи движенія нѣмецкихъ армій, какъ послѣдствіе отсутствія строго руководящей идеи, то тогда, какъ естественный результатъ, на практикѣ должно было бы это выразиться примѣненіемъ «*системы поддерживанія*» (System der Aushilfen). Какъ 25-го августа, такъ и въ послѣдующіе дни, ясно было, что если непріятель и заставитъ временно отклониться отъ достиженія поставленной цѣли, то полководецъ, при свойствахъ своего характера и не стѣсняемый въ свободѣ своихъ дѣйствій, сумѣетъ справиться съ возникшими для него неожиданностями. Мольтке проявилъ здѣсь вплоть до 1-го сентября высокую способность примѣняться къ неожиданно возникающимъ, новымъ, условіямъ и былъ чуждъ какой-либо предвзятой *системы*.

Авторъ особенно подчеркиваетъ искусство стратегической техники (Kunsttechnik) у Мольтке, которое бросается въ глаза въ разсматриваемой операціи.

Майская книжка упомянутаго журнала вообще составлена очень содержательно и, къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ болѣе подробно отмѣтить всѣ статьи этого выпуска. Полковникъ Курнаговскій предлагаетъ читателямъ сжатую *характеристику генерал-фельдмаршала фонъ-деръ-Гольца* — этого «*перваго генерала всею свѣта*», какъ назвалъ его аргентинскій военный министръ во время тоста въ честь его въ началѣ минувшаго года, когда Гольцъ представлялъ собою особу императора на столѣтнемъ празднованіи дня независимости республики.

Авторъ восторженно отмѣчаетъ всѣ разнообразныя способности фельдмаршала и его искусство владѣть перомъ, не меньшее, чѣмъ талантъ командовать войсками и, особенно, сводимыми въ крупныя массы, равно какъ и исключительное умѣнье вести военную игру, руководить большими маневрами и воспитывать подчиненныхъ въ духѣ идейныхъ требованій войны нашего времени.

Въ минувшемъ году онъ руководилъ императорскими маневрами въ Восточной Пруссіи, замѣнивъ заболѣвшаго тогда начальника генеральнаго штаба ф. Мольтке.

На этихъ маневрахъ воспитанный имъ I корпусъ явилъ собою высокій образецъ боевой подготовки и показалъ рѣдкій примѣръ упорной обороны позиціи. Непріятель былъ введенъ въ заблужденіе слабо занятыми передовыми и маскированными позиціями; войска I корпуса блеснули весьма планомѣрнымъ усиленіемъ мѣстности и своевременнымъ переходомъ собранныхъ сзади резервовъ въ наступленіе для удара атакующему во флангъ.

Въ апрѣльской книжкѣ «*Streffleurs Militärische Zeitschrift*» обстоятельная статья посвящена одному изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ полевой войны—*техникѣ приказаній*. Полковникъ *Gezabel* дѣлаетъ попытку установить, при современныхъ условіяхъ боя, практическія требованія техники отдачи приказаній для младшихъ начальниковъ боевого порядка. Нынѣ часто приходится и штабъ-офицеру пѣхотнаго полка быть отвѣтственнымъ распорядителемъ въ отрядѣ изъ всѣхъ родовъ войскъ, и онъ обязанъ руководить войсками въ духѣ самаго широкаго взаимодѣйствія пѣхоты съ прочими войсками.

Коснувшись прежде всего *краткости* и лаконичности редакціи приказаній, авторъ говоритъ, что долгое время существовала своего рода мода на такъ называемый телеграфный стиль для приказовъ: каждое слово предварительно чуть ли не взвѣшивалось по удѣльному вѣсу его надобности въ составѣ формулы приказанія. Но, слава Богу, справедливо восклицаетъ онъ, наконецъ, постигнута была ложность этого увлеченія и понята была столь простая истина, что «не то приказаніе можно считать кратчайшимъ, которое выражается наименьшимъ количествомъ словъ, а то, которое *такъ* выражено, что требуетъ наименьшаго срока для уразумѣнія». Телеграфный стиль сплошь и рядомъ требуетъ расшифровки истиннаго смысла: другое совсѣмъ дѣло выработать въ себѣ вообще свойство выражаться, и письменно, и устно, кратко сжато и точно; это—навыкъ, вырабатываемый постепенно, методически, подобно тому, какъ это принято въ нѣкоторыхъ школахъ: изложеніе какой-либо мысли, описанія и проч., написанное первоначально на нѣсколькихъ страницахъ, постепенно вгоняется въ болѣе сжатія, тѣсныя рамки вплоть до нѣсколькихъ строкъ.

Сомнѣваться въ необходимости знанія техники отдачи приказаній не приходится, но въ конечномъ результатѣ на то, какъ отдается приказаніе, больше всего оказываетъ вліянія характеръ и темпераментъ.

Попадаютъ части туда, куда начальникъ хочетъ; понимаетъ каждый изъ подчиненныхъ ему отвѣтственныхъ лицъ, чего хочетъ начальникъ: значитъ, главное сдѣлано, и отдающій приказаніе можетъ быть собою доволенъ.

Наилучше тотъ приказываетъ, кто знаетъ, чего онъ хочетъ, и кто умѣетъ то, чего онъ хочетъ, ясно и просто выразить!

Въ майской книжкѣ «*Journal des sciences militaires*» неизвѣстный авторъ суммируетъ все *современное значеніе желѣзныхъ дорогъ* для достиженія конечнаго успѣха на войнѣ. Въ погонѣ за необходи-

мостью возмѣстить съ каждымъ годомъ возрастающее несоотвѣтствіе между численностью населенія Франціи и Германіи, французы уже давно ищутъ компенсаціи въ возможно широкомъ использованіи техники, пользуясь всѣми ея отраслями. Желѣзныя дороги безспорно занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди даровъ техники, но не нужно забывать тѣсную зависимость ихъ, какъ и всякой машины, отъ подготовки персонала, къ нимъ приставленнаго. Одно безъ другого—ничто, а между тѣмъ недавнія событія во Франціи не вселяютъ увѣренности въ работѣ, какъ машины, въ нужную минуту, и ихъ личнаго состава.

Авторъ справедливо указываетъ, что желѣзнодорожная сѣть въ военномъ отношеніи важна не только своимъ общимъ начертаніемъ, густотой, интенсивностью движенія. Это все элементы, взаимно между собою связанные, но сами по себѣ они инертны, подобно самымъ совершеннымъ аэропланамъ въ рукахъ импровизированныхъ авіаторовъ, если ихъ работа не опредѣлена хорошо разработанными соображеніями и правилами и не ввѣрена испытанному и преданному своему долгу личному составу.

Въ войну 1870 года неподготовленность желѣзнодорожной сѣти во Франціи представляла особенно выпуклый контрастъ по сравненію съ нѣмецкими дорогами. Авторъ ссылается на весьма поучительныя въ этомъ отношеніи лекціи въ Ecole des ponts et chaussées директора восточной желѣзнодорожной кампаніи Жакмэнъ.

Всѣ вопіющіе примѣры безпорядковъ на французскихъ дорогахъ объяснялись небрежнымъ отношеніемъ центральныхъ органовъ къ своимъ обязанностямъ. Тамъ же, гдѣ дѣло зависѣло отъ энергіи и самоотверженности лицъ, непосредственно стоявшихъ у эксплуатаціи, дороги показывали чудеса и вызывали чувство удивленія у нѣмецкихъ техниковъ. Перевозка корпуса Vinou до и послѣ Седана цитировалась нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ какъ болѣе совершенная, нежели что-либо подобное у нихъ самихъ. Перевозка корпуса Канробера къ Мецу, когда послѣдніе эшелоны проходили у Понтъ-а-Муссонъ подъ непріятельскимъ огнемъ, эвакуація станціи Нанси, откуда былъ вывезенъ весь подвижной составъ, исключая одного негоднаго паровоза—все это такіе *tours de force*ы, которыми французскіе техники могутъ гордиться. Примѣры эти, однако, не новы послѣ нашей манчжурской войны, въ лѣтописи которой можно набрать еще болѣе красивые примѣры самоотверженной работы нашего желѣзнодорожнаго персонала. Вѣроятно мы дождемся спеціальнаго изслѣдованія дѣятельности нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ минувшую войну.

Авторъ заканчиваетъ свой очеркъ обращеніемъ къ техникамъ, къ французскимъ машинистамъ: пусть они помнятъ подвиги своихъ предшественниковъ въ годину національныхъ бѣдствій и подобно имъ по-

стараятся заслужить признательность родины. Они являются первыми солдатами современной обороны государства, такъ какъ въ ихъ рукахъ, прежде всего, жизнь и судьба армій.

Въ майскихъ книжкахъ того же журнала предложено въ переводѣ изслѣдованіе англійскаго военнаго писателя *J. Burde* «*О тактическихъ принципахъ*». Переводчикъ воздастъ хвалу его сочиненію, построенному на тонкомъ психологическомъ анализѣ и на искусно подобранныхъ историческихъ примѣрахъ. Даже когда, защищая свои положенія, ему приходится впадать въ нѣкоторыя преувеличенія, то и тогда его интересно читать по оригинальности его идей, обнаруживающихъ точность его мышленія и привлекательную простоту.

Всѣмъ извѣстны особенности англійскаго ума и, по мнѣнію французскаго переводчика, не лишнее, особенно теперь, сравнить англійскіе взгляды въ области войны съ господствующими въ крупныхъ континентальныхъ арміяхъ.

Дѣйствительно, нѣкоторыя мысли автора способны заинтересовать читателя.

Было бы заблужденіемъ утверждать, говорить онъ, что уроки франко-германской войны были учтены немедленно вслѣдъ за окончаніемъ ея. Наоборотъ, только недавно оцѣнено вполне по достоинству значеніе для тактики боевого опыта означенной войны. Причина въ томъ, что большинство генераловъ, занимавшихъ въ 1866 и 1870—71 годахъ высшія должности, воспитало свой умъ въ тактическихъ взглядахъ, выработанныхъ изученіемъ походовъ Наполеона. Большинство людей, достигнувъ извѣстнаго возраста, теряетъ уже эластичность ума и не въ состояніи примѣняться къ новымъ условіямъ, существенно отличающимся отъ ими усвоенныхъ въ первую половину ихъ жизни. Поэтому нечего удивляться, что въ теченіе продолжительнаго времени новая тактика, вызванная къ жизни принятіемъ новаго оружія, не имѣла успѣха распространенія. Въ этомъ отношеніи гораздо предпочтительнѣе вообще изучать войны послѣдняго времени. Если офицеръ станетъ нынѣ изучать сраженія, данныя Наполеономъ, онъ, конечно, пріобрѣтетъ интересныя историческія свѣдѣнія, но не извлечетъ изъ нихъ практическихъ познаній въ области тактики, а, углубившись чрезмѣрно въ эту захватывающую эпоху, онъ рискуетъ получить ложныя понятія для своихъ тактическихъ сужденій. Походы Наполеона остаются нынѣ болѣе полезными скорѣе въ стратегическомъ отношеніи, нежели въ тактическомъ.

Въ южно-африканскую войну невидимость непріятели въ первый періодъ боя возбуждала среди атакующихъ чувство глубокаго уны-

нія, такъ какъ, не видя врага, они были безсильны его поражать. Вслѣдствіе этого наступающій естественно принималъ растянутае положеніе во избѣжаніе тяжелыхъ потерь, которыя производятъ особенно невыгодное нравственное впечатлѣніе, когда причиняются невидимымъ непріателемъ.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, вызванныхъ послѣдними войнами—африканской и манчжурской, заключается въ опредѣленіи соотношенія между числительностью войскъ и протяженіемъ ихъ по фронту, какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ. Вопросъ этотъ детально изслѣдуется авторомъ при разсмотрѣніи тактическихъ принциповъ современнаго пѣхотнаго боя. Таковыхъ онъ предлагаетъ восемь:

1) При атакѣ пѣхоты, когда позиція непріателя точно не опредѣлена, необходимо прибѣгать къ растянутому боевому порядку. Но, какъ только таковая выяснена, линія нашего огня должна усиливаться по мѣрѣ приближенія къ противнику.

2) Инициатива для удара въ штыки должна принадлежать линіи огня (т. е. боевой части).

3) Для атаки боевые участки должны распредѣляться въ глубину каждой тактической единицы—роты, баталіона и проч.

4) Войска, столкнувшіяся съ непріателемъ, должны быть поставлены въ положеніе, позволяющее развить все присущее имъ усиліе раньше, чѣмъ они будутъ смѣнены.

5) Они ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть отводимы назадъ иначе, какъ подъ покровомъ ночи.

6) При оборонѣ отнюдь не слѣдуетъ между стрѣлковыми позиціями оставлять секторы мѣстности, не подверженные обстрѣлу.

7) Подъ огнемъ непріателя войска не могутъ производить боковыхъ передвиженій.

8) Войска, предназначенныя для временнаго занятія передовыхъ позицій или для временнаго перехода въ наступленіе на короткѣ (контръ-атака на отдѣльномъ участкѣ боя), должны быть достаточно слабы, чтобы не затягивать далѣе, чѣмъ надлежитъ по ихъ задачѣ, боя, который они ведутъ.

Авторъ говоритъ, что эти принципы вытекаютъ изъ свойствъ человѣческой природы. Она всегда одна, но условія, при которыхъ эти свойства проявляются въ бою, измѣнились чрезвычайно. При гладкомъ оружіи воинское обученіе стремилось обратить человѣка въ машину для стрѣльбы, но, по мѣрѣ улучшенія оружія, росла цѣнность индивидуальныхъ человѣческихъ способностей.

Далѣе авторъ подробно обсуждаетъ установленные имъ принципы боя. Въ его принципахъ однако мало такого, что не было бы уже разсмотрѣно и изучено ранѣе, и не въ нихъ можно найти цѣнное

для современной тактики. Другое дѣло—блестки его психологическаго анализа сражающихся; здѣсь есть надѣ чѣмъ подумать.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ статей, содержаніе, въ остальномъ, главнѣйшихъ иностранныхъ военныхъ журналовъ, за апрѣль мѣсяцъ, сводится къ слѣдующему ¹⁾.

I. Vierteljahreshefte für Truppenführung und Heereskunde, второй выпускъ:

1) Завязка сраженій у Фридриха Великаго въ семилѣтнюю войну. Капитана *Deutelmoser*. Докладъ въ берлинскомъ военномъ собраніи въ день памяти Фридриха Великаго.

2) Современныя тактическія тенденціи русской арміи.

3) Очерки испанской войны 1808—1814 г. Маіора *Schwertfeger*.

4) Большіе англійскіе маневры 1910 года.

5) Пѣхотные пулеметы въ наступательномъ бою. Оберлейтенанта *Lecklin*.

6) Способъ атаки и направленія ея въ крѣпостной войнѣ. Капитана *Ludwig*.

7) Значеніе техническихъ средствъ при дальней развѣдкѣ. Маіора *Thomsen*.

8) Организациа и тактика французской полевой артилеріи.

Примѣчаніе: въ слѣдующей книжкѣ будетъ сдѣланъ краткій обзоръ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей.

II. Streffleurs Militärische Zeitschrift:

1) Военно-историческій календарь. Капитана *Zitterhofer*. (Продолженіе).

2) Сраженіе при Колинѣ 18-го іюня 1757 г. Подполковника *Max Ritter v. Hoepf*. (Продолженіе).

3) Служба и употребленія дивизионной кавалеріи. Маіора графа *Zedtwitz*.

4) Новыя техническія руководства для пѣхоты и кавалеріи. Капитана *Kosmutza*.

5) Успѣхи иностранныхъ армій за 1910 г. Германія. (Продолженіе).

6) Воздухоплаваніе и воздушные полеты въ Германіи.

7) Доклады Стрѣлковой школы: замѣтки о наблюденіи за стрѣльбою пулеметовъ.

8) Свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ: Балканскія государства, Германія, Франція, Италія, Нидерланды.

9) Морскія вѣсти: важныя новинки во флотѣ.

¹⁾ Статьи, упомянутыя въ мѣсячномъ обзорѣ, здѣсь не называются.

III. Le Spectateur Militaire (два апрѣльскіе выпуска).

1) Годъ тактическаго обученія кадровъ въ кавалерійскомъ дивизионѣ. Маіора *Descoins*. (Продолженіе). Краткій обзоръ начала этого труда былъ данъ въ апрѣльской книжкѣ «В. Сборника» (стр. 219).

2) Анализъ и синтезъ метода specialнаго обученія стрѣлка. Лейтенанта *Lacombe*. (Продолженіе и окончаніе).

3) Боевое употребленіе крупныхъ войсковыхъ соединеній. Капитана *Kevol*. (Продолженіе). Краткій обзоръ начала статьи былъ данъ въ апрѣльской книжкѣ «В. Сборника» (стр. 216). Переводъ сѣ итальянскаго—извѣстнаго новаго положенія о крупныхъ тактическихъ единицахъ.

4) Уголокъ сраженія подъ *Héricourt*. Капитана *Chanson*. (Окончаніе).

5) Нѣмцы въ *Gâtinais*. Капитана *Ledent*. (Продолженіе).

IV. Journal des sciences militaires (два апрѣльскіе выпуска).

1) Пѣхотинецъ въ гостяхъ у кавалеристовъ. *B. de la Mothe*. Мысли о подготовкѣ кавалеріи.

2) Наставленіе для роты по полевой службѣ. Лейтенанта *Biétron*. (Продолженіе и окончаніе).

3) Какъ увеличить легкость и подвижность инженерныхъ войскъ на войнѣ. Капитана *Winkler*. (Окончаніе).

4) Африканская армія и законъ о кадрахъ. Капитана *Pierre Ancier*.

5) Обзоръ устава о маневрахъ 1904 г. Маіора *Knoll*.

6) Ежегодникъ. Необходимыя въ немъ улучшенія. Маіора *J*.

7) Ручное оружіе современныхъ армій и его снабженіе. (Продолженіе). Маіора *B*.

8) Иностранная военная хроника.

V. Revue militaire des armées étrangères. (Статьи безымянныя):

1) Новый германскій военный законъ о кадрахъ на предстоящее пятилѣтіе.

2) Пути сообщенія Турецкой имперіи.

3) Реорганизация военныхъ школъ въ Румыніи.

4) Военныя новости.

VI. Revue d'histoire. (Статьи безымянныя):

1) Походъ 1908—1909 гг. въ Шауя (Chaouia)—въ Марокко. (Продолженіе).

2) Походныя движенія въ арміяхъ Наполеона.

3) Пулгусскій маневръ. (Продолженіе).

4) Наполеонъ и германскія крѣпости въ 1813 г. (Продолженіе).

5) Походъ 1813 г. (Продолженіе).

6) Война 1870—71 гг. 1-я Луарская армія. (Продолженіе).

VII. Revue d'artillerie:

- 1) Аэростаты и воздухоплавание. Докладъ депутата *Clémentel*.
- 2) Пѣхотная батарея и ея способъ употребленія при наступленіи. Капитана *Biraud*. Здѣсь идетъ рѣчь объ артилерійскихъ батареяхъ, предназначенныхъ специально для стрѣльбы по пѣхотѣ.
- 3) Изученіе проблемы авіаціи. Капитана *Lucas-Girardville*. (Окончаніе).
- 4) Разныя извѣстія. Бельгія: новая форма одежды, предложенная для артилеріи.

VIII. Revue du Génie:

- 1) Замѣтка о приборѣ для быстрого измѣренія натянутости нитей аэроплана и о новомъ методѣ изученія законовъ сопротивленія воздуха. Капитана *Largier*.
- 2) Употребленіе инженерныхъ войскъ на полѣ сраженія. Капитана *Normand*. (Продолженіе и окончаніе).
- 3) Бесѣды о воздухоплаваніи. Лейтенанта *Escudier*. (Окончаніе).
- 4) Замѣтка объ искусственномъ камнѣ для построекъ. Капитана *Barré*.
- 5) Некрологъ генерала Фожеронъ (*Faugeron*).

IX. Kriegstechnische Zeitschrift:

- 1) Швейцарская полевая гаубица.
- 2) Примѣненіе оптического телеграфа для службы связи. *H. Thurn*.
- 3) Портъ-Артуръ въ 1904 г. Бои на дальнихъ разстояніяхъ отъ крѣпости. (Окончаніе).
- 4) Полевая электрическая сигнализациа о тревогѣ.
- 5) Боевая подготовка піонеръ въ теоріи и на практикѣ. Капитана *Andersch*.
- 6) Воздушный корабль Сименса и его ангаръ. *Krell*. (Окончаніе).
- 7) Артилерія въ крѣпостной войнѣ. (Продолженіе).
- 8) Походныя кухни во Франціи.

С. Добророльскій.

П О П Р А В К А.

Въ «Обзорѣ иностранныхъ военныхъ журналовъ» «Военнаго Сборника» сего года, № 5 (май), вкралась ошибка при сверсткѣ страницъ 209, 210 и 211, а именно:

На стр. 209 передъ послѣдніи три строки снизу надлежитъ перенести текстъ, начинающійся на стр. 210 абзацомъ: «*Въ этомъ положеніи государству приходится*» и т. д. и кончающійся на стр. 211-й 24-ю строкою сверху: «... пока не будетъ подвезенъ изъ Константинополя резервный корпусъ».

Послѣ этой вставки долженъ слѣдовать абзацъ, начинающійся третьей строкой снизу на стр. 209.

«Rivista militare italiana» 1911 г. Февраль.

Маіоръ D'Ippolito изслѣдуетъ мѣры и способы уменьшенія вреда, ожидаемаго для войскъ отъ активныхъ операцій управляемыхъ воздушныхъ шаровъ и аэроплановъ.

Авторъ разсматриваетъ войска въ трехъ положеніяхъ: на полѣ сраженія, на отдыхъ и на походѣ.

На полѣ сраженія авторъ разсматриваетъ отдѣльно: линію огня; зону пораженія или пространство позади этой линіи, куда могутъ попадать непріятельскія пули и артиллерійскіе снаряды; и зону маневрированія, недоступную пораженію съ непріятельской линіи огня, гдѣ совершаются передвиженія и маневрированіе войскъ передъ вступленіемъ въ зону пораженія.

Стрѣлковая цѣпь, разсыпанная по линіи огня и расположенная часто съ интервалами между различными ея частями, представляется въ особенности при стрѣльбѣ лежа, мало уязвимою пораженію снарядами, которые могутъ быть брошены съ воздушныхъ судовъ.

Снаряды эти авторъ предполагаетъ двухъ родовъ: снаряды съ массивною оболочкою и снаряды съ большимъ разрывнымъ зарядомъ и тонкою оболочкою. Первые изъ этихъ снарядовъ, легко преодолевая сопротивленіе воздуха, пріобрѣтаютъ, при метаніи съ большой высоты, значительную скорость паденія, которая, совмѣстно съ ихъ массою, служитъ причиною глубокаго проникновенія снарядовъ въ землю и соотвѣтственнаго ослабленія эффекта ихъ разрыва. Осколки такихъ снарядовъ разлетаются въ предѣлахъ окружности радіусомъ до 100 метровъ. Снаряды съ тонкою оболочкою, обладая значительно меньшею массою, преодолеваютъ сопротивленіе воздуха съ меньшею легкостью и пріобрѣтаютъ меньшую скорость. Эта послѣдняя признается авторомъ все же, однако, достаточною, чтобы разрывъ снаряда совершился на нѣкоторой глубинѣ ниже поверхности земли и образовалъ воронку, а выброшенные изъ послѣдней осколки оболочки, голышъ, комья земли и пр. получили направленіе кверху и миновали лежащихъ близъ мѣста взрыва снаряда людей. Всѣ эти предметы поражаютъ стрѣлковъ лишь при послѣдующемъ паденіи на землю, слѣдовательно тогда уже, когда теряютъ значительную часть своей скорости и дѣйствительности удара.

Линія огня, слѣдовательно, гдѣ спокойствіе людей имѣетъ особенно важное значеніе, является наименѣе чувствительною къ пораженіямъ съ воздушныхъ судовъ.

Въ зонѣ пораженія войска принимаютъ построенія менѣе выгодныя. При изслѣдованіи условій наступленія пѣхоты въ районѣ дѣйствія непріятельскаго огня, авторомъ выяснены, въ его статьѣ, выгоды построенія роты по взводно въ одну линію на интервалахъ въ 50 метровъ, причемъ взводы движутся вдвоенными рядами. При такомъ построеніи и радіусѣ разлета осколковъ брошеннаго сверху снаряда въ 100 метровъ, могло бы пострадать при разрывѣ одной бомбы 5 взводовъ; для того же, чтобы паденіе каждой бомбы вредило не болѣе какъ одному взводу, необходимо увеличить интервалы до 200 метровъ. Если бы, однако, такіе интервалы не были признаны совмѣстными съ необходимою интенсивностью пополненія стрѣлковъ на линіи огня, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ расположенію взводовъ уступами. Для величины уступа, опредѣляя ее въ зависимости отъ разлета осколковъ брошенной сверху бомбы, можно бы принять 200 метровъ, но, въ виду размѣровъ площади пораженія пулями современной шрапнели, слѣдуетъ увеличить эту величину до 300 метровъ.

При вступленіи въ часть поражаемой зоны, гдѣ преобладаніе переходитъ на сторону ружейнаго огня, все вниманіе должно быть обращено на активныя цѣли и задачи подошедшихъ частей; формы строя соображаются главнымъ образомъ съ возможностью наиболѣе дѣйствительнаго обстрѣливанія противника или готовностью къ тому. Взводы дробятся, поэтому, на отдѣленія, наступающія фронтомъ или рядами, пользуясь встрѣчающимися закрытіями, и готовые во всякое время развернуться и открыть огонь. Главный противникъ и наибольшая опасность являются тутъ спереди; пораженіями сверху слѣдуетъ, поэтому, если обстоятельства того потребуютъ, пренебрегать или искать отъ нихъ защиты въ маскировкѣ, пользуясь укрытіемъ древесныхъ порослей, затѣненными пространствами, а при остановкахъ слѣдуетъ сохранять возможно большую неподвижность.

Охранить отъ пораженія сверху находящуюся въ зонѣ пораженія артилерію, ея орудія, передки, зарядные ящики, лошадей, — крайне трудно. Единственное спасеніе можетъ она найти въ предупрежденіи ударовъ воздушныхъ судовъ собственными ударами по этимъ послѣднимъ. Необходимо снабдить для этого артилерію пулеметами.

Въ зону маневрированія снаряды непріятеля не залетаютъ. Пока человѣкъ не былъ господиномъ воздуха, войска чувствовали себя въ предѣлахъ этой зоны достаточно безопасными, и въ дробленіи частей не было надобности. Теперь и въ этой зонѣ большія сомкну-

тыя части войскъ недопустимы; является необходимымъ раздроблять войсковыя части и отказаться отъ густыхъ порядковъ во избѣжаніе большихъ потерь отъ пораженія сверху. Порядокъ расположенія войскъ въ предѣлахъ зоны маневрированія выработанъ въ соотвѣтствіи съ требованіемъ, чтобы войска эти были въ каждую минуту вполнѣ въ рукахъ начальника и могли быть легко передвинуты по любому направленію; эти же самыя требованія должны быть удовлетворены и нынѣ. Рота должна быть признана въ этой зонѣ наиболѣе крупною частью, не подлежащею дробленію. Для того же, чтобы не представлять воздухоплавателямъ выгодной цѣли, роты должны выстраиваться рядами по одному или по два, соблюдая интервалы и дистанцію между ротами въ 200 метровъ. При этомъ баталіонъ, выстроенный по-ротно въ двѣ линіи, займетъ прямоугольникъ размѣромъ примѣрно въ 200 на 500 метровъ, а бригада— 1000 на 1000 метровъ.

Конница должна развести свои эскадроны на надлежащіе интервалы и дистанціи. Начальствующимъ лицамъ и штабамъ ихъ слѣдуетъ располагаться укрыто, отказавшись отъ всякихъ флаговъ и другихъ знаковъ, которые могли бы указать мѣста ихъ расположенія. Обозамъ всякаго рода надлежитъ вытягиваться въ длинныя линіи и, при расположеніи на отдыхъ, искать маскировки около деревьевъ, избѣгая отчетливо видимаго сверху полотна дорогъ.

Какъ общій выводъ изъ вышеизложеннаго, авторъ указываетъ, что всѣ послѣдствія опасности, угрожающей сверху, выразятся въ предѣлахъ поля сраженія: въ меньшей сосредоточенности построения частей, изъ коихъ рота должна быть признаваема наиболѣе крупною единицею, не подлежащею дальнѣйшему дробленію; въ большихъ интервалахъ и дистанціяхъ; въ болѣе обширномъ пользованіи для маскировки древесными насажденіями, затѣненными пространствами и проч.

На отдыхъ войска располагаются наиболѣе сосредоточенно и представляютъ для пораженія съ воздушныхъ судовъ особо выгодныя цѣли, почему изложенныя выше мѣры дробленія частей и увеличенія интерваловъ и дистанцій должны получить здѣсь, пожалуй, еще болѣе значительное примѣненіе и развитіе.

Для пѣхоты, при условіи большого ея удаленія отъ непріятеля, разбросанность расположенія важныхъ невыгодъ не представляетъ. Само собою, при этомъ, разумѣется, что встрѣчающіяся въ районѣ расположенія зданія не должны быть днемъ занимаемы людьми или складами цѣннаго имущества, кромѣ, развѣ, случаевъ, когда состояніе погоды не допускаетъ возможности воздухоплаванія ¹⁾).

¹⁾ И кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда воздухоплаваніе, хотя и возможно, но для военныхъ цѣлей бесполезно. Дней, когда управляемые воздушные шары мо-

Въ случаѣ близости непріятеля, общее расположеніе войскъ на отдыхъ по необходимости стущается; тогда должно быть обращено самое серьезное вниманіе на маскировку, пользованіе деревьями, выгодно окрашенными пространствами и всѣмъ, что можетъ затруднить возможность распознанія цѣлей глазу воздухоплавателя.

Болѣе или менѣе выгодное расположеніе кавалеріи, артилеріи и обозовъ представляетъ по сравненію съ расположеніемъ пѣхоты большія трудности; единственнымъ средствомъ уменьшенія опасности является тутъ дробленіе на сколь возможно мелкія части и пользованіе всѣми средствами маскировки. Склады продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ могутъ быть обнаружены глазу воздухоплавателя скопленіемъ около нихъ перевозочныхъ средствъ и движеніемъ послѣднихъ къ складамъ и отъ нихъ. Чтобы скрыть расположеніе складовъ, слѣдуетъ производить перевозку припасовъ ночью, что, впрочемъ, нельзя считать чѣмъ либо исключительнымъ. Слѣдуетъ также устранить все, что выдаетъ воздухоплавателю мѣста пребыванія начальниковъ и ихъ штабовъ.

На походъ уменьшеніе опасности пораженія войскъ съ воздушныхъ судовъ представляетъ исключительныя трудности. Длиныя походныя колонны, занимающія многіе километры и медленно двигающіяся по рѣзко обозначеннымъ и ясно видимымъ сверху дорогамъ, представляютъ непріятельскимъ воздухоплавателямъ легкую и цѣнную добычу. Скрыть или замаскировать ихъ отъ взоровъ этого врага нѣтъ возможности; дробленіе колоннъ на мелкія части остается единственною мѣрою уменьшенія вреда, грозящаго имъ отъ воздушныхъ судовъ.

Внѣ случаевъ движенія въ горахъ или переправъ черезъ широкія рѣки, главные пути сообщенія сопровождаются, обыкновенно, сѣтью второстепенныхъ колесныхъ и пѣшеходныхъ дорогъ, представляющихъ возможность дробленія походныхъ колоннъ на болѣе или менѣе мелкія части. Пѣхота, раздробленная на роты, можетъ успѣшно слѣдовать по самымъ узкимъ тропамъ, построившись, если нужно, рядами по одному и не стѣсняясь кружностью этихъ путей, нѣкоторое удлиненіе которыхъ окупается выгодами движенія малыми частями и удобствомъ пользованія мѣстными средствами.

Сдѣлавъ, затѣмъ, обзоръ разрушеній, которыя военное воздухоплаваніе можетъ внести внутрь страны и въ тылъ арміи, авторъ указываетъ, что единственнымъ средствомъ дѣйствительной защиты отъ непріятельской воздушной флотилии слѣдуетъ признать организацію собственной такой же флотилии. Война въ воздухѣ является

гуть служить военнымъ цѣлямъ, насчитывается въ Средней Европѣ всего лишь отъ 80 до 100 въ году. Mitteilungen über Gegenstände des Artillerie — und Geniewesens 1910; zweites Heft.

В. Н.

нынѣ невзбѣжною въ большей мѣрѣ, нежели неизбѣжна морская война для государствъ съ границами, омываемыми океаномъ; уничтоженіе воздухоплавательныхъ силъ непріятеля пріобрѣтаетъ большую важность, нежели уничтоженіе непріятельскаго флота; обладаніе воздухомъ получаетъ перевѣсъ надъ обладаніемъ моремъ.

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-Венгрія.—Значеніе проекта новаго военнаго закона. Унтеръ-офицерскій вопросъ. *Китай.*—Условія развитія военнаго могущества Китая. Маневръ китайскихъ войскъ въ Юнанѣ.

Австро-Венгрія.

Послѣ продолжительной подготовки и неоднократнаго пересмотра, въ Австро-Венгріи обнародованъ проектъ закона о введеніи двухлѣтняго срока службы и увеличеніи ежегоднаго контингента новобранцевъ. Изъ двухъ его частей вторая—усиленіе контингента—давно уже составляла насущную потребность арміи, такъ какъ контингентъ съ 1889 года оставался неизмѣннымъ и потребное число людей для созданія возникшихъ новыхъ отраслей службы—пулеметныхъ отдѣленій, тяжелой полевой артиллеріи, войскъ сообщений—было выдѣлено изъ состава строевыхъ частей; вмѣстѣ съ большимъ числомъ командировокъ, это обстоятельство повело къ уменьшенію наличнаго состава людей, на примѣръ, въ пѣхотѣ до 50—60 человекъ на роту; 4-е же баталіоны въ полкахъ прямо содержались въ составѣ кадровъ, только на время осеннихъ упражненій пополняемыхъ призванными на повторительные сборы резервистами.

Первая часть закона—сокращеніе срока—есть уступка военнаго министерства общественному мнѣнію, представителемъ котораго являются палаты. Безъ уменьшенія срока не предвидѣлось возможности усиленія контингента.

Въ хроникѣ «Русскаго Инвалида» (№ 104) изложены главныя основанія новаго проекта. Интересно нѣсколько ближе познакомиться съ его значеніемъ для развитія австро-венгерской арміи. На осно-

вані закона 1889 года, контингентъ для арміи опредѣленъ въ 103,100 человѣкъ, австрійскаго ландвера въ 19,920 и гонведа въ 12,500 человѣкъ. Въ обоихъ ландверахъ военнообязанные служили только 2 года и лишь часть людей, соотвѣтствующая потребности въ унтеръ-офицерахъ,—3 года; въ арміи срокъ былъ 3-хъ-лѣтній. При распредѣленіи новобранцевъ въ армію принимались люди ростомъ не менѣе 155 см., въ ландверы—153; получившіе отсрочку по физическому недоразвитію, если они при переосвидѣтельствovanіи оказывались непригодными для арміи, могли быть при извѣстныхъ условіяхъ принимаемы въ ландверы. Для образованія запаса резервныхъ офицеровъ, изъ общаго числа вольноопредѣляющихся 75% причислялось къ арміи, 10% къ австрійскому ландверу и 15% къ гонведу.

Всѣ эти постановленія новымъ проектомъ въ корнѣ измѣнены. Контингентъ установленъ въ 212,400 человѣкъ, изъ коихъ 159,400 для арміи и флота, 28,000 для австр. ландвера и 25,000 для гонведа. Сроки службы и продолжительность повторительныхъ сборовъ во всѣхъ категоріяхъ одинаковы, причемъ срокъ службы подъ знаменами 2-хъ-лѣтній (во флотѣ—4 года), кромѣ кавалеріи и конной артиллеріи, а также извѣстнаго числа людей въ каждой части, соотвѣтствующаго потребности въ унтеръ-офицерахъ, для которыхъ онъ остается 3-хъ-лѣтній; общій срокъ службы 12 лѣтъ (для служащихъ въ строю 3 года допущены облегченія въ отношеніи состоянія въ резервѣ и повторительныхъ сборовъ). Различіе въ распредѣленіи новобранцевъ отпадаетъ и вольноопредѣляющіеся, число которыхъ, вслѣдствіе значительнаго облегченія приѣма, должно существенно увеличиться, распредѣляются пропорціонально по тремъ категоріямъ.

Такимъ образомъ, различіе между ландверами и арміей совершенно исчезаетъ и въ Австро-Венгріи, съ осуществленіемъ новаго закона, ландверовъ не будетъ, а будетъ три арміи: одна «общая» въ 300,000 человѣкъ, одна австрійская—австрійскій ландверъ въ 50,000 человѣкъ и одна венгерская—гонведъ въ 45,000; внѣ этой организаціи, кромѣ того, стоятъ 4 полка тирольскихъ егерей, тирольскіе конно-егеря и общій флотъ. Мирный составъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ увеличивается на 50,000 человѣкъ, а въ военное время составъ ихъ съ общимъ запасомъ обученныхъ людей съ 1.200,000 человѣкъ (800,000 для арміи+400,000 для ландверовъ) возрастетъ до 2,000,000 человѣкъ.

По поводу организаціи ландверовъ интересно отмѣтить существующую теперь между ними разницу. Австрійскій ландверъ содержится въ томъ же составѣ частей, какъ и армія, и наравнѣ съ нею снабженъ артилерією; снабженіе пулеметами (отъ 2—4 на баталіонъ или 6—12 на полкъ) ландвера уже окончено, тогда какъ армія

имѣть только по 2—4 пулемета на полкъ; также и развитіе сигнальной, телефонной, санитарной и технической части въ ландверѣ подвинулось дальше, чѣмъ въ арміи. Наоборотъ, гонведъ по своей организаціи далеко отсталъ отъ австрійскаго ландвера: въ немъ части содержатся въ кадровомъ составѣ, пѣхота имѣть только по 2 пулемета на полкъ, спеціальныя отрасли службы очень неполны, а артиллеріи нѣтъ вовсе.

Одновременно съ новымъ проектомъ закона, въ венгерскую палату внесенъ проектъ усовершенствованія организаціи гонведа: онъ будетъ состоять изъ 8 дивизій въ 4 полка по 3 баталіона (теперь частью 4, частью 3); составъ роты доводится до 80 человѣкъ, эскадрона до 100 всадниковъ (теперь 63 человѣка и 30 лошадей); въ каждомъ полку (это устанавливается и для арміи и для австрійскаго ландвера) формируется рабочая команда изъ 2 унтеръ-офицеровъ и 30 рядовыхъ для возможно большаго освобожденія строевыхъ частей отъ командировокъ.

Въ пѣхотѣ каждый полкъ получаетъ по второму пулеметному отдѣленію, въ кавалеріи—по 1 отдѣленію въ 4 пулемета на каждый изъ 8 гусарскихъ полковъ (пока есть всего 2 отдѣленія); предполагается сформированіе 2 штабовъ кавалерійскихъ дивизій.

Гонведъ получаетъ артиллерію—8 бригадъ по 8 батарей, въ томъ числѣ 8 полковъ по 6 пушечныхъ батарей и 8 дивизионовъ по 2 гаубичныхъ батареи. Для кавалерійскихъ дивизій формируется 2 дивизиона конной артиллеріи. Сильно развивается санитарная часть и спеціальныя отрасли службы (пионерные взводы, телефонныя команды и пр.).

Предстоящее введеніе въ австро-венгерской арміи 2-лѣтняго срока службы имѣетъ однако свою ахилесову пятю: въ австро-венгерской арміи почти вовсе нѣтъ сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ; ихъ по штату всего 16,000, т. е. отъ 1 до 2 на роту, эскадронъ и батарею; это фельдфебеля и каштенармусы; для подготовки же новобранцевъ сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ нѣтъ. При такихъ условіяхъ переходъ къ 2-лѣтнему сроку службы совершенно немислимъ; срочные унтеръ-офицеры, поступающіе и уходящіе со службы со своимъ возрастнымъ классомъ, и теперь неимѣютъ никакого авторитета среди подчиненныхъ и помощниками офицеровъ при обученіи служить не могутъ.

Въ Германіи переходъ къ 2-лѣтнему сроку службы, благодаря обилію и тщательной подготовкѣ сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ, совершился совсѣмъ гладко. Въ Италіи, наоборотъ, положеніе стало прямо критическимъ, и палаты наскоро вотировали законо-

проектъ, которымъ устанавливались тысячныя преміи для капитулянтовъ.

Новый австрійскій законопроектъ имѣетъ въ виду унтеръ-офицерскій вопросъ; имъ устанавливается увеличеніе штатнаго состава сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ въ арміи на 14,000 человекъ, въ ландверахъ—на 2,000 и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прямо указано, что ежегодно въ каждой части войскъ удерживается на 3-й годъ службы извѣстное число людей, соответствующее потребности въ унтеръ-офицерахъ. Однако этотъ приемъ, практиковавшійся до сего времени въ ландверѣ (гдѣ служба 2 года), далъ плохіе результаты: солдаты, опасаясь быть причисленными къ категоріи «лучшихъ», оставляемыхъ на 3-й годъ, скрывали свои совершенства, и набрать унтеръ-офицеровъ было очень трудно. Это происходитъ оттого, что матеріальное обезпеченіе сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ — совершенно недостаточное. Въ этомъ отношеніи и Австріи, вѣроятно, придется сдѣлать столь же рѣшительный шагъ, какой сдѣлала Италия. Въ военномъ министерствѣ готовится проектъ закона о лучшемъ обезпеченіи унтеръ-офицеровъ.

К и т а й.

«Вопросъ о военномъ возрожденіи Китая несомнѣнно выдвигается на первое мѣсто среди современныхъ міровыхъ проблемъ и особенно имъ должны интересоваться правительство и народъ того государства, которое граничитъ съ китайской имперіей на протяженіи 3,000 миль (4,500 килом.)». Это говоритъ англичанинъ, но еще съ большимъ основаніемъ можетъ сказать и русскій, такъ какъ наша китайская граница имѣетъ гораздо большее протяженіе и Китай ближе къ коренной Россіи, чѣмъ къ Великобританіи.

Приведенныя слова принадлежатъ полковнику англо-индійской арміи Вингету, помѣстившему статью «Дальній Востокъ главнымъ образомъ по отношенію къ Китаю, какъ будущей военной державѣ» въ издаваемомъ, по четвертямъ года, въ г. Симиѣ (Ость-Индіи) англійскомъ военномъ журналѣ «*Journal of the United Service Institution of India*». Эта небольшая статья, всего 15 страницъ, на чрезвычайно обширную тему—обозрѣніе Китая и условій для его военного возрожденія—заключаетъ въ себѣ много интересныхъ указаній и выводовъ и свидѣтельствуетъ о глубокомъ знакомствѣ, теоретическомъ и практическомъ, автора съ предметомъ изложенія. Въ статьѣ сравнительно мало военнаго; но это совершенно соответствуетъ темѣ, ибо и въ Китаѣ теперь мало военнаго; зато вкратцѣ мѣтко очерчены всѣ тѣ элементы и условія, изъ которыхъ можетъ сложиться будущая военная держава.

Разсматривая историческія условія, авторъ отмѣчаетъ, что китайцы самый древній народъ; они сдѣлались извѣстны въ эпоху древнихъ египтянъ; но исчезло могущество египтянъ и смѣнившихъ ихъ послѣдовательно персовъ, грековъ, римлянъ, арабовъ, а Небесная имперія продолжаетъ существовать и народъ ея и теперь—самый молодой, цѣльный и жизнеспособный изъ всѣхъ народовъ. Китайцы когда-то были очень воинственнымъ народомъ. Въ культурѣ дальневосточной, подобно тому, какъ и въ западной, однимъ изъ главныхъ элементовъ, создавшихъ воинскій духъ, былъ феодализмъ—обязанность вассаловъ поставлять вооруженныя силы; онъ создалъ воинскій духъ въ Японіи (самураи), а также въ Китаѣ, но современное различіе между этими двумя государствами по отношенію къ воинскому духу обусловливается тѣмъ, что въ Японіи феодальная система была отмѣнена въ 1871 году, а поставка войскъ замѣнена созданіемъ современной регулярной арміи; въ Китаѣ же феодализмъ исчезъ за 200 лѣтъ до Р. Х. и постепенно смѣнился—презрѣніемъ къ военному дѣлу. Въ Китаѣ въ большомъ почетѣ поговорки; въ указателѣ сборника 2,000 китайскихъ поговорокъ, слова «армія» и «военный» вовсе не встрѣчаются, слово «война» попадается одинъ разъ, а «солдатъ»—два раза; между прочимъ въ одной поговоркѣ сказано: «даже никуда негодный человѣкъ можетъ продавать пирожки; кто же пойдетъ въ солдаты?»

Статья затѣмъ даетъ свѣдѣнія о территоріи и населеніи Китая:

	Кв. миль (англ.)	Мил. на- селенія.
Собственно Китай (18 провинцій)	1.500,000	410
Манчжурія (3 провинціи)	360,000	8½
Монголія	1.360,000	2½
Китайскій Туркестанъ	550,000	1½
Тибетъ	460,000	6½

Всего около 4½ мил. кв. миль и около 430 мил. населенія или ¼ населенія всего земного шара. Собственно Китай составляетъ 1/3 территоріи всей имперіи, но населенъ въ 23 раза гуще всей имперіи. Провинція Чжили по пространству равна Австріи и имѣетъ лишь на 3 мил. меньше ея населенія; провинція Шантунгъ, гдѣ находится британская колонія Вей-ха-вей и германская Кіашау, на 3,000 кв. миль меньше Англій съ Валисомъ, но населеніе ея на 8 мил. больше, и т. д. Эти цифры показываютъ, какой сырой матеріалъ для арміи можетъ дать Китай въ случаѣ введенія воинской повинности, особенно если принять во вниманіе почти полную одноплеменность состава населенія.

Религіи въ Китаѣ существуетъ пять: три государственныхъ—ученія Конфуція, Будды и Тао—и двѣ допущенныя—магометанство и христіанство. Буддизмъ и таоизмъ находятся въ упадкѣ и постепенно перемѣшиваются съ ученіемъ Конфуція; послѣдователи Магомета (25 мил.) въ Китаѣ далеко не отличаются тѣмъ религіознымъ рвеніемъ, которое присуще прочимъ ихъ единовѣрцамъ въ Азіи; хри-

стіанство еще мало распространено, но легко усваивается китайцами. Это послѣднее явленіе происходитъ оттого, что господствующій въ странѣ конфуціанизмъ не есть собственно религія, а нравственное ученіе, предназначавшееся его основателемъ для руководства доброму гражданину страны въ житейскихъ вопросахъ. Многое въ этомъ ученіи не противорѣчитъ христіанскому ученію и отсутствіе собственно религіи у китайцевъ дѣлаетъ ихъ болѣе способными къ воспріятію христіанской вѣры. Религіозныя ученія, какъ извѣстно, играли большую роль въ исторіи китайскихъ крупныхъ возстаній—тайпингскаго (таоизмъ) и боксерскаго. Въ Китаѣ, конечно, есть и неизбѣжные евреи, около 300, остатки очень древней колоніи, первая синагога которой была построена въ 1164 году. Смѣемъ увѣрить автора статьи, что теперь ихъ (особенно въ Манчжуріи) гораздо больше.

Китаецъ прежде всего земледѣлецъ и торгошъ. Въ срединныхъ провинціяхъ, вслѣдствіе крайней густоты населенія, обработка земли доведена до художества; на сѣверѣ разводится преимущественно пшеница, просо и бобы, въ центральномъ и южномъ Китаѣ—рисъ и сахарный тростникъ, а также чай. Китаецъ готовъ торговать чѣмъ угодно и очень склоненъ къ торговымъ сдѣлкамъ и соглашениямъ; сдѣлки обыкновенно совершаются на словахъ и въ этой области слово китайца дороже всякаго документа. Это стремленіе къ соглашенію и улаживанію вопросовъ сквозитъ и въ политической жизни Китая; онъ охотнѣе ведетъ переговоры, чѣмъ хватается за мечъ. Однако, въ частной жизни китаецъ не лишенъ самолюбія—у него есть двѣ слабья струны: гордость расы и боязнь уронить себя въ общественномъ мнѣніи; онѣ могутъ вызвать въ немъ сопротивленіе хотя бы лишь для вида, а когда дѣло касается куска хлѣба или охраны очага—онъ не страшится смерти, доказательствомъ чему служатъ частыя возстанія во внутреннемъ Китаѣ.

Въ Китаѣ существуетъ одинъ общій языкъ, называемый Куанъ-хуа или языкъ мандариновъ, на которомъ во всей странѣ говоритъ интеллигентный классъ, но помимо него есть много мѣстныхъ діалектовъ, изъ которыхъ, напримѣръ, языкъ въ Кантонѣ, на практикѣ, очень отличается отъ другихъ; однако всѣ китайскіе діалекты имѣютъ общее основаніе и, если выучиться читать и писать около 700 идеографовъ (знаковъ, обозначающихъ понятія), то для объясненія съ мѣстными жителями въ Китаѣ этого съ военной точки зрѣнія окажется достаточнымъ. У насъ принято считать китайскій языкъ чрезвычайно труднымъ, что выучиться ему нѣтъ возможности, а потому его и не изучаютъ. Авторъ указываетъ, что это совсѣмъ не такъ трудно, а знаніе языка для знакомства со странюю очень важно.

Сообщеніе въ Китаѣ производится на сѣверѣ на арбахъ въ равнинѣ и на мулахъ въ горахъ, въ срединней територіи—на большихъ одноколкахъ—тачкахъ и на людяхъ (кули), на югѣ—только на лю-

дяхъ и, наконецъ, вездѣ и всюду, гдѣ только есть вода—на лодкахъ. Въ послѣднее время къ этимъ стариннымъ системамъ присоединились желѣзныя дороги: въ 1907 году въ Китаѣ было готовыхъ желѣзныхъ дорогъ 5,400 кил., строящихся 1,900, проектированныхъ—6,000, а всего 13,300 километровъ; соответствующія цифры къ 1911 году—7,500, 3,400, 6,500 и 17,400 километровъ. Такимъ образомъ, за три года сѣтъ увеличилась на 2,100 кил. готовыхъ и 1,500 кил. строящихся дорогъ. Теперь господствуетъ стремленіе дѣлать всѣ дороги казенными и на китайскія средства; на практикѣ же для намѣченнаго развитія сѣти потребуется сочетаніе усилій правительства съ иностранными и мѣстными коммерческими капиталами. Сѣтъ получила наибольшее развитіе на сѣверо-востокѣ, гораздо меньшее въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ, слабое въ Монголіи (гдѣ проектировано много дорогъ) и отсутствуетъ въ К. Туркестанѣ и Тибетѣ.

По своимъ естественнымъ богатствамъ Китай стоитъ выше всѣхъ государствъ и не нуждается въ заграничномъ подвозѣ; если нерѣдко и случается голодъ, то это явленіе только мѣстное, обыкновенно непродолжительное, легко устранимое съ помощью правительства и съ развитіемъ сѣти дорогъ. Плодородіе почвы и богатство ископаемаго царства вполне обезпечиваютъ самостоятельное существованіе Китая, но обрабатывающая промышленность очень мало развита; ее задерживали манчжурская династія, противившаяся развитію народа, чтобы тѣмъ легче имъ управлять, узкіе и инертные принципы ученія Конфуція, неумѣнье использовать капиталы и незнакомство съ веденіемъ крупныхъ коммерческихъ предпріятій.

Многіе полагаютъ что въ Китаѣ господствуетъ совершенно неограниченный образъ правленія. На дѣлѣ это не такъ; со временъ древнихъ китайскихъ императоровъ укоренился въ странѣ патриархальный режимъ, при которомъ правитель являлся отцомъ народа и внимательно слѣдилъ за его нуждами. Со времени воцаренія манчжурской династіи, народъ требуетъ того же традиціоннаго отношенія къ себѣ центральной власти, причемъ коррективомъ являются возстанія, которыя ежегодно въ разныхъ мѣстахъ происходятъ по нѣсколько разъ: это обыкновенно протесты противъ эксплуатаціи чиновниковъ; правительство спохватывается, чиновникъ удаляется и порядокъ восстанавливается. Опасны лишь возстанія противъ династіи и на почвѣ религіозной.

Въ настоящее время китайскія вооруженныя силы очень несовершенны. Флота почти не существуетъ и за недостаткомъ системы и свободныхъ капиталовъ нельзя въ близкомъ будущемъ ожидать значительнаго его развитія. Что касается арміи, то существуетъ предположеніе о введеніи воинской повинности, но пока она комплектуется добровольцами. Въ 1907 году издано постановленіе о

сформированіи къ 1912 году 36 дивизій новыхъ организованныхъ согласно современнымъ требованіямъ войскъ; теперь имѣется изъ нихъ готовыхъ только десять дивизій и 22 отдѣльныхъ бригады, численностью въ 212,000 человекъ съ 260 полевыми и 574 горными орудіями. Войска эти сосредоточены главнымъ образомъ въ двухъ группахъ. вокругъ Пекина, Тай-уанъ-фу и Кай-фень-фу и въ центральномъ Китаѣ вокругъ Вучанга и Нанкина; отдѣльныя дивизіи расположены въ Манчжуріи, Юнанѣ, Сечуанѣ, Канъ-су и Китайскомъ Туркестанѣ. Кавалерію пока можно не принимать во вниманіе, хотя въ странѣ имѣется хорошій контингентъ небольшихъ, но крѣпкихъ лошадей; на сѣверѣ много муловъ. Вооруженіе и боевые припасы неисправны. Въ 1909 году учрежденъ генеральный штабъ.

Кромѣ новыхъ войскъ, есть около 250,000 старыхъ мѣстныхъ, служащихъ въ помощь губернаторамъ для поддержанія порядка; въ случаѣ войны, конечно, изъ среды ихъ придется пополнять ряды дѣйствующей арміи.

Это ядро китайской арміи, съ имѣющимися арсеналами, заводами и складами, будетъ постепенно развиваться, если въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не нагрянетъ война. Главный вопросъ—въ финансахъ, потому что Китай, хотя естественно очень богатъ, но фактически крайне бѣденъ. При оцѣнкѣ возможнаго въ будущемъ развитія вооруженныхъ силъ надо принять во вниманіе слѣдующіе факторы: 1) несуществованіе нормальнаго бюджета; военные расходы производятся какъ попало, безъ всякой системы; 2) недостатокъ инициативы, взаимное недовѣріе и завистливость; 3) санитарная и обозная части въ арміи совершенно не приспособлены для крупныхъ операцій; 4) отсутствіе высшихъ начальниковъ, знакомыхъ съ современными принципами веденія войны; 5) центральное правительство неспособно къ руководству войною противъ цивилизованнаго государства; 6) за недостаткомъ денегъ и по другимъ причинамъ, полевая подготовка войскъ и стрѣльба пѣхоты и артилеріи очень несовершенны; 7) солдаты не получаютъ слѣдуемаго имъ денежнаго довольствія, хотя въ этомъ отношеніи и замѣтно улучшеніе противъ прежняго; 8) крайнее разнообразіе вооруженія и 9) одно изъ самыхъ важныхъ условій—отсутствіе воинскаго духа и военной касты или сословія, могущихъ пополнять корпусъ офицеровъ.

Послѣднее условіе приводитъ къ вопросу о моральной пригодности новыхъ китайскихъ войскъ. Въ настоящее время повсюду выдвигается тотъ принципъ, что армія будетъ сражаться хорошо, если солдаты убѣждены въ борьбѣ за «правое дѣло». Это вдвойнѣ вѣрно относительно китайцевъ; для нихъ весь смыслъ жизни въ домашнемъ очагѣ. Поэтому, если потребуютъ отъ китайской арміи сражаться и умирать, то слѣдуетъ сначала убѣдить солдатъ, что это необходимо

для защиты ихъ домашняго очага и косвеннымъ образомъ для независимости страны. До этого въ Китаѣ еще далеко; на плацу обученіе войскъ можно довести до совершенства; отличные результаты могутъ быть достигнуты на экзаменахъ въ годности къ командованію, производству развѣдокъ, крокированію и т. д. Чего недостаетъ китайскимъ войскамъ—это охоты сражаться за то, что для нихъ до сихъ поръ было совершенно непонятнымъ, и пройдетъ еще много десятилѣтій, пока въ китайскихъ войскахъ укоренится принципъ японской арміи «Watakushi wo sareti oyake ni hozuru»—жертвовать собою для общей пользы.

Авторъ статьи пытается отвѣтить на вопросъ—чего можно ожидать отъ Китая, какъ военной державы, въ теченіе ближайшихъ 25 лѣтъ? Онъ еще въ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ имъ въ 1899 и 1907 года въ обществѣ United Service Institution (ревнителей военныхъ знаній), доказывалъ, что вооруженныя силы Китая ничтожны. Хотя еще за 500 лѣтъ до Р. Х. «военное искусство Сунъ-Тсу» обнимало всѣ современные принципы веденія войны; хотя китайцы затѣмъ построили великую стѣну и содержали сильныя охранительныя отряды вдоль границы задолго до появленія на Дунаѣ перваго римскаго легионера; хотя они затѣмъ отражали нашествія гунновъ, турокъ и другихъ народовъ и справлялись съ безчисленными возстаніями: все же за послѣднія столѣтія они отличались явнымъ миролюбіемъ и нерасположеніемъ къ милитаризму; между ихъ настроеніемъ и воинственнымъ и наступательнымъ духомъ японцевъ—цѣлая пропасть; по мнѣнію автора, можно съ увѣренностью сказать, что еще на 25 лѣтъ другія государства обезпечены отъ наступательныхъ стремленій китайцевъ. Лордъ Сесиль пророчески говорилъ, что усложненія на Дальнемъ Востокѣ въ ближайшее время будутъ вызваны скорѣе слабостью Китая въ военномъ отношеніи, чѣмъ развитіемъ его вооруженныхъ силъ. На 25 лѣтъ этихъ вооруженныхъ силъ еще хватитъ только для поддержанія въ странѣ внутренняго порядка. А потомъ? Будущее предсказать трудно; въ странѣ можетъ объявиться новый національный герой, который дастъ толчекъ охватившему Китаю стремленію къ преобразованіямъ, увлечетъ къ подвигамъ молодое поколѣніе и упрочитъ независимость государства или же создастъ для Европы ту «желтую опасность», на которую указываютъ современные пророки.

Въ южной провинціи Юнанѣ основаніе организациі новыхъ войскъ было положено нѣсколько лѣтъ тому назадъ генераль-губернаторомъ Си-лянгомъ; его замѣстители продолжали работу, имѣя въ виду обойтись безъ старыхъ знаменныхъ войскъ, принадлежащихъ къ контингенту Юнана, но квартирующихъ въ провинціи Се-чуань. Въ Юнанѣ расположена 19-я дивизія подъ начальствомъ генерала Тсай-Сянгъ-Куйей и бригадныхъ командировъ Вангъ-Му и Чуей-лиань-

тунгъ. Эти войска обучаются лишь 2 года, но, повидимому, ихъ подготовка подвинулась успѣшнѣе другихъ, вслѣдствіе близкаго расположенія къ границѣ и болѣе воинственнаго здѣсь духа населенія.

Въ журналѣ «Ostasiatischer Lloyd» помѣщено интересное описаніе происходившаго недавно (мартъ 1911) маневра частей этой дивизіи близъ г. Юнанъ-фу, на которомъ въ качествѣ гостей генералъ-губернатора Ли-чингъ-си присутствовало 9 иностранцевъ, въ томъ числѣ 7 французовъ (между ними консулъ), 1 нѣмецъ и 1 испанецъ.

Предположеніе для маневра заключалось въ томъ, что корпусъ непріятельскихъ войскъ, въ составѣ 2-хъ дивизій, наступаетъ съ востока къ г. Юнанъ-фу и остановился лагеремъ близъ И-лианга, въ 76 километрахъ отъ города. Противникъ намѣренъ выслать авангардъ изъ 1 бригады для занятія Юнанъ-фу. Оборона города была поручена генералу Чуей-лианъ-тунгу. Послѣдній рѣшилъ послать одну бригаду съ кавалеріей и горной артилеріей на сѣверо-востокъ въ обходъ непріятельскаго лагеря съ цѣлью ввести его въ заблужденіе обходомъ, отсрочить наступленіе противника къ Юнанъ-фу и дать время приготовиться остальному гарнизону города. Другая бригада, прибывшая изъ сосѣдняго гарнизона, получила приказаніе наступать съ фронта къ И-лиангу, развѣдать силы противника и, если возможно, атаковать его при содѣйствіи обходной колонны. Если силы противника окажутся слишкомъ значительными, обѣ бригады должны были медленно отходить, задерживая боями наступленіе противника, чтобы выиграть время для сосредоточенія войскъ, которыя по телеграфу были вызваны изъ городовъ Та-ли-фу и Лингъ-анъ-фу. Войска атакующаго имѣли синее обмундированіе, а обороняющагося—мундиры цвѣта хаки; обѣ стороны имѣли походное снаряженіе. Главныя силы сторонъ были обозначены только флагами; въ дѣйствительности же на маневрахъ участвовали: въ авангардѣ синихъ только 74-й пѣхотный полкъ (3 баталіона), 2 батареи по 6 орудій (Крупна) 19-го горнаго артилерійскаго полка, одна пулеметная рота и 1 эскадронъ; обѣ бригады стороны хаки обозначались лишь 73-мъ пѣхотнымъ полкомъ, 2 батареями, 1 пулем. ротой и 1 эскадронномъ.

Между тѣмъ получено было извѣстіе, что авангардъ противника приблизился къ городу и ночевалъ на бивакѣ въ 40 километрахъ отъ него; ночью изъ города были выставлены аванпосты отъ кавалеріи и утромъ обѣ бригады выступили согласно диспозиціи. Вскорѣ кавалерія донесла, что непріятельская артилерія заняла укрытую позицію въ 14 километрахъ отъ города на возвышенностяхъ среди могилъ, а его пѣхота, увѣдомленная развѣздами о движеніи войскъ хаки, сосредоточилась въ боевомъ порядкѣ подъ прикрытіемъ горъ.

Какъ только отрядъ хаки появился на возвышенностяхъ Куей-хуа-чи, непріятельская артилерія открыла огонь. Батарея обороняющагося немедленно выѣхала на позицію и стала отвѣчать, а пѣхота

его развернулась на лѣсистыхъ возвышенностяхъ близь дороги и на холмистой мѣстности, изобиловавшей могилами, на обоихъ флангахъ.

Судя по описанію, всѣ сложныя предположенія и обозначенія сведены были къ встрѣчному бою двухъ полковъ. Синій отрядъ сначала выдвинулъ артилерію на позицію и рассыпалъ 2 роты второго баталіона. Полкъ хаки, какъ только противникъ открылъ огонь, выслалъ батарею на позицію, а 2-й баталіонъ его построился въ боевой порядокъ; 2-й баталіонъ синяго полка перешелъ въ наступленіе, имѣя двѣ роты въ первой линіи и двѣ въ резервѣ; роты первой линіи съ дистанціи въ 1,800 метровъ подвигались короткими перебѣжками въ 40 приблизительно метровъ, залегая для стрѣльбы; холмистая мѣстность и большое число могилъ позволяли подходить укрыто. Замѣтивъ наступленіе, полкъ хаки выслалъ изъ резерва 1-й баталіонъ въ боевую линію на лѣвый флангъ, а вторая батарея и пулеметы заняли здѣсь позиціи. Противникъ тоже выдвинулъ на свой правый флангъ изъ резерва 1-й баталіонъ и пулеметы.

Тогда начальникъ отряда хаки приказалъ лѣво-фланговому баталіону перейти въ наступленіе и роты его стали спускаться со склоновъ подъ сильнымъ огнемъ. Замѣтивъ невыгоду такого положенія, начальникъ отряда выслалъ изъ резерва 3-й баталіонъ на правый флангъ съ приказаніемъ дѣйствовать во флангъ противника. Когда началъ обрисовываться обходъ, синій отрядъ направилъ свой 3-й баталіонъ противъ обходящихъ частей и, такимъ образомъ, завязался бой по всей линіи на протяженіи около 4 хъ километровъ, при усиленной стрѣльбѣ, причемъ роты второй линіи тоже рассыпались въ цѣпь и стрѣляли поверхъ передовыхъ ротъ. Когда цѣпи противниковъ сблизились на 100 метровъ, генераль Чуей, который тутъ уже выступаетъ въ роли посредника, рѣшилъ, что, въ виду подхода подкрѣпленій къ синему отряду, отрядъ хаки не могъ болѣе удержаться на своей позиціи, и приказалъ дать отбой. Затѣмъ онъ сдѣлалъ разборъ маневра, отдавая предпочтеніе дѣйствіямъ синяго отряда. Сигналь отбой долго не былъ подхваченъ въ 3-хъ баталіонахъ, которые очень увлеклись наступленіемъ и продолжали стрѣльбу еще $\frac{1}{4}$ часа послѣ отбоя. Къ концу боя люди всѣхъ ротъ почти цѣликомъ истратили выданные имъ 30 патроновъ; маневръ продолжался 2 часа.

Вотъ какъ сражаются лучшія изъ новыхъ китайскихъ войскъ! Авторъ статьи сообщаетъ нѣсколько сдѣланныхъ имъ во время маневра наблюдений: примѣненіе къ мѣстности, правда, очень облегчавшееся мѣстными условіями, было отличное, но перебѣжки начаты слишкомъ рано, съ 1,800 м., тогда какъ можно было дойти безъ нихъ до 1,000 м. отъ противника. Съ того же разстоянія началась и все время продолжалась стрѣльба ротъ 2-й линіи черезъ головы 1-й, хотя во многихъ мѣстахъ это было опасно. Когда перебѣжавшія части залегали,

офицеры и унтеръ-офицеры довольно правильно командовали при цѣль, но люди очень плохо или вовсе его не переставляли. Одна ротъ лѣваго фланга отряда хаки при наступленіи сильно уклонилась влѣв и попала подъ продольный огонь. Перебѣжки были слишкомъ короткія и частыя; онѣ утомляли людей. Переходъ въ наступленіе отряд хаки на встрѣчу атаки противника, поставилъ отрядъ въ невыгодно-положеніе. Авторъ отмѣчаетъ спокойствіе людей въ строю и большой интересъ, проявленный къ маневру его участниками.

Нельзя не обратить вниманія, въ описаніи этого маневра, на извѣстную схематичность дѣйствія обѣихъ сторонъ: шахматному ходу одной стороны соответствуетъ тотчасъ ходъ другой; авторъ не указываетъ, оставались ли, послѣ выдвиганія 3-хъ баталіоновъ, какіе-либо «обозначенные» резервы. Подноски патроновъ не производилось и какъ разъ къ концу маневра патронныя сумки были опорожнены. Въ переходѣ въ наступленіе обороняющагося и стрѣльбѣ черезъ головы замѣтно вліяніе японскаго устава, но это нѣсколько напоминаетъ поговорку «слышали звонъ . . .» Оставлять удобную позицію, когда наступающій еще далекъ и не ослабленъ огнемъ, значитъ лишать себя единственной выгоды обороны; другое дѣло—съ поддержкой резервовъ броситься въ штыки навстрѣчу утомленнымъ и разрѣженнымъ цѣпямъ противника. Также и стрѣлять черезъ головы возможно, когда вторая линія расположена значительно выше первой и въ далекомъ отъ нея разстояніи, но примѣнять этотъ способъ во все время наступленія и на всякой мѣстности очень опасно не только въ отношеніи физическомъ но и моральномъ.

Въ статѣ встрѣчается еще нѣсколько интересныхъ деталей: оба эскадрона кавалеріи, производившіе до боя развѣдки, съ началомъ его были распределены по баталіонамъ въ качествѣ ординарцевъ и довольно успѣшно выполняли свое назначеніе. На полѣ сраженія фигурировала санитарная колонна, отмѣченная женовскимъ крестомъ, съ 2-мя врачами, нѣсколькими санитарями и 34 носильщиками съ носилками, но примѣненія она не получила, такъ какъ потери не обозначались. Артилерія и пулеметы все время оставались на одной и той же позиціи и тутъ прорвалась «китайщина»—лошади батарей и пулеметныхъ ротъ были отправлены въ городъ на квартиры, хотя позади позиціи имѣлось достаточно закрытій. Въ общемъ маневръ все же обнаружилъ значительныя успѣхи китайскихъ войскъ, достигнутые въ короткое время. Это высказалъ войскамъ и генераль-губернаторъ, который послѣ маневра пригласилъ всѣхъ офицеровъ и иностранныхъ гостей на завтракъ въ просторномъ вестибюлѣ китайской пагсды. Произнесено было нѣсколько рѣчей и хоръ музыки исполнялъ китайскій и французскій гимны.

М. Б.

При совмѣстной подпискѣ на изданія уплачивается сумма под писной платы на то и другое изданіе.

Сроки взноса подписной платы. Подписная плата вносится полностью при подпискѣ.

Но для годовыхъ военныхъ подписчиковъ (военно-служащіе, войсковыя части, военныя управленія и заведенія) допускается **разсрочка** платежа по слѣдующему расчету:

	На Русскій Инвалидъ.	На Военный Сборникъ.
1-й взносъ при подпискѣ	4 р.	3 р.
2-й » не позже 1-го Апрѣля	3 »	2 »
3-й » » » 1-го Сентября.	2 »	1 »
Итого	9 р.	6 р.

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургѣ на инопородный (внутри Имперіи) или обратно съ инопороднаго на С.-Петербургскій, въ зависимости отъ предстоящей продолжительности пересылки или доставки: на 1 мѣс.—30 коп., на 2 мѣс.—60 коп., на 3 мѣс.—70 коп., на 4 мѣс. и свыше—80 коп.

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на инопородный (напр. на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по тому что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну инопороднаго адреса на инопородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой-же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разница между вышеуказанною подписною платою на соответственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на инопородный или обратно 60 копѣекъ, инопороднаго на инопородный 20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій—платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 копѣекъ за каждый остающійся мѣсяць текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» текущаго года продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп.

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» за текущій годъ продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку и пересылаются по почтѣ за 80 коп.

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 15 коп. за строку летита или мѣсто, ею занимаемое; предложеніе труда по 10 коп. за строку.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{4}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наслѣдниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лоть вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,

Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Вьяльевъ.*

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Пруссакъ.*

А В Т О Р А М Ъ С Т А Т Е Й .

1. Авторамъ, присылающимъ свои статьи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, редакция проситъ соблюдать слѣдующее:

1) Статьи должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ страницы (другая должна оставаться чистою). Страницы должны быть перенумерованы (сшивать или брошюровать не надо). На написанной сторонѣ необходимо оставлять поля. Подъ статьей должно быть указано, какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своей статьей въ печати; это можетъ быть полная фамилія автора, или только инициалы, или псевдонимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года № 61, подъ статьями частнаго характера въ печати не допускаются 1).

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служенія, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, гдѣ авторъ желалъ бы напечатать свою статью: въ газетѣ или журналѣ, или-же выборъ предоставляетъ усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ переверстки изготовляется бесплатно. Больше-же число ихъ, а также переверстка всей статьи въ брошюру могутъ быть исполняемы лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить оттиски переверстанными необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ номера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Нумера эти предоставляются авторамъ только за плату.

4) На рукописи должна быть помѣтка, указывающая, предоставляетъ ли авторъ свою статью за гонораръ или бесплатно. Статьи, не имѣющія такой отмѣтки, считаются бесплатными. Авторамъ предоставляется заявлять о размѣрѣ желаемой построчной платы.

5) Рукописи, отправляемыя почтою, должны быть отправителемъ оплачены полнымъ почтовымъ сборомъ. Не вполне оплаченной корреспонденціи, за которую почта требуетъ доплату въ двойномъ размѣрѣ, редакция не принимаетъ.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакция печатаетъ съ необходимыми редакционными сокращеніями тѣ, которыя признаетъ подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть опредѣленъ заранее. Статьи, не предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленіямъ лично или черезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какія объясненія о причинахъ ненапечатанія редакціе не входить.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи назначается редакціею по принятымъ ею нормамъ (если со стороны автора не было сдѣлана опредѣленнаго заявленія). Гонораръ уплачивается въ первыя числа каждаго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

1) Этотъ же циркуляръ воспрещаетъ упоминать въ полемикѣ офензивное поименованіе своего опонента.